ISSN 0131-0097

ОГОНЁК

№ 14 АПРЕЛЬ 1991

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ

ОГОНЁК

Выходит с 1 апреля 1923 года
УЧРЕДИТЕЛЬ —
ТРУДОВОЙ КОЛЛЕКТИВ
РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА «ОГОНЕК»

№ 14 (3324)
30 марта — 6 апреля

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

Пасхальная мозаика (украинская национальная роспись).

Оформление В. В. ВАНТРУСОВА
при участии Г. Н. СИДОРОВОЙ.

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ.
Цена подписки на год — 46 руб. 80 коп.,
на полгода — 23 руб. 40 коп.,
на квартал — 11 руб. 70 коп.
Цена одного номера в розницу — 1 рубль.

Сдано в набор 11.03.91. Подписано к печати 26.03.91. Формат 70×108⅛. Бумага для глубокой печати. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,00. Усл. кр.-отт. 17,50. Уч.-изд. л. 12,05. Тираж 1 790 000 экз. Заказ № 260. Цена 1 рубль.

Адрес редакции: 101456, ГСП,
Москва, Бумажный проезд, 14.

Телефоны редакции: Для справок: 212-22-69; Отделы: Публицистики — 250-46-90; Литературы — 212-63-69 и искусства — 212-22-19; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Литературных приложений — 212-22-13, 251-90-55; Справки по рекламе — 212-12-00.

Телефакс (095) 943-00-70
Телетайп 112349 «Огонек»

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Издательство ЦК КПСС «Правда». Типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Моника ЗИЛЕ

Фото Марка ШТЕЙНБОКА

ГАВАНЬ

КАК ЗЕРКАЛО ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

(Маленькие зарисовки по поводу глобальной проблемы)

1. ОЖОГ

Во время спектакля на одном малолетнем зрителе загорелась одежда. Когда его, получившего серьезные ожоги, увезла «скорая», остальным был задан вопрос:

— Кто еще собирал янтарь?

Золотистые крошки нашлись в карманах еще нескольких школьников из той же группы, вместе с которой в Лиепаю приехал пострадавший. Были весенние каникулы, и сельская учительница решила вывезти своих питомцев в люди. Они, как и все дети, очень хотели побывать у моря. А оно у Лиепаи красивое непередаваемо — берег пологий, широкая полоса пляжа с нежным песком. И всем известно, что волны сюда выбрасывают янтарь. Но приезжие, увы, не знали, что уже больше года собирание солнечного камня стало опаснейшим занятием: люди поднимали с песка желтоватые прозрачные кусочки, которые в руках вдруг воспламенялись.

— Фосфор,— сказали химики.

— Откуда? — удивлялись рядовые граждане. Были бы в одном только месте, можно было бы найти объяснение: скажем, случайность, чья-то злая шалость. Но ожоги получили люди не только в городской черте — куски вещества, похожего на янтарь, море выносило и намного южнее Лиепаи.

— А что по этому поводу скажут военные? — спросили местные жители.

Люди в мундирах сначала обиделись:

— Это не мы. Не мы!

Но от фосфора пострадал не один человек, и военная прокуратура, взявшись за дело, выяснила: армия виновата, вернее, конкретные люди, халатно выполнившие приказ. В местной печати были названы фамилии, «звездочки», а также мера наказания. Только море и берег обвинительными заключениями не очистишь: совсем недавно «янтарем» обжегся еще один человек. Как знать, воспламенились ли «остатки прежней роскоши» или что-то новенькое. Как знать... Но стоит ли еще раз пугать наказанных военным прокурором? Да, они виноваты. Но вместе с тем они жертвы и заложники.

2. ИНТЕРВЬЮ

По главной улице Лиепаи шагает капитан второго ранга. Кавторанг — как любят говорить военные моряки. Этот город Латвии они считают своим. Ведь чисто гражданского, не разбавленного черными форменными шапками военных, населения тут почти не увидишь.

— Извините,— обращаюсь к офицеру,— вы не можете сказать, сколько лет этому городу?

— Без понятия.— Он улыбается и разводит руками.— Наверное, немало — вон какие старые кирпичные дома. Спросите у местных.

— А вам для себя разве не интересно?..

— Почему же? Только знаете, какая у нас служба — сегодня тут, завтра там, на изучение истории портов времени не остается.

Он уходит, сверкая начищенными ботинками и белоснежным шарфом.

Звоню в политотдел гарнизона Лиепаи. Со мной разговаривают приветливо, подсказывая все новые телефонные номера и имена начальников, с которыми стоит побеседовать на историческую тему — о здешней гавани. Поднимаясь вверх по телефонной лестнице, достигаю ступени, стоявшему на которой человеку, увы, меня некуда больше отправлять. Но он держится хорошо и очень доходчиво излагает свою прямую обязанность — разъяснять в частях политическую обстановку в стране. А разве это как-то не сочетается и с отношением к этому городу? Да, в принципе да, но главное и наипервейшее — разъяснение политической обстановки в стране.

На этом прощаемся, и телефонная трубка доносит до меня его облегчение: пронесло!

3. ИСТОРИЯ

У моря жить хорошо и выгодно — это знали еще древние. Море ведь не только шум волн, прибой и пляж. Море — торговая дорога. Благодаря ей в начале XVII века зародилась и Лиепая. Старые хроники и более поздние исследования говорят об одном: тут понимали и ценили богом созданную гавань. Самое главное, что зимой не замерзает. Пока не стали господствовать паровые двигатели, в Лиепае успешно работали 4 предпринимателя, под руководством которых тут строили шхуны, барки, бриги, баржи...

А вот 13 марта 1857 года (смотрите, какая точность!) генерал-майор Гайдатель, служивший в российском управлении путей сообщения, докладывает своему начальству: так как Россия для развития внешней торговли нуждается в удобной гавани, где можно построить хороший порт, то Лиепая в этом смысле незаменима. Строительство близкого к торговым дорогам Европы порта началось в мае 1861 года. В конце прошлого века Лиепаю уже знали моряки Индии, Австралии и стран Африки. Через этот порт Тамбовщина, Рязанщина и другие области России экспортировали овес, рожь, пшеницу.

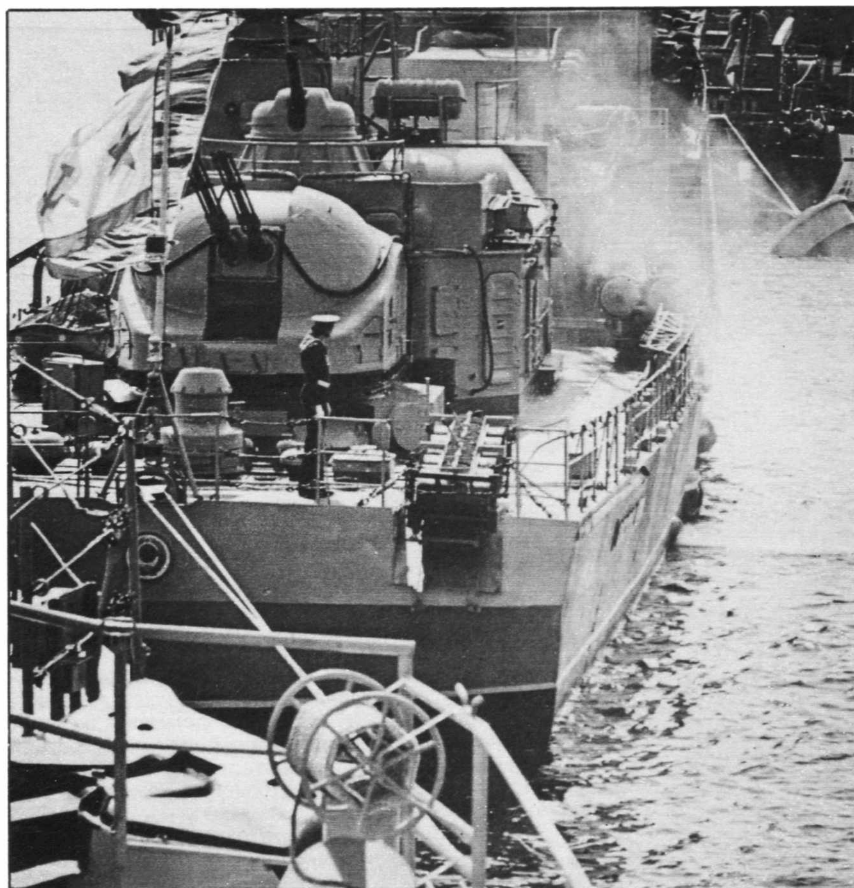
Первая мировая война нанесла Лиепае и торговому порту значительный урон. Но сохранившаяся статистика 30-х годов свидетельствует о том, что Лиепая заняла весомое место не только среди портов Балтики, но и всего Запада.

4. ДОКУМЕНТЫ

В 60-х годах (нашего века) в Латвию пришло новое понятие: закрытый город. Постичь его было непросто. Местный народ плохо понимал, почему для поездки к шурину в Лиепаю вдруг понадобилось специальное разрешение, время ведь не военное.

В декабре 1966-го, когда появился

документ из Министерства морского флота СССР о закрытии торгового порта и передаче его военному ведомству, годовой грузооборот тут достигал 2 миллионов тонн. Следует сказать, что приказ министерства многих ошарашил.

Тут нормальной работы больше не будет,— сразу после приказа морского министра сказали мудрые проститутки, смазали лапти салом и унеслись, как жесть по ветру, в другие портовые процветающие города, где после не слишком кровопролитной борьбы с таможенными коллегами заняли место под солнцем. Но не по ним боль. Из города уехали и многие специалисты-портовики. Большинство же продолжало верить, что не может так просто закрыться только что отстроенный, набирающий силу торговый порт. Люди верили в разум Центра. А зря. И не только потому, что на этот разум влияла «холодная война».

Надо было еще прожить долгие годы, чтобы осенью 1989-го появился другой, до сих пор менее известный документ. В нем городские власти Лиепаи заявляли, что закрытие торгового порта нанесло огромный урон экономике Латвии. Да и Союзу тоже. Ведь пришлось заново строить порты в других местах, увеличились простои судов под разгрузкой. Правда, на эти и другие доводы никто, кроме некоторой части правительства Латвии, большого внимания не обратил. Хотя время уже было самое что ни на есть перестроечное и новое мышление так носилось по кругу, что аж в ушах звенело.

Первые встречи правительства Латвийской Республики с военными по поводу возврата Лиепае торгового порта состоялись прошлой осенью. Ничего обнадеживающего они не дали. Правда, промелькнула информация, что при следующих встречах, вырабатывая утверждение статуса армии СССР в Латвии, вопрос о Лиепае готов послушать сам министр обороны. Но никакого документа по этому поводу нет.

5. ГОРОДОК

Если строго придерживаться фактов, то надо сказать: русский флот в Лиепае присутствовал и «до того». В начале века, например, тут базировались корабли 2-й эскадры Тихоокеанского флота. Царская армия, по-видимому, не ходила «шашки наголо!» к местной Думе. Армия для себя построила сама что ей было нужно. Среди прочего — госпиталь и храм.

Последний был возведен в 1900—1903 годах по проекту профессора В. А. Косякова и получил название Морского кафедрального собора. Во время первой мировой войны храм частично пострадал. В середине 30-х годов Латвийское государство пыталось его отреставрировать. Не станем отрицать, что государство было буржуазное. И можно долго сопеть над вопросом: зачем этому государству нужен был какой-то чужой православный собор?

К счастью, дальше загадок нет: вышеназванный храм теперешние военные по-разному приспосабливали к своим земным нуждам, пока не остановились на чем-то вроде клуба. На храм, вмещающий полторы тысячи человек, вы можете помолиться издали.

Я могла бы назвать фамилии и имена местных военных начальников, которые в ответ на решение Лиепайского городского Совета о передаче кафедрального собора православному приходу разразились брящающей железом бумагой, общий смысл которой: все поползновения на имущество Министерства обороны будут строго пресекаться! Но не будем клеймить людей, которых искалечила система, сделав иванами, не помнящими родства: какие памятники? какая история — будь она латышская или русская? Ведь самое главное — правильно разъяснять политическую обстановку в стране!

Мы видим — армия больна. Ее язвы пугающе отчетливо проступают и в лиепайском военном городке. Облик его ничем не отличается от других себе подобных, а дизайн в конце Гвардейского проспекта — самые настоящие трущобы — отзывается мурашками по спине: разве так должны жить люди?!

— Конечно, вы правы,— сказала мне миловидная жена офицера, гуляющая тут с ребенком.— Но если бы вы видели, как мы жили на Дальнем Востоке!.. Тут хоть молочные продукты без очереди, творог хороший... Правда, в Лиепае я видела надписи, что мы оккупанты. Но в город можно и не ездить. Так что...

Да, надписи, обидные для военных, в Лиепае встречаются. Но крестьяне-латыши в пору урожая прошлой осенью продолжали подвозить в военный городок картофель, фрукты, овощи, чем своих жителей не очень-то балует военторг.

6. МАЯК

Один из сооруженных в 1861—1868 годах маяков действует в Лиепае и поныне. Маяк не даст сбиться с пути гражданским судам и военным кораблям, плывущим в тумане и ночи. Свету маяка без разницы, кто там в море стоит за штурвалом — в простой рубашке или с погонами. Где нам на берегу найти такого беспристрастного проводника? То есть в жизни.

Я думаю, сперва стоит разобраться: а что в нашей жизни считается светом, без которого любой маяк лишь высокая труба? Я понимаю, в армии всегда будет свой уклад и подчинение приказам. Но все же существует точка, в которой мы, гражданские и военные, могли бы встретиться. Если принять на веру, что весь офицерский корпус заканчивал как минимум одно (а многие несколько) учебное заведение, дающее знания не только по построению на плацу, то следует вывод — эти люди имеют образование. Сумму, в которую должно входить и просвещение. Тот самый беспристрастный путеводный свет.

Прожив в свое время в Лиепае больше десяти лет, я имела возможность близко познакомиться с семьями военных. Это разные люди, как и мы все. Но было бы нечестно умолчать, что среди них есть тонко ценящие музыку и поэзию, понимающие литературу, искусство, экономику. Но вот что характерно: на службе им это все не нужно. Там важно ДРУГОЕ. Я специально написала все это слово большими буквами, чтобы мы на это обратили внимание.

Знаю: ничего нового не открыла. Система, превратившая храмы в конюшни, принимает образование лишь как средство для сохранения этого ДРУГОГО. Просвещением тут и не пахнет. Но, наверное, я и так слишком далеко зашла. Ведь недавно в «Журналисте» один военный приструнивал коллегу из «Огонька»: женщина, брось вмешиваться в армейские дела, лучше пойди на кухню... Не знаю, что бы сказал этот офицер, встретив министра обороны Финляндии Элисабет Рен, но лично я считаю, что пишу тут о проблемах общечеловеческих. Лиепайская гавань тоже из их числа.

Этот торговый порт нужен Латвии. Он важен для ее экономики. Но до сих пор системе, взрастившей такую армию, какую на сегодня имеем, было наплевать на в любой цивилизованной стране признанное триединство «Э»: экономику, экологию, этику. И, похоже, система скорее готова стать профессиональной попрошайкой, чем разуть глаза и сделать вывод: торговый порт в Лиепае важен не только для Латвии. Эту истину царская Россия понимала без подсказки. Хотя, если верить статистике, тогда безграмотных было пруд пруди.

Есть ли у нас надежда на маяк? Не знаю. Это я говорю после того, как посмотрела в глаза гавани, оплеванному храму и военному городку, который страшен до такой степени, что никто из здешнего высшего армейского начальства тут не живет.

НАДЗОР ПОСЛЕ ПОЗОРА

ВОЗВРАЩАЯСЬ К НАПЕЧАТАННОМУ

21 августа 1968 г. советские войска и войска четырех «братских» стран (Болгарии, Венгрии, Польши и не существующей уже ГДР) вошли в Чехословакию, чтобы прекратить попытку построения «социализма с человеческим лицом».

25 августа в Москве восемь человек вышли на Красную площадь с плакатами, протестующими против непрошеной «братской помощи». Через несколько минут избитые демонстранты были увезены в милицию.

В октябре Московский городской суд осудил пятерых из них: Константина Бабицкого, Ларису Богораз, Вадима Делоне, Владимира Дремлюгу и Павла Литвинова — по ныне отмененной ст. 190[1] («Распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй») и ст. 190[3] УК РСФСР («Организация или активное участие в групповых действиях, нарушающих общественный порядок»). Верховный суд РСФСР кассационные жалобы отклонил.

4 декабря 1989 г. Советское правительство заявило, что ввод советских войск в Чехословакию был ошибкой.

О «деле демонстрантов», а также о судьбе остальных трех демонстрантов можно прочесть в «Огоньке» № 1 за 1990 г. (статья Ильи Мильштейна «Выйти на площадь»).

3 мая 1990 г. зам. прокурора РСФСР А. В. Бутурлин направил в президиум Верховного суда РСФСР «Протест в порядке надзора»:

...Изучение материалов дела показало, что доказательств, подтверждающих факты грубого нарушения общественного порядка и нормальной работы автотранспорта, не собрано. Поэтому вывод суда о нарушениях общественного порядка и нормальной работы транспорта в этой части является предположительным, не основан на материалах дела.

Что касается распространения заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, то анализ текстов плакатов свидетельствует, что они таковыми не являются, общественный и государственный строй не порочат, а выражают отношение граждан к происходящим в мире событиям. То, что это отношение не совпадает с мнением правительства, состава преступления не образует. Кроме того, постановлением Президиума Верховного Совета СССР действия Советского правительства по вводу войск в Чехословакию в то время признаны неправильными.

Фактически осужденными была проведена демонстрация, право на которую им предоставлялось в Конституциях СССР и РСФСР.

В таких условиях приговор суда является неправильным и подлежит отмене.

6 июня президиум Верховного суда РСФСР, рассмотрев этот «Протест», признал, что

при таких данных обвинительный приговор не может быть признан законным и обоснованным,

и постановил:

приговор Московского городского суда от 11 октября 1968 года и определение Верховного суда РСФСР от 19 октября 1968 года... отменить, дело производством прекратить за отсутствием в их действиях состава преступления.

Итак, демонстранты реабилитированы.

Добавлю, что все процитированное выше из «Протеста» прокурора Бутурлина твердили когда-то на суде подсудимые и их защитники, все это было повторено для Верховного суда РСФСР в кассационных жалобах, однако в 1968 году судьи оказались глухими. Кроме того, отмененный ныне приговор является неправильным не только «в таких условиях» — он был таким же неправильным и в 1968 г., причем его неправильность уже тогда была очевидна любому человеку с элементарными юридическими знаниями.

Юрий ШИХАНОВИЧ,
сотрудник Комитета Верховного Совета РСФСР по правам человека

ПРОШУ СЛОВА

УРОКИ ЧУЖОЙ БЕДЫ

Читаем в «Лос-Анджелес таймс»: «...Сбито два иракских самолета советского производства «СУ-25» и еще два «МиГа-21»...», «Американские военные пехотинцы, ожидающие отправки в Ирак на военно-морской базе Окинава, изучают захваченные в Ираке советские автоматы «АК-47». Им предстоит сдать экзамен по умению разбирать советское оружие с завязанными глазами...»

И эти газетные сообщения — среди тысяч и тысяч других — остались уже в прошлом, в той короткой войне, от которой до большой, мировой, было рукой подать.

Они остались, еще и еще раз напоминая нам — стране, не принимавшей участия в войне,— что и мы оставили в ней свой след.

Да, конечно, оружие — это товар, который не разбирает границ, но все-таки, все-таки... Догадываясь, что СССР является одним из крупнейших (а, может быть, и крупнейшим — кто это скажет?!) экспортеров оружия, мы все-таки имеем право знать: когда? куда? какое? зачем? Кто-нибудь контролировал — и контролирует ли? — дороги наших МиГов и АК?.. Почему мы передавали это оружие в руки тех, кто может завтра взорвать цивилизацию?..

— Не имея баллистических ракет СКАД советского производства и всей массы оружия со всего мира, Ирак никогда бы не решился воевать с Объединенными силами! — утверждает Глория Даффи, президент Института «Глобэл Аутлук», специализирующегося на изучении вопросов международной безопасности.— Этим-то только что закончившаяся война на Ближнем Востоке отличается от тех, что проходили там в 1967 и 1973 годах.

— Кто-нибудь еще поставлял Ираку баллистические ракеты? — спрашиваем мы Глорию.

— Нет, только Советский Союз... Ираку было поставлено 500 ракет СКАД модификации «Б» и от 40 до 60 пусковых установок. Ирак переделывал ракеты в два разных типа: один с дальностью полета 360 миль (их использовали и в Иране), а другие — 900-километровые. Правда, Хусейн утверждал, что эти ракеты «иракские» и «Советский Союз здесь ни при чем».

Это — о ракетах. А вот что мы узнали здесь, в США, о других наших сделках с Хусейном. По данным Американского агентства по контролю над вооружениями, Ирак располагал к началу войны 600 боевыми самолетами нападения. Самолеты советского производства составляли 87 процентов от всего военно-воздушного флота Ирака: только с 1983 по 1987 год Хусейн заплатил СССР за оружие 13,9 миллиарда долларов.

Да, не мы одни продавали оружие Ираку. Но и мы — тоже... И потому тоже несем ответственность и за агрессию против беззащитного Кувейта, и за то, что мир стоял на пороге еще большей войны.

Конечно, мы можем утешать себя тем, что оружие, которое поставлял СССР, оказалось, мягко говоря, слабее: ракеты, проданные нами, не долетали до целей, а самолеты проигрывали в схватках с самолетами западного производства. Возможно, в этом и заключалась наша военная, вернее, политическая хитрость. Возможно же, наш мощный военно-промышленный комплекс, без стеснения захватывающий у налогоплательщика миллиарды и миллиарды, на самом-то деле втирал всем очки, производя товар «второй свежести». Возможно! Пусть сам ВПК и извлекает для себя из этого урок. Нам не хочется становиться патриотами советского оружия (лучше уж быть патриотами по мясу и башмакам).

Другой урок нам кажется куда более существенным.

— Убеждена,— говорит Глория Даффи,— что мир должен прекратить бесконечные игры с оружием. И это, естественно, касается не только СССР, но и США: загипнотизированные историей с заложниками, американцы помогали Ираку в войне с Ираном, толком не зная, что собой представляет Саддам Хусейн и его режим. Политические пристрастия могут меняться, но оружие всегда остается в руках тех, кому раньше его продавали из-за «нерушимой дружбы», не думая о том, что эта дружба может завтра перерасти в кровавую вражду...

Сейчас, наверное, мы должны были бы сказать о том, сколько и как зарабатывали и продолжают зарабатывать на оружии его торговцы из США, Франции, ФРГ, других государств, богатых в том числе и оружием. Но пусть пишут об этом журналисты из США, Франции, ФРГ... Самое печальное в нашем веке — принцип коллективной ответственности, за которой теряется личная ответственность что человека, что государства.

Поэтому-то мы позволили себе обратить ваше внимание на еще один урок войны, проходившей так далеко от нашей страны, которая мучается заботами, далекими от Персидского залива.

Вспомним свою «нерушимую дружбу» с теми режимами, на истинную антинародную сущность которых мы закрывали глаза лишь из-за того, что они «строили социализм» да поддерживали наши собственные кровавые походы.

Вспомним сейчас, когда только что утихла буря в аравийских песках.

Это и наше ружье выстрелило! Пусть даже оно оказалось и ржавым...

Леонид ЗАГАЛЬСКИЙ,
Юрий ЩЕКОЧИХИН

Сан-Франциско, февраль

Анатолий ГОЛОВКОВ, обозреватель журнала «Огонек»

ПРИЗРАК ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ БАРОМЕТР

«— Ты представляешь, Егор, какую огромную тяжесть мы на себя взвалили!
— Конечно, представляю! — откликнулся я».

Егор Лигачев.
«В Кремле и на Старой площади»

1

...Рылся в старых книгах на даче, и попалась на глаза одна, зачитанная до дыр,— «Всадники» лауреата Сталинской премии Ю. Яновского. На обложке — конник в буденовке, разящий белого офицера. Раскрыл ее наугад:

«Оверко победил. Его черный шлык развевался по плечам. «Рубай, братья, белую кость!» Пыль спадала. Кое-кто из отряда Андрея* убежал. Кто-то протягивал руки, и ему отрубали руки, поднимал к небу покрытую пылью и потом голову — и ему рубили саблей голову, он падал на землю и ел землю, захлебываясь предсмертной тоской, и его рубили по чем попало и топтали конем...»

Стоит только приучить население к словам «военная диктатура», «дестабилизация», «гражданская война» — а ведь уже и приучили! — как начинается поиск виноватых. Это качество почти исключительно наше, советское, большевистское. Пусть только партия, коммунистическая ли, демократическая, укажет, кто там встал поперек дороги,— а уж за нами не заржавеет! Было ведь уже, было, сосед почитал за «гражданский долг» стукнуть в НКВД на соседа, друг на друга, сын на отца. По запрятанным под шляпу глазам, все еще горящим местью, на некоторых митингах вижу: жива страстишка! Одни несут транспаранты «Ельцин, ты предал Россию!», другие — «Долой КПСС!», где две последних буковки латинские, с намеком на эсэсовские войска Гитлера.

«Патриоты» клеймят сионистов. Сторонники опальных следователей прокуратуры Союза — «коррумпированные элементы». Демократы обвиняют бюрократов-аппаратчиков и ЦК КПСС. Аппаратчики и по сей день считают, что к пропасти страну подталкивают «демократы и их разнузданная пресса».

Вспомним февраль прошлого года. По радио, по телевидению, в официальной прессе началось усиленное запугивание якобы предстоящими погромами. Сначала пронесся слух о том, что некие черные силы намерены громить еврейские дома, и некоторые семьи предпочли на всякий случай услать детей подальше, в провинцию. Затем в одних городах (очевидно, не без помощи КГБ) распространилась версия, будто готовятся репрессии против демократов, их лидеров, журналистов, в других — запугивали расправою аппаратчиков. Раздавались звонки к главврачам с требованием «освободить побольше мест в палатах», так как «ожидается много раненых». Как это назвать?

* Офицер добровольческой армии А. И. Деникина.— **Авт.**

Теперь же, после референдума, тоже не мешало бы освежить память да поглядеть, как готовили наши заблудшие души к плебисциту, чтобы мы, серенькие, зачеркнули в бюллетенях то, что положено. Усердствовали все, но особенно КПСС: оно и понятно — у кого деньги, у того и эффективнее агитация. Однако большевики малость переборщили, и страсти по референдуму вылились в нагнетание истерии.

Начиная примерно с первых чисел марта, принялся я за неблагодарную работу: стал подсчитывать, сколько раз по радио, по телевидению произнесут слова «гражданская война». После трехзначной цифры сбился со счету, бросил. Все равно Леониду Кравченко ничего не докажешь, а видеокассеты сотрут, с этим у них, в Останкино, тоже дефицит. Пошел в библиотеку, погрузился в газеты.

«Правда», 2.03.91

«Надо открыто и аргументированно говорить о деструктивной позиции деятелей, которые ищут любую возможность **дискредитации** Союза ССР, в **амбициозной ослепленности готовых крушить все его структуры»**.

О. Шенин, член Политбюро, секретарь ЦК КПСС.

«Советская Россия», 5.03.91

«...всем ясно: при определенных обстоятельствах та или иная публикация, передача могут стать **детонатором взрыва** социальных или национальных страстей, спровоцировать **столкновения, кровопролитные распри»**.

Г. Зюганов, секретарь ЦК Компартии РСФСР.

«Правда», 6.03.91

«Кризис угрожает перерасти **в гражданскую войну...** Там (на Западе.— **А. Г.**) удивляются, как это могут власти покушаться на чужую собственность** и считать **покушение** не грабежом среди бела дня, а законным актом. И мы удивляемся: откуда происходит **угроза гражданской войны?»**

А. Карпычев. «Хотят ли русские войны?».

Ну и, конечно, свой вклад в святое дело запугивания населения привнес лично первый секретарь ЦК Компартии РСФСР И. К. Полозков.

«...Речь идет уже не о том, чтобы избежать классовой борьбы, а о том, чтобы не допустить ее перерастания в крайние формы, **в гражданскую войну»**.

Всего несколько слов — а столько вопросов! О какой «классовой борьбе» идет речь? Следствием противостояния каких именно «классов» может оказаться гражданская война? Интеллигенции и рабочих? Рабочих и крестьян? Непонятно.

Напрасно писатель Юрий Грибов тратит полемический пыл на защиту Ивана Кузьмича. «Мне даже жалко Полозкова,— сетует он в статье «Не раздувайте пламя зла» («Правда», 11.03.91.).— Он стал печально знаменитым, еще ничего не успев толком сделать. Валтузят его, бедного, обзывают площадно с печатных страниц и с экранов...» Политические лидеры такого склада не слишком любят, когда их жалеют. Дурная это для них примета.

** Очевидно, речь идет о «собственности» КПСС.— **Авт.**

2

...Начитаешься газет и поневоле задумаешься: где же эти дзоты, эти таинственные крепости, откуда злоумышленники бросают на наши головы зажженную паклю? В Кремле? На Старой площади? В «Белом доме» парламента России? Борис Ельцин, который неосторожно произнес слово «война» в Доме кино, вынужден был опубликовать свою речь, чтоб люди увидали кавычки. Объясняться, что имел в виду не вооруженный конфликт с Центром, но борьбу парламентскую, мирную.

Партийно-бюрократическая номенклатура никакими объяснениями себя не утруждает. Остается гадать: **что именно** дает основания тому или иному лидеру заявлять об угрозе гражданской войны? Ведь члены Политбюро, секретари ЦК не продавцы моркови с Тишинского рынка. Они-то уж, наверное, располагают информацией: из КГБ, МВД СССР, военной контрразведки. Если да, то почему не подкрепить бы свои пророчества конкретными фактами? Дескать, в таком-то учреждении города Москвы такие-то «деструктивные силы» имеют в подвале арсенал, набитый оружием и взрывчаткою, и ждут только сигнала, чтоб отправиться на штурм... Если же нет, то мы имеем дело с прямой дезинформацией, за которую следовало бы ответить перед парламентом.

Но наверху молчат, и мы молчим, будто парализованные, не в состоянии решить, что делать. То ли в Сибирь идти, раскольничьи скиты строить, то ли всей дружной советской семьей просить убежища в какой-нибудь Австралии, то ли седлать вороных на Московском ипподроме да бежать в Музей революции за шашками... И спрашиваем себя: что же это мы за народ такой, если любой окрик с вершин власти возбуждает в нас прежде страх, а уж потом возмущение? Видать, воспитаны так: мысли не допускаем, что оскорблением может быть не только грязная брань в наш личный адрес. Что у новой государственной власти тоже есть немало способов унизить, указать место, растоптать чувство человеческого достоинства. И не только законом, указом, очередным запретом, но и пустым грязным магазином, хамством обслуги в гостиницах, изуродованным асфальтом улиц, произвольно взвинченными ценами, манипуляциями с банкнотами.

Скажите, в какой демократической стране народ стал бы равнодушно взирать на арест народных депутатов, как это практикуется в Нагорном Карабахе? На десятки тысяч бездомных беженцев, заполонивших наши города в результате «мудрой» национальной политики? На обнищание стариков, на больницы, где детей заражают СПИДом? А тем более — на угрозы и запугивание?

Сверху лучше видно: «преступления», мол, рождаются в нашей, «деструктивных сил», среде. У властей — «ошибки». С такой точки зрения и Сумгаит, и Чернобыль, и Тбилиси, и Вильнюс — в худшем случае «ошибки», «недоразумения», а не преступления, за которые до сих пор никто не наказан. Значит, позволительно ошибаться и дальше?

В XVIII—XIX веках в России существовала гражданская казнь. Осужденного привязывали к позорному столбу и ломали над головой шпагу в знак лишения чинов, привилегий, прав собственности. У нас, к сожалению, нет сословия дворян и давно размыто понятие о чести. Не знаю, как насчет шпаги, но есть **у кого и за что** сорвать прилюдно погоны, объявить бойкот, вывесить на «доску позора» на видном месте. Но этих не тронь! Ибо мы — еще и страна «почетных пенсионеров», где куда вольготнее многих живется бывшему начальнику лагеря НКВД, генералу, стрелявшему в рабочих, или члену Политбюро, который помогал довести страну до ручки. Тут тебе и дача, и машина, и обслуга, и полная безопасность. Плюс к этому редкая, сладкая — потому что уже никакой ответственности! — возможность, развалясь на диване, понаблюдать за успехами перестройки. Они и интервью дают: дескать, наше поколение социализм строило, а вы его теперь рушите. Что из того, что социализм-то был казарменный, лагерный, рабовладельческий, что полстраны сгноили в ГУЛАГе, сгубили в спецпсихбольницах? Им на своих дачах нынче спокойнее, чем когда-либо: Центр в отношении «коммунистической перспективы» определился...

3

Страна, кричат нам сегодня со всех сторон, напоминает пороховую бочку. Только спичку брось — немедленно взорвется. При этом подразумевают: не дома, конечно, порохом начинены, не заводы, не шахты и колхозы, а народ, люди. То есть мы с вами и есть чистый порох... Боже мой, как же не узнать курилку! Жив-целехонек, бедолага, и опять, следуя накатанным приемам, норовит выдать желаемое за действительное! Уж больно хочется, чтобы не безмолвствовал народ, всколыхнулся, «пришел в движение» в ответ на политические игрища. Чтобы люди

просто за сердце хватались от каждой подробности отношений между Ельциным и Горбачевым, между «Демократической Россией» и движениями «социалистического выбора». То программой «500 дней» перед носом размахивают, то «Основными направлениями». Но отчего-то мы, бессердечные, уже, как бывало, часами перед телевизорами не просиживаем. От восклицаний Алксниса, Р. Медведева или Петрушенки нас более аллергический зуд не охватывает. Точнее — большинство.

На политические метаморфозы, за исключением профессионалов, резче всего реагируют те, кого хочется назвать «низовым дестаблишментом» — от слова «дестабилизация». Эти и на митингах громче всех вопят, и подпольные комитеты собирают, и по нескольку партий в день учреждают.

Философ и политолог Александр Ципко, выделив из этой среды бывших членов КПСС, совершенно точно подметил: антикоммунисты из их числа — самые яростные, хотя и не замечают, что, встав на позиции воинствующего антикоммунизма, невольно признают де-факто и сам коммунизм. И, поверьте, наметившиеся распри в КПСС (когда даже один из ее лидеров вынужден был заметить, что главная опасность — «активизация правых сил» внутри партии) поразительно смахивают на разногласия в партии Николая Травкина, где бывший «прораб перестройки» никак не может договориться с Гарри Каспаровым.

Вот куда еще долетают спички, предназначенные разжечь костер «снизу».

Пока на гипотетическом Куликовом поле идут перебранка, запугивание голодом, мором, пальбою, «низовой дестаблишмент» волнуется, хотя до него долетают лишь отблески великого сражения за власть. Боязно становится им за себя, того, кто при Брежневых — Черненках сиживал в «организаторах соцсоревнования» (бегал за пивом для секретаря парткома)... Директорствовал в идейных заведениях вроде домов политпроса, протирал костюмы на всяких марксистско-философских кафедрах... Множил собою бесчисленную армию синекурных бездельников, начальничков от комсомола и профсоюзов... А если включить сюда прочую номенклатуру областного и районного звена, получится армия значительная, что-то около 17 миллионов, да к тому же — прижатая к стенке. Потому что вместо прежних занятий новая власть ни в лице демократов, ни в лице коммунистов ничего похожего взамен не предлагает. Этим — хоть в коммунизм, хоть к черту на рога, лишь бы снова засесть за дремучие столы.

И неудачникам боязно, тем, кто и раньше, до перестройки, никакого прогресса в жизни не добился. А тут подворачивается шанс: вдруг «при демократии-то» вынесет наверх лихая волна! И ведь кое-кого уже вынесла! Им-то, конечно, лучше как-нибудь без коммунистов, только бы не наступила опять отупляющая безнадега.

Можно ли серьезно считать, что вот именно тут истоки политического противостояния? Убежден, что нет. Хотя эти люди и поднимают время от времени политическую температуру в обществе, выдавая свои вопли за «глас народа», они, безусловно, пока еще управляемы, законопослушны и ни о какой гражданской войне не помышляют.

Другое дело — национальные окраины разваливающейся империи. Тут внимательно следят за каждым ходом Москвы, наученные горьким опытом, замешанным на крови и человеческих жертвах. Здесь бездна разногласий. Но зато и твердая почва для единения: выношенная поколениями мечта о национальной независимости. Партийные и прочие аппаратчики, которые были и остаются глухи к боли целых народов, ведут себя в этой ситуации как настоящие феодалы. Им наплевать, что в Степанакерте уже подросли дети, которые ни о какой иной власти не слышали, кроме военной. Что они не знают другой жизни, кроме чрезвычайного положения, когда на каждом перекрестке по бронетранспортеру, а световой день ограничен комендантским часом. И вот перед самым референдумом летит из Кремля утешительное послание со словами о том, что Нагорный Карабах — «неотъемлемая часть территории Азербайджана». Остановит ли оно кровопролитие?

При такой политике наша держава, какие бы плебисциты в ней ни проводили, может остаться без республик Закавказья, без Молдовы, Прибалтики, Западной Украины... Вот настоящий «долгоиграющий» источник дестабилизации, вооруженных столкновений, упорного противостояния Центру. Но и в этих республиках заинтересованы не в «гражданской войне» (которой и их пугают), а в мирном дипломатическом урегулировании, заключенном, может быть, в универсальной библейской формуле: **«Отпусти народ мой!»** Отпусти, чтобы люди любой национальности сами решили, при каком общественном строе им жить. Высвободи энергию национального возрождения — в Литве ли, Латвии, Эстонии, Грузии, Армении, Азербайджане, — она способна творить чудеса! Уважь их религии — будь они мусульманами, христианами, буддистами или даже язычниками. Дай глотнуть долгожданной свободы. Ведь, связанные вековыми узами с Россией, вечные ее соседи, они потом сами протянут ей руку. У насильственного Союза нет будущего.

4

...Лидерами, захваченными политической игрою, движет жажда власти, сладости которой большинству из нас никогда не изведать. А потому и прелести ее не понять. Не постичь захватывающего чувства, когда поднимаешься, ступенька за ступенькой, от кабинета к кабинету — к тому самому заветному креслу, на котором и начинается настоящая жизнь.

Тех, кто недавно ее получил, власть будоражит, толкает к активному действию. Заставляет ворочаться по ночам: верно ли я сыграл эту партию, не подставился ли тут, не ждет ли опасность там? Ты словно крупье гигантского казино, где играют все, но никто не желает проигрывать и ставки чересчур высоки; где нет ни друзей, ни единомышленников. Ты хранитель многих тайн, которые заставляют быть начеку.

Долгая власть привносит гипноз, умиротворение, не радует, как вначале, переходит в привычку. Это хорошо чувствуют окружающие и начинают безнаказанно лгать о давно забытой тобою жизни, которая там, за окнами. Инстинкт самосохранения заставляет их понять: усилия твои на благо державы уже должны принести плоды. Это ничего, что плодов нет, важнее твоя готовность слышать о них; получить «достоверную информацию», что все, дескать, совсем не так плохо, как пишет «независимая печать». И пусть не повсеместно, но все-таки выполняются приказы, и урожай обещает быть обильным, и люди — терпеливыми.

И чем сильнее убаюкивает власть, тем более далекой кажется и твоя собственная, почти забытая юность. Потери тех лет уже не кажутся трагичными, а обретения — похожими на счастье. И вот наступает миг, когда уже и не осознаешь, что между далекими городишками, где бывал, между российскими общими вагонами, которые переносили тебя в пространстве, между миром теплого хлеба, горьких трав и вечных очередей; между тем прежним миром, который окружал тебя, и теперешнею государственной службой — провал, пропасть, в которую лучше и не заглядывать. Потому что т у д а ты всегда успеешь, а в твой кабинет могут в любой момент войти люди и сказать: «У нас сложилось мнение...»

И это самое скверное, на что ты рассчитываешь, к чему готов всегда. Но отнюдь не к тому, чтоб пришли другие, в пятнистых комбинезонах, с автоматами наперевес, подчиненные невесть кому из твоих бывших «друзей», и, грубо подталкивая тебя прикладами, повели сам знаешь куда... А теперь ответь сам себе, если способен еще на искренность: бросая с трибуны, в интервью журналистам слова «гражданская война», угрожая народу «кровопролитием», желаешь ли «румынского варианта» затеянной революции, действительно ли хочешь, чтоб карьера закончилась именно так?

Нет, власти предержащие, конечно же, гражданской войны не хотят. Вся их «война» сводится к тому, что они энергично работают локтями, о чем мы потом узнаем из их мемуаров, предают друг друга. И выясняется, что они лгали, лгут и готовы лгать нам дальше. Что ж остается нам? С болью думать о том, что, не будь этой лжи, мы давно могли зажить как нормальные люди. Что наши недра не были бы распроданы с молотка, наши технологии выдерживали бы мировую конкуренцию. Что, зайдя в свой гастроном на углу, мы бы стояли в растерянности, не зная, на чем остановить выбор из сибирских, среднеазиатских, украинских деликатесов, гордясь своим давно конвертируемым рублем. Что наши женщины не знали бы тяжелого физического труда, а старики — унижения. И мы славились бы на весь мир приветливостью и открытостью, считая многонациональный состав страны высшим гуманитарным достижением.

Но мы живем в иных реалиях. И в отличие от политических лидеров движет нами обычная человеческая мотивация при нормальных житейских интересах. Не политический процесс, в который нас время от времени втягивают, а результаты его волнуют душу, потому что мы — нация усталых людей. И не надо нам, пожалуйста, про «регулируемый рынок» и экономические законы. Лучше бы про то, сколько в конце 1991 года будут стоить кило масла, мяса, колбасы, проезд в метро или автобусе, место для ребенка в детском саду, путевка в санаторий. Получится с отдельной квартирой или нет?.. Дадут ли в наследственную собственность землю?.. Отпустят ли заработать за рубежом твердой, конвертируемой, чтобы без очереди купить самый необходимый ширпотреб, или опять будут откладывать с Законом о въезде и выезде?..

До президентской команды не докричаться из дальних городов, поселков и деревень, где своя власть — в обкоме ли КПСС, в «демократическом» ли горсовете, который запутался в обещаниях. Это где-то там, в Москве, есть ЦК КПСС, парламент, президент, а тут председатель колхоза — царь, бог и Советская власть. Захочет — продаст немного комбикорма для кур и уток, заплатит натурою: фуражным зерном, сахаром или семенами подсолнечника, трактор даст огород вспахать, удобрений подбросит. А не захочет — кричи караул, жарь семенной картофель, режь скотину, чтобы дотянуть до весны. Вот тебе и все политические интриги! Это там, за горами, за тысячами верст Транссибирской магистрали, строят правовое государство, генеральные прокуроры сменяют друг друга, и их с таким пылом утверждают на сессиях. А тут — что при Рекункове, что при Сухареве, что при Трубине — одна масть: на глазах у свидетелей убили мужика, единственного кормильца семьи, а уголовное дело не заводят, говорят, «несчастный случай», и сидят дети без пенсии...

Хотя и не взял я этот текст в кавычки, ты, мой читатель, почувствовал, наверное, что не только от себя говорю. Это ваши голоса, самые драгоценные и важные, ибо в них правда, из ежедневной почты, которую получает «Огонек». Ну, и как отнесетесь к тому, что, оказывается, вы и есть те загадочные «деструктивные силы», готовые развязать гражданскую войну? Жизнью-то недовольны...

5

Получается, что вопрос «Кто виноват в разжигании военного психоза?», похоже, висит в воздухе. Зато ответы на него подсовывают со всех сторон.

Радикалы говорят: разумеется, «партийный дестаблишмент», который ничего нового в своей тактике не изобрел. Даже перейдя в наступление, аппаратчики остались в порочном круге: чем больше усилий тратится ими для сохранения монополии КПСС на власть, тем сильнее социальная дестабилизация общества. Разве не ясно?

Нет, не ясно. Сейчас уже мало кто из здравомыслящих людей сомневается в аксиоме, что, не расставшись с коммунистической идеологией, ни одну экономическую задачу не решить. Но в КПСС тоже есть здравомыслящие люди. И неужели хотя бы на этом этапе не пойти на союз с ними, если все так страстно желают «счастья для народа»? Неужели такое согласие исключено даже на уровне **ненасилия,** политической сдержанности? Куда там! С энтузиазмом, унаследованным, видно, от октябрьских большевиков, люди из демократического блока не готовы уступить ни пяди своей политической территории. И хотя к гражданской войне не призывают, ни на какие инициативы Центра не отзываются. Нас обманули, предали,— и точка: так рассуждают они.

Крайние позиции сейчас разве что только идейных противников и устраивают. Но отнюдь не народ. Ибо измученной стране нужна ныне такая власть, на которую в противоборствующих лагерях нет и намека,— власть компетентная, умеренная, нацеленная не на завоевание лидерства, не на обманчивый популизм, а на защиту народа, на преодоление кризиса. И по меньшей мере глупо вести перебранку, размахивать руками, когда и те, и другие идут по натянутой проволоке.

Вдумайтесь: разве тем, кто предлагает парламенту вариант за вариантом разумного экономического пути, серьезных преобразований безо всякого «шока», кто считает преступлением продолжение октябрьского эксперимента, нужна гражданская война? Убежден, что нет. Она не нужна никому, и опасности такой, как бы нас ни запугивали, пока не существует. Пугало «гражданской войны» используется более всего теми, чей час давно пробил и истек срок пребывания на политической арене, но кто, цепляясь за последние «шансы», идет на все, вплоть до подлости.

Они твердят об «умеренности», в то время как именно политическая взвешенность означала бы для них фиаско. А наши дорогие радикалы усиленно помогают им в этой ситуации, выказывая всяческую нетерпимость и политический эгоизм. Ну, и что же остается еще партаппарату? Можно, к примеру, и дальше дурачить бастующих шахтеров, убеждая их, что, дескать, для повышения окладов партработникам деньги нашлись, а улучшение благосостояния рабочих «разорит казну». Можно посадить общество на еще более жесткий информационный паек, закрыть независимые журналы и газеты, отменить ТСН, перекрыть кислород для Радио России, ввести цензуру. Можно попробовать решить продовольственную проблему, поставив генералов во главе колхозов, и разбить крестьян на роты и батальоны. Можно даже развязать не словесный, а настоящий террор в отношении тех, кто против «коммунистической перспективы».

Но нельзя уже запретить народам отстаивать свое право на тот выбор, который без всякой «гражданской войны» ведет от рабства и унижения — к свободе.

КРАСНОЕ И ЧЕРНОЕ

Настольная книга начальников советского народа

Книгу для вождей и начальников печатают на лучшей бумаге. Печатает Гознак. И — что характерно — раздают ее бесплатно.

Чтение не утомительное — всего-то несколько десятков фраз. Но поучительно и познавательно сверх границ.

Довольно интриговать. Эта книга называется «Перекидной настольный календарь». Вся мудрость, какая в текущем году нужна, тут собрана. Тут вся мировая цивилизация сконденсирована. И каждый начальник — кому по чину положены кресло и стол — перед собою календарь имеет. И никакое событие начальника врасплох не застанет.

Увлекательнейшая книга! Я читал, перечитывал, сперва выписки делал, потом всю законспектировал. Это как Библия. Иди вглубь — конца-краю нет.

При всей ограниченности материала.

Из всех персонажей мировой истории в календарь для советских начальников попало трое. Троица эта: Маркс, Энгельс и... Ленин. Ни Гомера, ни Христа, ни академика Сахарова. Даже Сталина нет, совсем уж непонятно почему. Зато каждый из троицы упомянут дважды.

К примеру, на листке «5 мая» написано: **«Родился Карл Маркс»**, а на листке «5 августа» — **«Умер Фридрих Энгельс».**

И так все трое. Один раз — «родился», другой раз — «умер». Больше о них календарь ничего не сообщает. И за что они сюда попали, каждый начальник сам догадывается.

Но один из трех — главный. На листке «22 апреля», кроме «Родился Владимир Ильич Ленин», еще написано **«День рождения В. И. Ленина».** На первый взгляд тавтология, на второй взгляд угодничество. Но на третий... «родился» — это информация, а «День рождения» — это **праздник.**

Нет, недаром и не по глупости возникают такие псевдотавтологии. Родился Маркс — ну и Бог с ним и с его досадным происхождением. А ежели написано «День рождения»,— это радость, с этим надо поздравлять.

И начальники советского народа в этот день умиляются и звонят друг другу:

— С праздником вас, товарищ секретарь!

— И вас, товарищ генерал!

Это ихняя Пасха. Вот интересно — поздравят ли в этом году Эдуарда Амвросиевича?

А еще у кого день рождения? А еще 19 мая — «День рождения Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина» и 29 октября — «День рождения комсомола». В отличие от персонажей троицы организации ще нэ вмэрлы — грустных дат не обозначено. И больше в истории никто не рождался.

А как грустную дату от радостной отличить? О, это очень просто.

«Родился Энгельс» напечатано красным.

«Умер Энгельс» — черным. И если в данном случае формальная логика не в силах определить, какой цвет считать радостным, то Ленин все ставит на место.

«День рождения имени В. И. Ленина» — несомненно, праздник, а надпись **красная.**

И День учителя, и День работников леса, и даже День работников торговли — красные. Это наши праздники.

Международный день театра — праздник? Да... как сказать. По тексту да, а по цвету — скорбная дата. Черным напечатано.

Международный день музыки — черный.

Международный день кооперации — черный.

Всемирный день мира — черный.

Международный день защиты детей — черный. Господи!..

А при этом День работников легкой промышленности — красный. День бытового обслуживания населения — красный. 30 июня — День советской молодежи — красный, а 10 ноября — Всемирный день молодежи — черный.

Так-так-так, проясняется.

Вот ключевая страничка:

12 апреля. Красным — День космонавтики. Черным — Всемирный день космонавтики.

Вот теперь все ясно. **Черной краской в настольной книге советских начальников обозначен КОСМОПОЛИТИЗМ.**

Поэтому Международный день солидарности журналистов, Международный день Организации Объединенных Наций и даже вполне невинный Международный день музеев — **черные** дни.

И совсем было бы грустно жить, если б не радовали душу красные денечки:

День Советской Армии и Военно-Морского Флота.

День войск противовоздушной обороны страны.

День пограничника.

День Военно-Морского Флота СССР.

День танкистов (это мой любимый, 8 сентября).

День советской милиции.

День ракетных войск и артиллерии.

Все это — красное, счастливое, румяное. С белозубой улыбкой из-под застегнутого шлема.

...Я, конечно, многое пропустил: красную Великую Октябрьскую революцию,

черную Февральскую буржуазно-демократическую.

Но чему удивляться? Власть делает календарь для себя и исходя из своих взглядов.

По календарю — по тому, о чем он скорбит и что празднует,— абсолютно точно определяется: **кто у власти.**

И какой год на дворе. Год аппаратчика. А для него нет ни Крещения Руси, ни Отечественной войны 1812 года, ни Пушкина.

И кончается 1991 текущий год красной датой:

30 декабря — День образования Союза Советских Социалистических Республик.

И опять елка, и все пьяные, и никто ничего не помнит, и звон курантов.

С Новым годом, дорогие товарищи!

С новым счастьем!

Александр МИНКИН.

Михаил ЖВАНЕЦКИЙ

С НОВЫМ, ВОЗМОЖНО, ГОДОМ!

Можно вас на два слова, прежде чем вы прочитаете этот рассказ? Ну чтобы его «новогодняя» тематика не создавала ложного впечатления, будто мы отстаем от жизни. Про Новый год в апреле — очень логично, уверяем вас. Сами посудите: у нас Новый год наступает по нашему календарю, по японскому — он уже в середине нашего февраля, у чукчей Чукотки свои национально-новогодние традиции, а алеуты Алеутки празднуют Новый год каждый месяц. И вообще каждый человек периодически начинает новую жизнь с понедельника, вторника и т. д. Так что, несмотря на постоянную заботу о нашем благополучии нашего же правительства и лично товарища Павлова, у нас не жизнь, а сплошные новогодние праздники. Так что не спрашивай, по ком звонит новогодний бокал с шампанским. Он звонит по тебе...

Поздравляю всех, кто дожил до 1991 года... Никто не ожидал. Они сами не ожидали. Чтоб так долго. В таких разнообразных условиях: от нехватки свободы до нехватки еды. От тюрьмы до сумы всего за шесть лет — и все-таки дожили. И смотрим по сторонам. И ходим по улицам. Дожили. Доковыляли. Всех друзей проводили. Завтрак сократили. Обед разделили с беженцами. Ужин отдали врагам. В будущее смотрим тускло, себя там не видим. Главное — день сегодняшний. Начальство совсем оторвалось и парит в шумной пустоте, распадаясь и сливаясь, принимая то форму облака, то шара, то форму пирамиды. Мы за ним наблюдаем как бы из гроба, с некоторым прощальным любопытством.

Тепло проводили взглядом страны бывшей народной демократии, хочется их погладить по голове, но сил нет. Хочется сказать: «С Новым годом, как вас там теперь...», но только старый паровозный свист из большой груди СССР.

Поздравляю тех, кто дожил, но особенно горячо тех, кто не дожил. Просто со слезами на глазах. Молодцы! Самый правильный вариант. Можно было сказать: «Напрасно поторопились, могли бы попробовать, но нет!» Это от зависти! Как ни тяжело, приходится признать — ваш вариант лучше!

Поздравляю вас всех! Привет нашим, которые гикнулись еще раньше, передайте, что все еще тяжело. Передайте тем, кто рассчитывал, что детям будет легче... Нет... Пока нет...

Насчет надежд. Пока тоже нет. Года через три может появиться надежда на улучшение. Лет через пять. Года через три на лет через пять. Так что тем, кто не дожил: «Ребята, вы не промахнулись! так держать!»

Для тех, кто дожил, мои поздравления гораздо скромнее. Если чего достали к Новому году, не торопитесь. Сытость наступает быстрее, когда откусываешь маленькими кусочками. На штаны можно нашить старые кожаные заплаты и носить очень осторожно. Когда садишься — спускаешь, чтоб не износились. Чтоб не изнашивались ботинки, ступню ставьте плоско, не шаркайте. Не мешает вспомнить древнее искусство плетения лаптей, кстати, и красиво, и удобно. Шапку лучше не носить. Капот на веревках. Пропускайте через спину и завязывайте между ногами. В помещении не отвязывайте, чтоб не сорвали.

В лифт с незнакомыми мужчинами не садитесь, даже если вы мужчина, только с женщинами, которым садиться с мужчинами не рекомендуется. Не из-за опасности изнасилования. С пропаданием продук-

ПРЕДСТАВЛЯЕМ «МАГАЗИН»

Смешно, но выходит новый юмористический журнал. Это пробный номер.
Пойдет — будет еще.
Сами не знаем.
Станет популярным — будут сюда отдавать смешные вещи...
Будут писать смешные вещи — станет популярным.
Еще один замкнутый круг.
Но нам — «СЛ» (Советским Людям) —
не привыкать:
дадут работу — пропишут,
пропишут — дадут работу.
Будем работать — будут товары,
будут товары — будем работать.
Каждый может добавить сам и прислать нам, что и усмешнит издание.
Ваши слезы — наша радость.
Кончились подневольные времена,
не плачьте и не смейтесь бесплатно.
Шлите нам. Мы укрупним: усмешняем, даем название, ставим концовку — получайте долю. А в общем — проживем столько, сколько протянем. Ничего лишнего. Изменится жизнь, кончится юмор, исчезнет "Magazine".
Кстати, можно пошутить: журнал по-ихнему «магазин». Так что, господа, мать вашу, вот тут мы можем конкурировать.
Тут наши магазины могут сравниться с вашими, а, может, и кое в чем...
Ибо то, над чем смеются у нас, по масштабам превосходит все, что есть у вас!
Это просто одна шестая часть земного шара, взятая в рамочку. Мы, конечно, последние присоединились к смеху над собой, но уж теперь нас ничто не остановит. Тут уж надо садиться на ноги и держать голову читателя, прижимая его к себе и не давая рассмеяться второй раз.
Второй раз его из этого не выведешь.
Конечно, нам завидуют. Так хохотать с утра не каждому везет. Но ведь мы это заслужили. Мы же прошли все этапы: счастье, радость, вера, надежда, терпение, разочарование, горе, ненависть, потрясение. Вот что надо пройти, чтоб получить это чувственное наслаждение.
И объекты хохота весьма значительные:
жизнь, смерть, рождение, профсоюзы, работа, еда, вода, старость и демократия с нашим лицом, на которое смотреть без хохота невозможно.
И все-таки лучше попасть на свободный рынок хохоча, чем в слезах.
У нас тоже есть кое-что продать: анекдоты трех времен, непереводимую игру слов, комментарии к шуткам, более смешные, чем сами шутки, смех под одеялом времен коллективизации, ржание за закрытой дверью времен строек коммунизма и голодный хохот гласности и перестройки.
Человечество, смеясь, расстается со своим прошлым, а мы, хохоча, вваливаемся в будущее, где уже давно живут.

P. S. В доказательство того, что новый «Магазин» — это не мафия, от имени всего коллектива продавцов приглашаем к сотрудничеству граждан и отдельные коллективы, располагающие опытом по части полиграфии, бумаги и распространения в нашей и ихних странах. Чтобы никто не воспринял это приглашение как первоапрельскую шутку, сообщаем адрес «Магазина»:

125047, г. Москва, Тверская ул., д. 46-Б, кв. 7. Звонить два раза, но очень тихо.

ОСТОРОЖНО, ЛЮДИ!

Интересно стало на съезде. Самые черные законы проходят, ко всеобщему обалдению слушающей публики.

Все выступающие — «против». Все голосующие — «за».

Уже есть налоги и повышение цен. И срока за оскорбление Президента.

Каждый выступающий очень квалифицированно громит налоги на граждан.

Мол, не должны душить. Должны стимулировать. В отставку правительство!

Душа радуется.

Только чего-то председатель спокоен.

Ну, думаешь, достают. Достали! Пошли раздаваться отдельные слова — как ведет. Узурпирует, зажимает рот, выворачивает руки.

Выкрики все сплошней.

Только чего-то председатель спокоен.

А там шквал нарастает: налоги навалили, цены утроили!

И все опять на наших людей. Сколько ж можно за счет этих несчастных.

А премьер снова клянется, что от повышения цен государство ничего не выигрывает. А мне уже плевать, что государство не выигрывает, мне важно, что я проигрываю. Мне этот футбол вообще надоел. Мне это государство вообще уже в печенках сидит.

Кто оно такое? Чего это ему надо все ходить отдавать все свое время, всю молодую жизнь?

А оно чего? Чего оно на себя берет?

Кормежку. «Накормить народ», как говорят они.

Как будто мы стадо свиней в загородке, и нас надо с самолета кормить, из шланга поить.

Все свои века люди сами себя кормили. Ты только не мешай.

Ты отойди в сторону. Столько перепаханной земли. На пограничной паханой полосе умещается триста Франций. Только пахана она не для хлеба — для следов.

А нашей колючей проволокой можно трижды обмотать земной шар.

Как же такое дикое количество земли не может прокормить нас?

Громит каждый депутат, камня на камне не оставляет от правительства, которое, извиваясь и упираясь, хочет протащить нас между капитализмом и коммунизмом, хотя третьего пути нет, а второго мы нахлебались.

Сейчас и премьера достанут. Вот и крики пошли: «Недоверие правительству!» «В отставку их!»

Достали премьера.

Кто видел на трибуне плачущего большевика?

Достали. Собчаками затравили.

Но что-то по-прежнему спокоен председатель. И стоит у него в глазах это серое большинство. И следит он строго не за сутью — за минутами. Да и тут ему верить нельзя.

— Я говорю 11 минут.

— Вы говорите двадцать.

— Я говорю 11.

И такое подымается ощущение, что никому нет дела до нас, до 280 млн. наивных, полуослепших от телевизора, через одиннадцать минут или через 20 вздуют они нам цены, сомкнут их с налогами и места живого не оставят. Как будто нету никого другого, кроме нас, в этой стране.

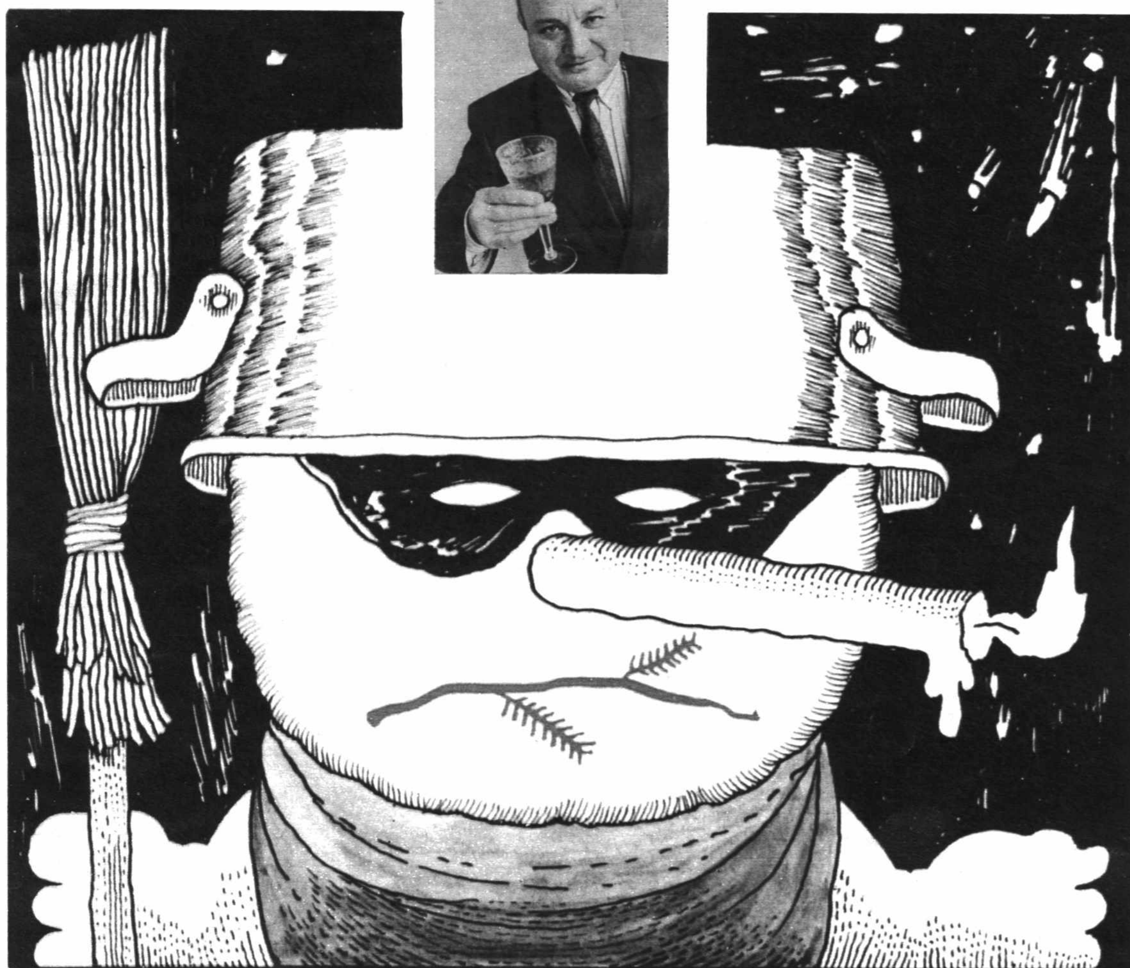
Как будто нету тысяч генералов без дивизий, но с портфелями, как будто нету бессмысленных заводов, крейсеров, каналов и институтов и исполкомов, совпрофов, защитов миров, облздравов, главпошивторгов и главрыбопромов. Вот есть только мы и только на нас можно все испытывать — током и дустом, и высоким давлением.

Все время орешь наверх: «Люди здесь, люди! Осторожно!»

Уже и назад кричишь: «Алло! Люди здесь!»

Ты куда сдаешь? Уже и спереди наваливаются. Куда крутишь? Сзади стена, впереди государство.

Эй, осторожно, осторож... Ты что? Люди же... Ах, ты...

тов исчезнет этот вид преступлений. Из-за отъема сумок привязывайте их к рукам.

Свечами надо запастись уже. Они и светят, и греют, и на них можно жарить рубленые солдатские ремни. Тело хорошо обматывать старыми газетами и мягкими журналами. Тепло от тела тогда уходит медленно. Одновременно вынимаешь и читаешь, если нет сил встать.

Ходить быстрее уже не надо. Блокадники научат, как лучше располагаться против ветра и где в квартире теплее, когда холодно.

Конвертируемости рубля, рынка и изобилия ждать лучше лежа, укрывшись, вдали от окна, грея руки на кружке с кипятком.

Когда окончательно решат дать землю, нас окончательно не будет. Но ничего. Мы всегда жили в ожидании будущего, в его ожидании и доживем.

Новые годы теперь идут быстро. Скоро мы присоединимся ко всем, кто бился за лучшее будущее от древних веков до наших дней. Так что с Новым, возможно, годом! С Новым, возможно, счастьем! Возможно, ваш, Жванецкий.

Фото Анатолия БОЧИНИНА

ХОККЕЙ ЖДЕТ ПЕРЕМЕН

Чемпионат хоккеистов 1991 года завершился новой победой московских динамовцев. Второй подряд! На этот раз «постоянный» чемпион СССР — ЦСКА — не стал даже призером, откатившись на четвертое место.

А в начале сезона ничто вроде бы не предвещало таких крутых перемен. В. Тихонов остался тренером сборной СССР и свою клубную команду пополнил рядом способных игроков, имеющих к тому же солидный опыт.

В то же время главный конкурент ЦСКА, московское «Динамо», потерял ряд ведущих хоккеистов. Когда в середине чемпионата подписал контракт с «Вашингтон кэпиталз» 25-летний М. Татаринов, он стал десятым игроком основного состава, покинувшим команду в этом сезоне. Но динамовцы тренировались по-новому — взяв за основу игровой метод. И он себя оправдал.

Серебряный и бронзовый призеры — «Спартак» и «Крылья Советов» — в минувшем сезоне никого из «звезд» не приобрели и выступали в тех же составах, что и год назад. Восхождение «Спартака» под руководством ветерана команды А. Якушева при блестящей игре вратаря А. Марьина вообще можно отнести к сенсациям. Именно так отнеслись к успеху в общем-то средней по составу команды ее многочисленные поклонники, на последних матчах «Спартака» до отказа заполнявшие трибуны стадионов. Такого давно не случалось на хоккейных матчах.

Якушев обычно проводил матчи без особых эмоций, игроки его прозвали «монументом». Но тренировки строил настолько увлекательно, что даже такой беспощадный авторитет, как А. Тарасов, был восхищен.

Да что говорить, прошедший сезон оказался чрезвычайно интересным для любителей хоккея. До третьего круга боролись за победу сразу шесть команд: московское «Динамо» и «Спартак», «Крылья Советов» и ЦСКА, рижское «Динамо» и «Химик».

Мог ли ЦСКА занять «свое» второе место? Думаю, что да, но тут сыграли свою роль амбиции Тихонова. Он отчислил второго тренера, истинного армейца Б. Михайлова, только за то, что тот не поддержал его кандидатуру, выдвигавшуюся на получение звания Героя Социалистического Труда. После турне по США и Канаде, где успешно сыграл с клубами НХЛ И. Бякин, этот способный универсал-защитник, а если нужно, нападающий, был отчислен из ЦСКА. У него оказался «неуживчивый характер». А раньше этого не замечали? И в то же время держали в первой пятерке совершенно бесполезного В. Буцаева и защитника В. Константинова, в основном отличавшегося разговорами с арбитрами.

Сколько шайб пропускает ЦСКА из-за неумелых действий вратарей С. Дроздова, М. Михайловского, А. Ивашкина? А ведь мог еще играть В. Третьяк, который просил только разрешения жить дома, но...

Время от времени поневоле обращаешь внимание на скамейку ЦСКА. И что же там видишь? Виктор Тихонов постоянно ругает игроков, как ведущих, так и новичков, за те или иные ошибки, неизбежные в ходе матча. А ведь это можно сделать в перерывах или после игры. Неудивительно, что часть хоккеистов клуба собирается уходить от такого тренера. И это несмотря на то, что в следующем сезоне у ЦСКА будет свой новый Дворец спорта.

Даже в Федерации хоккея поняли, что пришла пора менять Тихонова в качестве старшего тренера сборной. Тут как раз «подвернулся» выгодный контракт в одной европейской державе. Предложили это место Тихонову. Возраст позволял ему демобилизоваться из армии. Федерация хоккея СССР разрешала переход, однако тренер наотрез отказался: хочу работать в СССР, с клубом и со сборной. Правда, это было еще до нынешнего фиаско.

А почему все-таки тренер отказался? Да, видимо, потому, что понимает: там, на Западе, он не посмеет унижать игроков постоянными нотациями и выговорами. А посмеет — так тут же лишится своего поста. Вот он и решил остаться дома. Но работать с клубом надо было по большому счету, а этого-то он никогда не умел. Раньше ему свозили в ЦСКА лучших игроков, и оставалось лишь следить за тем, чтобы где-нибудь, например, в Челябинске, не появился конкурент. Так в ЦСКА оказывались С. Макаров, В. Быков, С. Стариков, В. Давыдов... И играла у нас только первая шестерка, для побед на чемпионатах мира и Олимпиадах хватало ее одной, хотя таких шестерок в советском хоккее могло быть несколько.

Думается, сама жизнь показала, что Тихонову пришла наконец пора расстаться с должностью старшего тренера сборной, а право быть наставником главной команды страны вполне заслужил В. Юрзинов в паре, например, с Якушевым.

Сборной СССР предстоит в скором времени отстаивать свое звание чемпиона мира и снова побороться за титул сильнейшей команды Европы, утерянный в Швейцарии. Хотя наша сборная отлично играет на большинстве турниров, без приглашения хоккеистов, выступающих сейчас в зарубежных клубах, не обойтись. Думается, Юрзинову и Якушеву гораздо легче будет договориться с игроками, нежели нынешнему руководству.

Пока многие хоккеисты отказываются выступать за сборную СССР.

С приходом новых тренеров в сборную, может, и у нас в хоккее будет разыгрываться финал чемпионата страны (вместо нудной месячной подготовки к чемпионату мира и Европы) с участием четырех или шести команд по олимпийской системе, как это практикуется сейчас во всех странах. Хоккей и его поклонники от этого только выиграют.

Посмотрим, что на этот раз ответит «Красная звезда».

В. ДВОРЦОВ

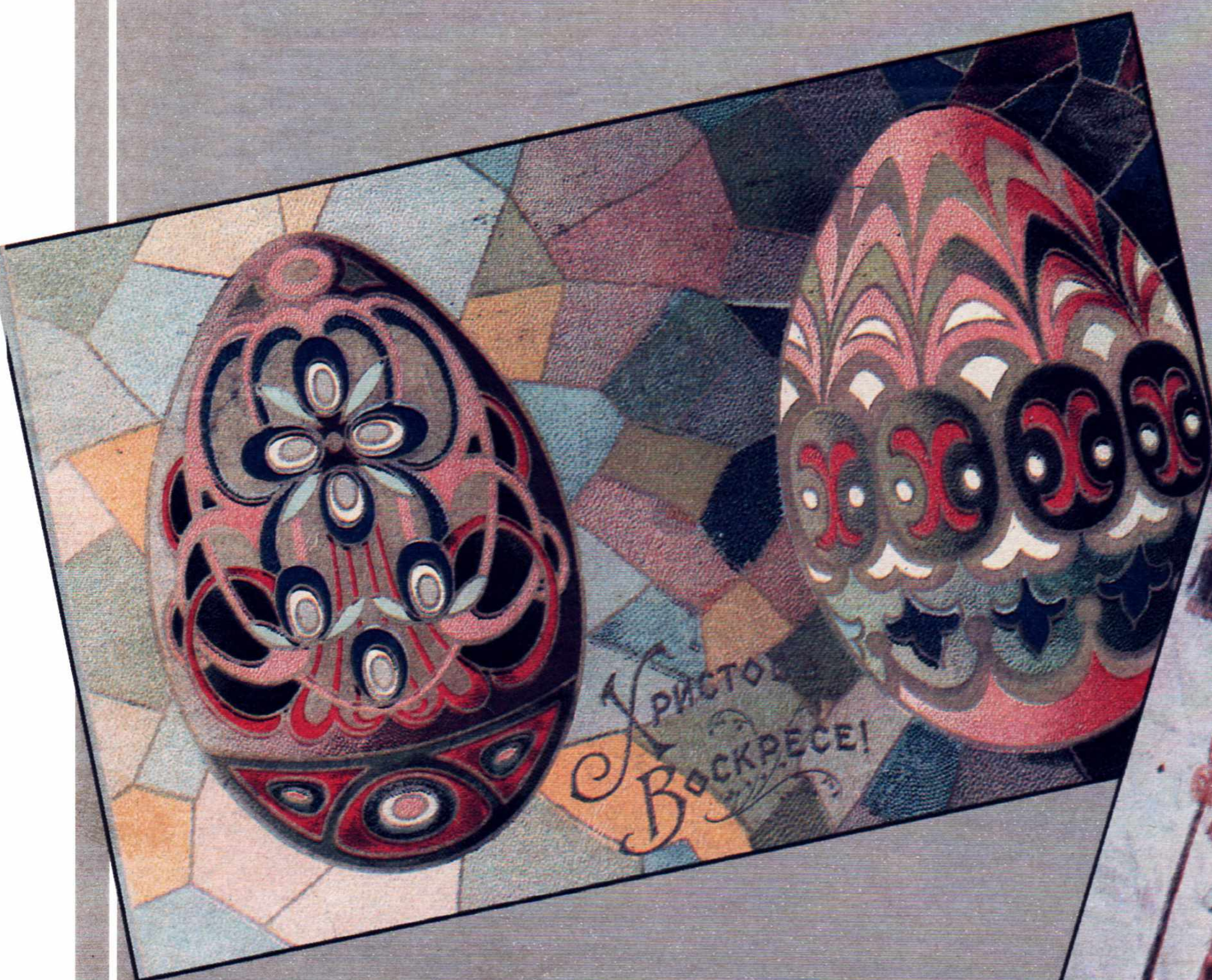
ЧАСТНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

Открытки из собрания Г. Н. ГЛЕЗЕРА

Недалек тот день, когда апрельским утром мы увидим вздернутые, как брови в изумлении, на лбу Центрального московского телеграфа красные полотнища: «Христос воскрес!» А напротив, на «Диете» по прозванию «кишка», прочитаем: «Воистину воскрес!» Мы живем в удивительной стране, где церкви разрушены, а батюшки голосуют в Верховном Совете. Скоро народные депутаты начнут христосоваться перед заседаниями, а Президиум застучит крашеными яйцами, и наступит гармония.

Мы же будем вспоминать чистый запах влажных полов и ванили, а белые платочки и пасхальные узелки в руках умытых старушек хлопьями последнего снега медленно слетятся к дверям последних церквей.

А. БОССАРТ

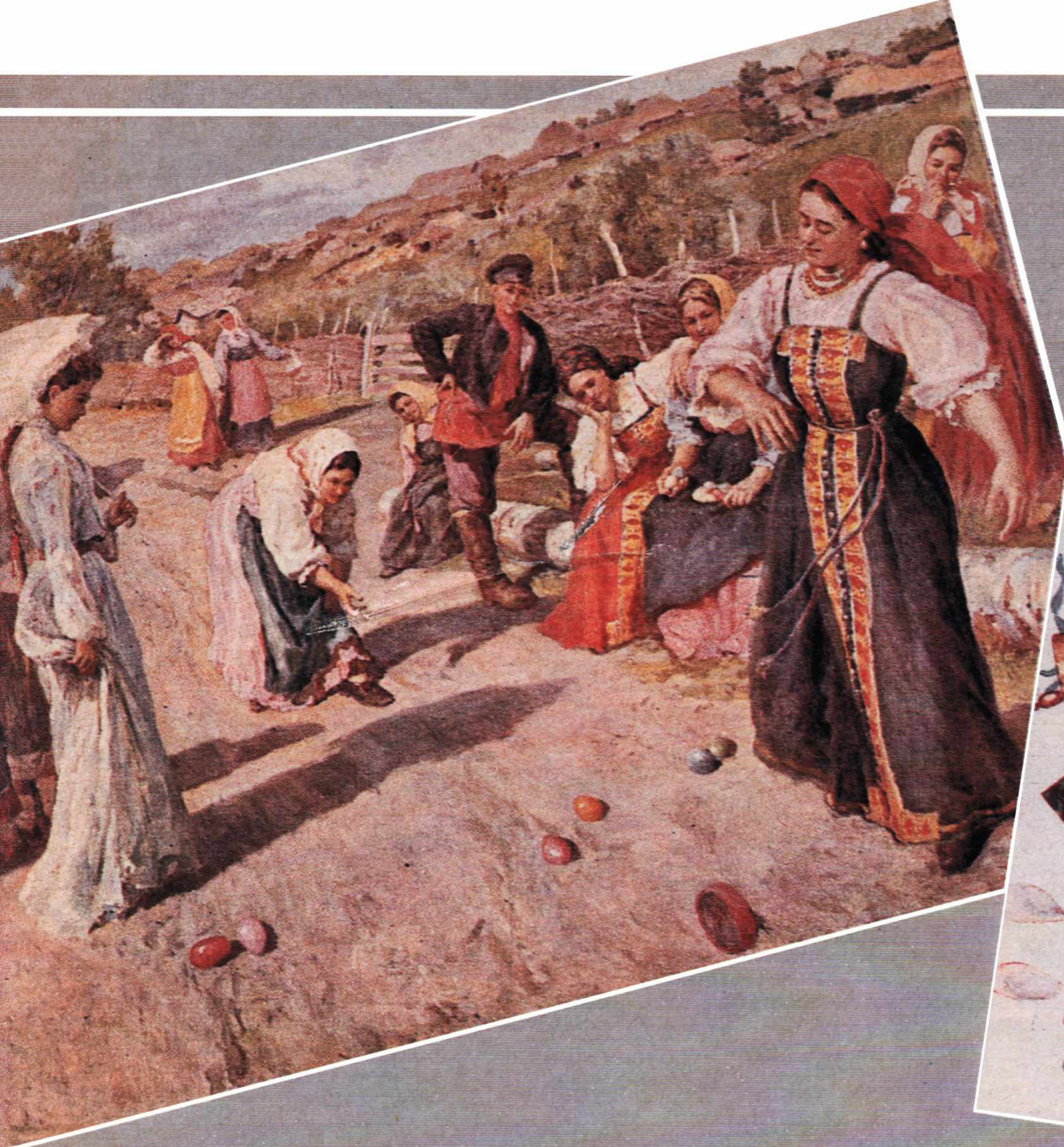

Съ широк

Христосъ Воскресе!

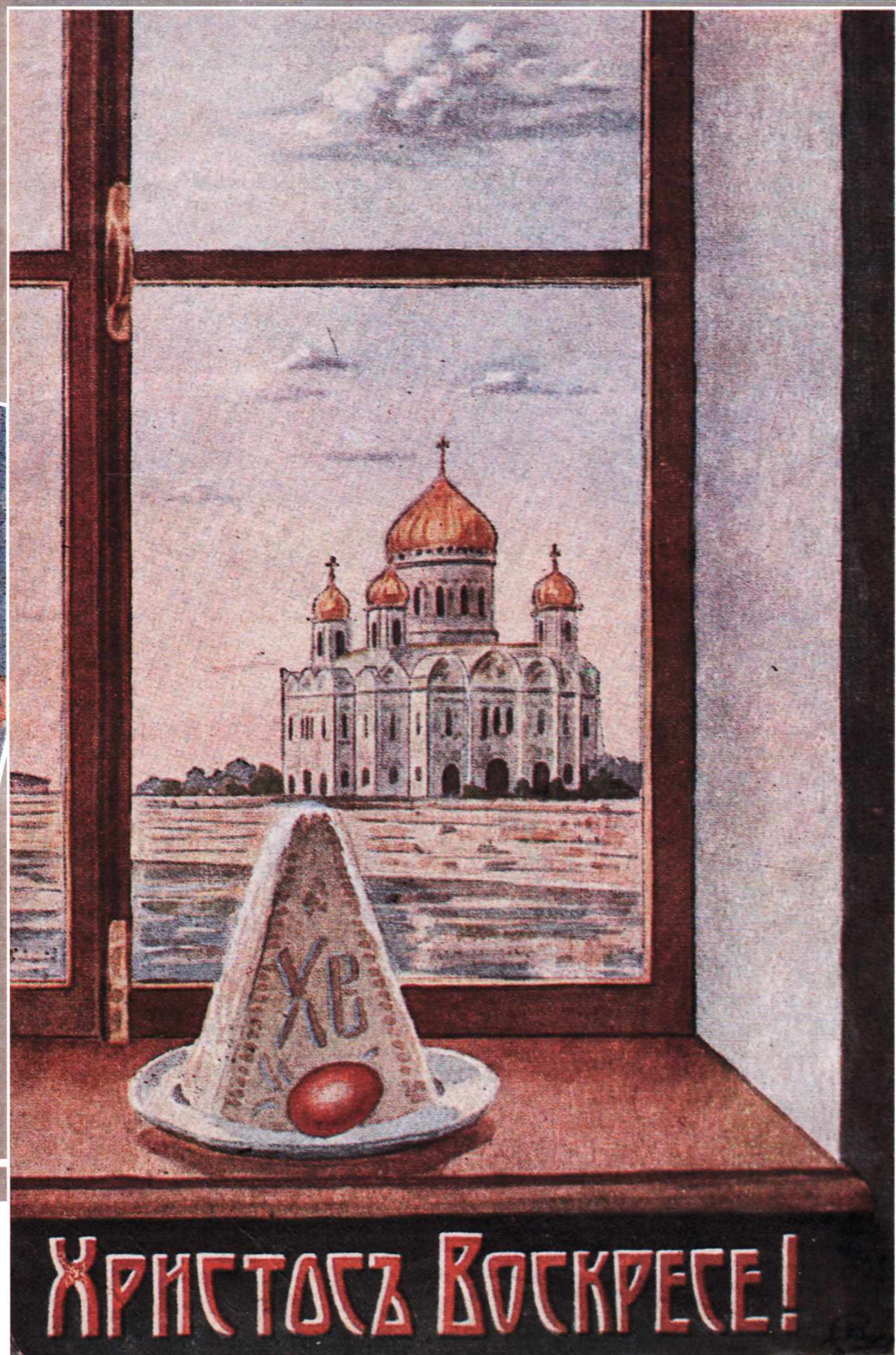

ВАФЛИ
АМЕРИКА

Х.
В.

ХВ
Христосъ Воскресе!

ХРИСТОСЪ
ВОСКРЕСЕ!
Х.В.

Юлий ОЛЬСЕВИЧ,
доктор экономических наук

ИНФЛЯЦИЯ: ЛЕКАРСТВО ИЛИ ЯД

ВРАГ № 1 НАЙДЕН?

И в политических, и в хозяйственных кругах, и в печати ключевая проблема оздоровления экономики ставится однозначно: **необходимо во что бы то ни стало преодолеть огромный разрыв между массой «неотоваренных» денег, скопившихся у населения, и массой производимых товаров и услуг.** Враг № 1 найден и разоблачен: именно он опустошает полки государственных магазинов, дезорганизует нормальное снабжение населения, подрывает стимулы к труду.

Раз лопнули наши надежды на то, что государство и кооперативы способны преодолеть указанный разрыв путем быстрого увеличения производства товаров и услуг, во весь рост встал вопрос: нельзя ли решить задачу путем повышения цен? «Основным направлениям» Б. Н. Ельцин предрек скорый провал в своем выступлении на Верховном Совете РСФСР. Попытаемся разобраться, кто же прав.

Нельзя отрицать, что инфляционные меры способны принести с собой некоторый стабилизирующий эффект.

Прежде всего учтем непрерывный нажим, которому подвергается правительство в Верховном Совете СССР. Немедленного увеличения оплаты труда требуют практически все категории работников, а также пенсионеры и студенты. Так вот, если не хватает товарных ресурсов, чтобы удовлетворить эти ультимативные требования, разумнее дифференцированно повышать цены, чем налегать на печатный станок, как это было до сих пор, при стабильных госценах. Правительство получает в свои руки некий «перпетуум-мобиле», в котором повышение доходов перекрывается ростом цен, а рост цен — очередным повышением доходов. Помимо политико-психологического эффекта, такой механизм способен дать и реальный перераспределительный результат, например, помочь сократить разрыв между реальными доходами наименее и наиболее обеспеченных слоев населения.

Регулируемое повышение цен позволяет также влиять на межотраслевые пропорции, дать время бесприбыльным предприятиям приспособиться к новым условиям рынка.

Далее, повышение цен способно постепенно и «незаметно» сделать то, что с шумом и треском должна была выполнить денежная реформа,— сократить давление на рынок со стороны денежных накоплений населения и предприятий. От инфляции любая сумма денег тает как снежный ком весной и при этом без всякой лужи. И можно обойтись без новых крупных внешних займов.

УЧИТСЯ ЛИ ПРАВИТЕЛЬСТВО?

В целом надо признать, что политика регулируемой инфляции более отвечает психологии современного человека и сложившейся в стране ситуации, чем разного рода дефляционистские драконовские «шоки». Мы не любим, когда нас заставляют в 24 часа (или даже за 500 дней) менять образ жизни, открыто залезают к нам в кошелек или увольняют с работы.

Но эта же политика, помимо стабилизирующего, имеет и дестабилизирующий эффект. Вот его некоторые проявления.

Осознав, что правительство вступило на тропу повышения цен, население бросилось в магазины за товарами. Вместо 150—200 млрд. «горячих» денег мы имеем теперь их сумму вдвое большую, ибо всякие стимулы к сбережению подорваны. В итоге разгромлены остатки потребительского рынка, в квартиры переместилось на 100—120 млрд. рублей нужных и ненужных товаров.

Разрушение потребительского рынка лишило покупателя выбора: это равносильно сокращению реального содержания денежных доходов в 1,5—2 раза.

Политика повышения цен довершила разгром не только государственной розничной, но и оптовой торговли. Она стимулирует предприятия запасать сырье, материалы, оборудование впрок и придерживать собственную продукцию. Наше правительство, как неискушенная девица, с изумлением и ужасом наблюдает за тем, что вытворяет с ним насильник-рынок в ответ на простодушные знаки внимания.

Повысив осенью в полтора раза закупочные цены на зерно, правительство ожидало встречного энтузиазма от поставщиков — колхозов и совхозов. Но они не только не увеличили поставки — наоборот, сократили их на 15 млн. тонн. Получив благодаря новым ценам повышенные денежные доходы, поставщики решили значительную часть зерна «припрятать», ибо на свободном рынке за него дают в 3—4 раза дороже, чем платит государство. К тому же за деньги не приобрести дефицитные стройматериалы, запчасти, а за зерно и мясо — можно. И напрасно летят критические стрелы в адрес председателей-коммунистов, саботирующих госпоставки сельхозпродукции. Это не коммунисты и не капиталисты, а элементарные законы рынка диктуют поведение хозяйственникам в условиях инфляции и дефицита. (Кстати заметим, что избыток речей и обвинений при дефиците знаний и умения — коренная причина нехватки продовольствия.)

Столь же неожиданный для правительства эффект получился от решения перейти к договорным ценам в оптовой торговле (на базе прейскурантов 1988 года). Казалось, что разрешение повышать оптовые цены ликвидирует тот тромб, который закупорил процесс заключения хозяйственных договоров между предприятиями на 1991 год. Увы, к концу года дело продвинулось лишь до половины пути, несмотря на строгий Указ Президента. И неудивительно — придерживать, а затем обменивать дефицитную продукцию намного выгоднее, чем сбывать ее по согласованным наперед ценам, за обесценивающиеся рубли, на которые нужного как раз и не купишь.

И эти казусы можно было бы списать правительству в качестве издержек обучения, если бы было заметно, что правительство действительно учится законам рынка.

Но оно не учится. Начиная с 1985 года правительство встало на путь систематического «накачивания» в экономику денег. Оставим в данном случае в стороне политические мотивы таких действий, рассмотрим их экономический эффект. Дополнительный платежеспособный спрос со стороны населения и предприятий должен был бы оживить производство, вызвать рост предложения товаров и услуг. Сначала такая тенденция наметилась, но вскоре рост цен стал намного обгонять увеличение реального производства. Госпредприятия, колхозы, кооперативы поняли, что гораздо проще и легче наращивать свои доходы за счет скрытого и открытого повышения цен.

Разрастающийся паралич системы госзаказов и санкций за их невыполнение повел к полной приостановке роста.

Если бы правительство тщательно проанализировало итоги своей финансово-экономической деятельности за 1985—1989 годы, то оно, возможно, не допустило бы серии скандальных просчетов, которые мы наблюдаем с осени 1990 года. Тем более что просчеты эти являются «классическими», они подробно исследованы и описаны в западной литературе.

Наше Министерство финансов, возможно, удивится, если узнает, что его денежная политика после 1985 года являлась типично кейнсианской. Именно кейнсианцы проповедовали допустимость и благотворность бюджетного дефицита и изобилия денег для стимулирования спроса. На Западе кейнсианство потерпело в 1970-х годах сокрушительный разгром, ибо его политика привела к «стагфляции», то есть к положению, когда имеет место инфляция, а экономический рост отсутствует и безработица растет. Избыток денег оказался разрушительным даже в условиях, когда имеются рыночная конкуренция, изобилие товаров, большие резервы мощностей и рабочей силы. А что сказать о дефицитной экономике, где нет конкурентного рынка, а есть мощные монополистические структуры? Очевидно, что здесь избыток денег и рост цен ведут прямой дорогой к свертыванию производства. Что у нас и происходит.

Есть поговорка: «Кто не учится на чужом примере, тот учится на собственной спине». Наши доморощенные кейнсианцы и в этом случае не учатся, ибо спина-то не их собственная. Выдвинутая в 1985 году формула «набьем шишек — научимся» не работает, ибо шишки набиваются на лбах населения.

Возвращаясь к общей оценке правительственной политики повышения цен, мы вправе поставить вопрос так: какие аспекты этой политики окажутся более действенными — стабилизирующие или дестабилизирующие? Удастся ли воссоздать, насытить рынок товарами (пускай по высоким ценам) до того, как станет реальной угроза массового сокращения производства и массовой безработицы?

ТРЕХГЛАВАЯ ГИДРА И ЕЕ ПОТОМСТВО

Чтобы ответить на вопрос, кто победит в инфляционной гонке — стабилизирующие или дестабилизирующие силы, надо внимательнее присмотреться к тому, что представляет собою наша инфляция.

В условиях, когда цены на преобладающую часть товаров устанавливаются административно, инфляция протекает в трех формах:

открытой — когда цены официально повышаются в госторговле либо на свободном рынке;

скрытой — когда официальные цены остаются прежними, но многие товары исчезают из продажи, и мы вынуждены заменять их менее полезными либо более дорогими, или когда старый товар с незначительными изменениями продается как «новинка» по резко возросшей цене, или цена остается прежней, но ухудшается качество продукции;

подавленной — когда деньги не находят на рынке нужных товаров и вынужденно оседают на сберкнижках либо на руках у населения (а также на счетах предприятий).

При всех различиях знаменатель тут один — обесценение денег.

В годы перестройки именно подавленная инфляция играла ведущую роль, образуя возрастающий пресс, давящий на рынки товаров и услуг и форсирующий открытую и скрытую инфляцию. Ныне правительственная политика повышения цен и доходов направлена на превращение значительной части подавленной и скрытой инфляции в открытую. Открытая инфляция — меньшее зло, ибо явную болезнь легче лечить. Однако удалось ли ослабить скрытую инфляцию, или она еще более обострилась? Правительство питает иллюзию, что оно все еще «держит цены». Формально это так. Но чтобы это было так и в действительности, оно должно как минимум одновременно «держать ассортимент», то есть дирек-

тивно определять товарную структуру производства. В условиях, когда планирование фактически демонтировано, а конкурентный рынок не создан, «держать цены» — это все равно что крутить баранку у машины с заглохшим мотором.

О масштабах «обвала» скрытой инфляции говорит такой факт: из примерно двенадцати сотен наблюдавшихся товаров, постоянно имевшихся в небогатой государственной розничной торговле СССР в 1986 году, через четыре года осталось менее шести десятков. Есть основания предположить, что аналогичное положение и в оптовой торговле, где большинство продукции стало острым дефицитом и за «голые деньги» не продается. Именно скрытая инфляция более всего разъедает сейчас ткань нашего хозяйства, где нет ни реального плана, ни настоящего рынка.

И не только хозяйственную, но и моральную ткань. Совхозы и даже целые области прекращают поставки продуктов питания в индустриальные центры, явно или тайно намекая на необходимость в обмен «подбросить» промтоварный дефицит. Советы ограждают таможенными «визитками», купонами, талонами свои магазины от «иноземцев» с советскими рублями в кармане. Наконец, каждый из нас, кому удастся по госцене «отовариться», за это должен душевно благодарить «свой коллектив», своих городских и районных атаманов и платить им если не собачьей преданностью, то «гражданской» лояльностью. Разве вся эта новая паутина плутократической дани лучше, чем старая ржавчина бюрократического застоя? А ведь появилось немало деятелей, которые из материала, что «подбрасывает» им неуклюжая политика правительства, умело и с наслаждением ткут сети новых нетоварно-коммерческих отношений, собирая в свои карманы политический (националистический, местнический и местечковый) навар от скрытой инфляции.

Реформа розничных цен — неизбежный и, конечно, не последний виток в зловещей инфляционной спирали. А раз не последний, то иллюзорны и надежды, что эта реформа погасит ажиотажный спрос, устранит дефициты.

Печальный урок последнего года говорит о том, что политика официального повышения цен не избавляет нас от скрытой инфляции, а, наоборот, помножает ее на открытую.

Попытаемся пристальнее рассмотреть клубок причин, вызывающих инфляцию. Иногда приходится слышать мнение — что тут особенно рассматривать, наша командно-административная система, бесхозяйственность — общая причина всех неполадок.

Мнение не вполне корректное. Пресловутая система канула в Лету, остались обломки, которые трудно назвать системой. Но она оставила в наследство гигантский организм, в котором деформированная структура производства, монополизм, дефицитность и зависимость от дотаций государства тесно срослись друг с другом.

Этому производственному организму финансово-рыночные методы управления столь же соответствуют, сколь уздечка — носорогу. Мы стараемся раздробить этот организм посредством приватизации. Но ведь перемена собственника, сколь бы ни была она важна, не означает изменения производственной структуры. Разумеется, в конечном счете после длительных мучений, многочисленных банкротств, безработицы и смены правительств новые собственники, эмпирически ориентируясь на мировой рынок и внутренний спрос, перестроили бы эту структуру. Как говорится, перемелется — мука будет. Из наших с вами костей, уважаемый читатель.

«ТЯНИ-ТОЛКАЙ» ИНФЛЯЦИИ

В экономической литературе Запада инфляцию в зависимости от ее причин подразделяют на «подталкиваемую ростом затрат» и на ту, которую «тянет спрос». Получается своеобразный «тяни-толкай», с весьма пестрым переменным набором тянущих и толкающих сил.

До 1988 года в экономике СССР главными непосредственными причинами увеличения издержек на многие виды продукции были усложнение природных и хозяйственных условий (добычи угля и нефти, минералов, заготовки древесины, производства зерна и мяса и др.) и понижение фондоотдачи вообще, эффективности капитального строительства в особенности. В значительной мере рост удельных затрат был обусловлен гипертрофией военно-промышленного комплекса. Втягивая в свой «черный ящик» отборный интеллектуальный потенциал страны, ее лучшие материальные ресурсы, ВПК обрекал остальные отрасли на научно-техническое отставание и даже застой, оставлял их без средств на модернизацию.

Повышение цен на продукцию убыточных отраслей сдерживалось действием гигантского насоса перекачки денег из отраслей, дающих прибыль. Этот «насос» оторвал наши цены от затрат, и мы потеряли здравое представление о том, что сколько стоит.

Если убытки оплачивают, а прибыль отбирают, то, естественно, убытки будут расти, а прибыль сокращаться. В таких условиях бюджетный насос перераспределения стал задыхаться, пришлось подкачивать его за счет наших с вами вкладов в сберкассы. Но и этого вскоре не хватило — было разрешено ничем не обеспеченное расширение кредита, был пущен в дело печатный станок, стала расти эмиссия наличных денег. А это опасный путь. Так правительство оказалось прижатым к стене, и к 1988 году были разработаны новые прейскуранты оптовых цен. Но оно не решалось их вводить, боясь вызвать неуправляемую лавину инфляции. Последним толчком послужили решения самого правительства, которое, продолжая свою линию на расширение самостоятельности предприятий, разрешило использовать фонд развития производства на цели материального стимулирования. В результате рост зарплаты в промышленности в 1989 и 1990 годах в несколько раз обогнал повышение производительности труда, и впервые соотношение этих показателей у нас превратилось в фактор, который не сдерживает, а, наоборот, резко ускоряет увеличение издержек на производство отдельного товара. Общий пересмотр цен стал экономически неизбежным.

Напор затрат, толкающих инфляцию, соединился с умножением платежеспособного спроса, тянущего цены вверх.

Другой фактор, ускоряющий инфляцию, это политика заниженного ссудного процента. Нетрудно понять, что, получая «легкие» кредиты, предприятия не будут бережливыми, они постараются поскорее и кое-как потратить свои деньги. Тем самым подхлестывается денежный спрос, искусственно обостряется потребность в кредитах и оголяется товарный рынок.

Финансирование капиталовложений, превышающее объем материальных ресурсов, приводит к их острой нехватке и в результате к падению эффективности на всех стройках. Поскольку деньги вложены неэффективно, их оборот замедляется, и хозяйственные организации начинают испытывать финансовый голод. Но дополнительное финансирование лишь еще более усиливает дефицит и неэффективность. В полурыночной экономике поток инфляции образует как бы воронки, втягивающие опрометчивых пловцов все глубже.

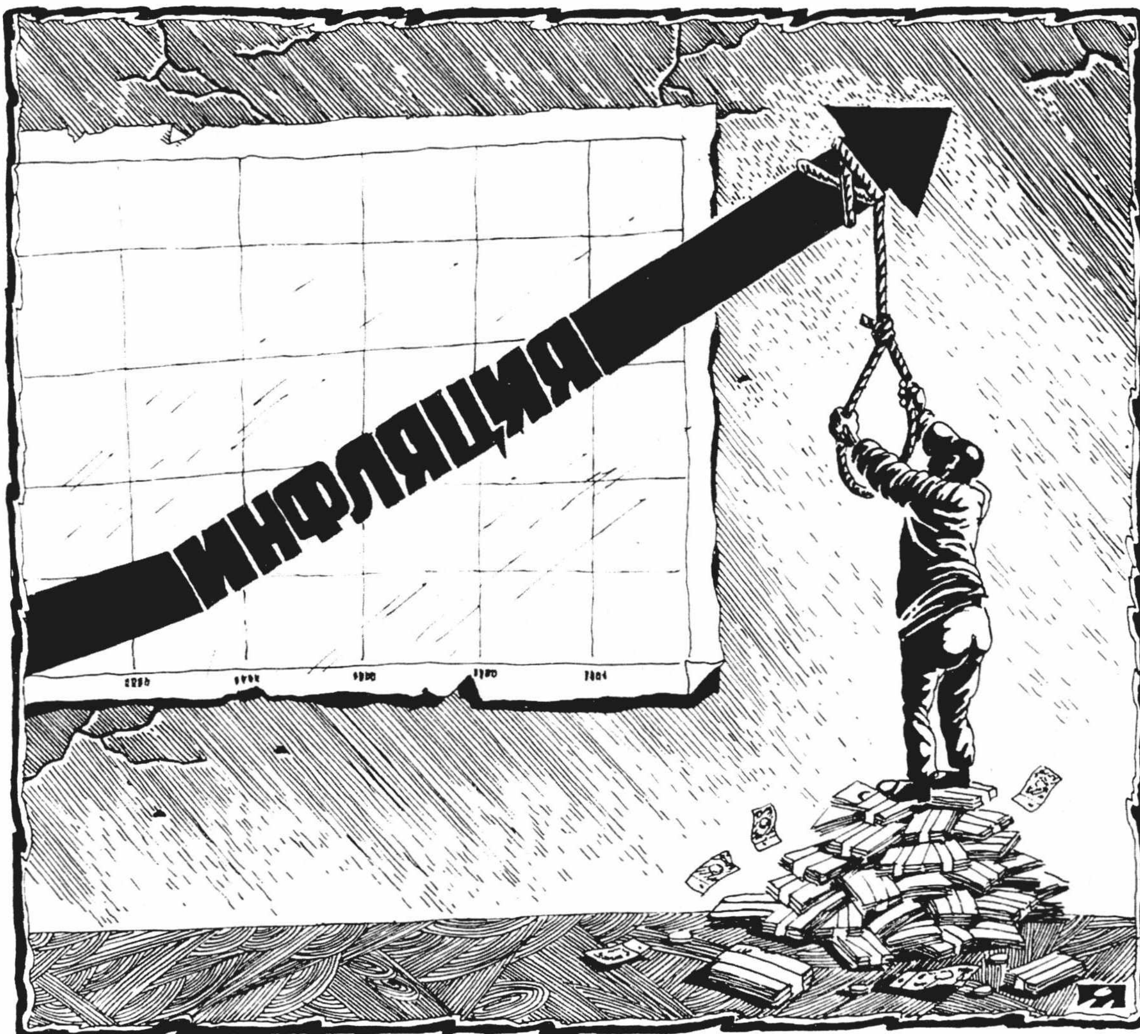
Важно уяснить конкретные общественные механизмы развертывания «инфляции спроса».

Во-первых, это механизм цепной связи доходов населения. Мотором являются растущие, как на дрожжах, доходы кооператоров и частников; государственные предприятия вынуждены срочно повышать уровень зарплаты (вне связи с выработкой), ибо в кооперативы и в «индивидуалы» уже ушло более 2 млн. наиболее квалифицированных и активных работников. За этим следуют требования работников сельского хозяйства и «непроизводственной сферы»: врачей, учителей, управленцев, научных работников, армии, пенсионеров, студентов и других — всех тех, кто получал свои доходы из бюджета. Опыт убедил нас в том, что разрывы в уровнях доходов в разных сферах деятельности неминуемо ведут к материальному и моральному ущербу для всего общества. Отсюда следует вывод: **усилия правительства привести общий рост доходов в стране в соответствие с ростом производительности труда не дадут эффекта, пока хотя бы в одной крупной сфере хозяйства этот рост зависит не от реальной выработки, а от повышения цен.** Усидеть между двумя стульями не удастся, и пропасть бюджетного дефицита будет углубляться.

Во-вторых, это механизм различных компенсаций, призванных «уравновесить» негативные экономические и социальные последствия инфляции (дотации к фиксированным доходам, повышение процента на вклады в сбербанк, индексация всех трудовых доходов). Очевидно, что социально необходимые **меры по денежной компенсации неизбежно подхлестывают инфляцию.**

В-третьих, это механизм кредитной эмиссии. Потребность в кредитах и прямом финансировании резко возрастает в связи с необходимостью структурной перестройки экономики; конверсия оборонной промышленности, внедрение ресурсосберегающих технологий, информатизация, модернизация инфраструктуры, экологическая перестройка требуют поистине неограниченных капиталовложений.

Рисунок Алексея МЕРИНОВА.

В-четвертых, мы не только разрушили старую берлинскую стену между той частью доходов предприятия, что идет по безналичным счетам на материально-технические нужды, и той, что идет на выплату наличных денег, одновременно мы снесли и мост, планово соединяющий денежные доходы населения с их реальным покрытием. В итоге **«безналичные» вложения в производственную сферу будут и далее в труднопредсказуемых объемах выплескиваться в виде наличных денег на пустой потребительский рынок.**

По расчетам Госплана СССР, доходы в 1991 году (пенсии, пособия, доходы села, кооператоров) возрастут на 70 млрд. руб., и еще на непредсказуемую огромную цифру возрастут доходы занятых на предприятиях. А по оценкам Госбанка, все это надо еще увеличить на 40 млрд. Лишь примерно 20 млрд. может «отвлечь» приватизация и другие подобные меры. А какими реальными благами будет обеспечен остальной прирост денег у населения?

1990 год показал иллюзорность надежд ограничить инфляцию финансовыми маневрами: из 15 млрд. руб. выпущенных казначейских обязательств реализовано лишь на 410 млн., или менее 3%; из 49 млрд. руб. облигаций, распространяемых среди предприятий и организаций, реализовано лишь 20 млн., то есть ничтожная часть. Обмен крупных купюр, каков бы ни был его политический и социальный резонанс, имел тот экономический результат, что еще больше подорвал у всех доверие к денежной системе государства.

Апофеозом манипуляторского подхода к проблемам стала известная авантюра Г. Фильшина с обменом 140 млрд. рублей на 7,8 млрд. долларов. К сожалению, подобный подход характерен в принципе и для союзного правительства. В этом подходе, а не в мифических заговорах иностранных банков следует видеть угрозу самому кабинету.

Надо развеять наконец самообман финансовых манипуляций и признать: только немедленные меры по созданию подлинного рынка могут поднять эффективность народного хозяйства, прочно связать доходы с выпуском продукции и остановить инфляцию, действующую на экономику подобно возбуждающе-парализующему наркотику.

Мы многое уже сделали, чтобы развалить экономику. Мы пока ничего не сделали, чтобы создать конкурентный рынок. Приходится сделать вывод: **основная мысль правительственной программы — через повышение цен и доходов к стабилизации и рынку — несостоятельна. Путь к стабильному развитию лежит не через инфляцию, а через немедленную организацию конкурентных рынков.**

ВОССТАНЕТ ЛИ ФЕНИКС ИЗ ПЕПЛА?

Нам нередко внушают в официальных выступлениях, что нынешний кризис (а с ним и инфляция) — явления столь же неизбежные, как и временные, за ухудшением через год-два последует рост производства и благосостояния. Правда, свет в конце тоннеля пока не виден, но он там обязательно есть.

На чем же основана такая уверенность?

Разумеется, на «историческом оптимизме» некоторых наших руководителей. Дескать, за ночью следует день, и не иначе. Прежде чем что-либо новое возникает, старое должно распасться на элементы, превратиться в труху и пепел. Отрицание отрицания, переход противоположностей друг в друга и т. д., короче, плоский набор гегельянской схоластики, которая, как клещ, тайно сосет мозг иных участников перестройки. Главный же вывод до сих пор не сделан — мы не знаем и не понимаем той системы, которую взялись перестраивать, ее законов и внутренних сил. Поэтому ход событий приобретает взрывообразный характер, а то, что разнесено вдребезги, не возродится никогда.

На оптимистическом незнании базируется и надежда, что из современного экономического хаоса сложится упорядоченный рыночный механизм. Если раньше уповали на Закон о предприятии, то теперь — на приватизацию. А где доказательство, что приватизация, более напоминающая растаскивание государственной собственности, не возведет этот хаос в квадрат? Частная и групповая собственность, будучи помножена на наши диспропорции и дефициты, не даст ли она гигантского роста цен при падении производства? Ведь те самые деятели, которые сейчас складывают все свои яйца в корзину приватизации, несколько лет столь же рьяно возлагали надежды по нормализации рынка на кооперативы и индивидуальную деятельность. Не сообщат ли эти деятели, стоя с широкой улыбкой «своего парня» у разбитого корыта, что они снова ошиблись, но, мол, теперь-то нашли, за что ухватиться?

Впрочем, зачем писать об этом в будущем времени. Уже теперь мы слышим, что корень зла обнаружен. Оказывается, был слишком поспешно демонтирован старый аппарат экономической власти. Это, видимо, следует рассматривать как сигнал к его восстановлению. Что и пытаются делать с помощью президентских указов.

И поздно, и смешно, и горько. Нашу расстроенную экономику во второй раз хотят протащить по порочному кругу командно-либералистских псевдоперестроечных мероприятий, которые не оздоровят ее, а замучают вконец. Современный кризис — не неизбежный результат самого перехода от плановой системы к рыночной, а продукт того особого метода, пути перехода, который избран правящим аппаратом. Избран, конечно, не случайно: из-за дремучего непонимания сути проблем, нежелания прилагать дополнительные усилия и переучиваться, вследствие привычки плыть по волнам политической конъюнктуры, лишь вяло загребая «левее» или «правее».

Мне уже приходилось в этом журнале писать о том, в чем мог бы состоять подлинный выход из кризиса, подлинный путь к созданию здорового рыночного механизма. Это не путь административных команд и не путь либералистской анархии. Это дорога организации всеохватывающей системы сбалансированных рыночных структур, конкурентных товарных рынков, товарных и иных бирж [1].

Насколько мне известно, Президент СССР тогда одобрил такой подход. Однако он не был реализован. Почему?

Думается, главная и основная проблема состоит в том, что наша хозяйственная (и иная) бюрократия не желает (или не способна) менять методы своей работы. Она либо командует, либо бездействует. Она считает, что черновую, трудную работу по реорганизации хозяйственных связей на началах рыночной конкуренции и связанной с этим перестройке производства должен проводить кто-то другой. Бюрократия убеждена, что, перекрасив министерства и главки в концерны, она останется на плаву.

Нет, господа-товарищи, ваши концерны к рынку не ведут, а ведут к еще худшей, чем была, монополии. И если рынок неизбежен, то не усидеть вам в этих плутократических концернах, вопрос только, когда вас оттуда выметут — через год или через три, «сверху» или «снизу», красной, белой, двух- или трехцветной метлой. Рынок будет создан, но уже без бюрократии, скорее всего рабочим самоуправлением.

Всему миру известно (кроме нас), что эффективность рождается из конкуренции и только из нее. Поэтому на Западе во главу угла ставят конкуренцию и ей все подчиняют: и развитие отношений собственности, и государственное регулирование. Там конкурируют друг с другом все: государственные компании, корпорации, кооперативы, мелкий бизнес и, что особенно следует подчеркнуть, предприятия, входящие в единую корпорацию. Это выгодно, это необходимо самой корпорации, чтобы поддерживать высокий технический и экономический уровень каждого предприятия.

У нас теперь в моде догматический марксизм, вывернутый наизнанку. Со всех партийно-государственных амвонов, с которых ранее раздавались проповеди о благе государственной собственности, теперь раздается клич: «Только собственник работает производительно». Как будто не ясно каждому ежу, что производительно работает тот, кому за это хорошо платят. Новоявленный марксизм-догматизм гласит: собственность определяет все, значит, и рынок. Это новый удобный лозунг для бюрократа: перераспределим собственность и получим рыночный механизм. Не тут-то было: растащите собственность, а рынка как не было, так и не будет.

Ранее можно было ожидать, что наш правящий аппарат осознает опасность для себя и для страны, отбросит кастовую фанаберию, внутренние распри, засучит рукава, натянет кирзовые сапоги и возьмется за труд перестройки.

Не тут-то было. Видимо, как и все предыдущие правящие элиты в истории, он предпочитает уходить на дно под звуки оркестра.

А на поверхности останутся плавать бумажные поля обесценившихся денег с изображением человека, который когда-то имел неосторожность возложить на аппарат слишком большие надежды.

---

[1] См. мою статью «Неизбежен ли кризис?» в № 8 журнала «Огонек» за 1990 г. То, что было по этому поводу включено в официальные документы под наименованием «Создание рыночной инфраструктуры», выхолащивает содержание предложений. А создаваемые ныне «биржи», торгующие кое-как и кое-чем,— это насмешка над подлинными товарными рынками.

* * *
Но нельзя мне в этой были,
Славя день советский свой,

Чистый лист бумаги снова
На столе передо мной,
Я пишу на нем три слова:

СЛАВА ПАРТИИ РОДНОЙ!

СЕРГЕЙ МИХАЛКОВ

ДЕНЬ РОДИНЫ

БЫЛЬ ДЛЯ ДЕТЕЙ

МОСКВА «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1976

Знают в школах все ребята,
Что в столице в феврале
Собирался
ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ
НАШ
ПАРТИЙНЫЙ СЪЕЗД
В КРЕМЛЕ.

Собирались делегаты,
Нашей партии солдаты,—
Совесть Родины моей,
Что несут сегодня Знамя
В авангарде, перед нами,—
ЗНАМЯ
ЛЕНИНСКИХ
ИДЕЙ.

В раннем возрасте люди верят во все: в бабу-ягу, в деда-мороза, в коммунизм и в то, что взрослые, а особенно детские, писатели никогда не обманывают детей. И правда, детей обманывать нельзя. В Евангелии от Матфея сказано: «А кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его во глубине морской».

Нам не хочется во глубину морскую, поэтому мы никогда не решились бы предложить маленьким читателям отрывки из замечательной книги Сергея Владимировича Михалкова, если бы не Праздник Вранья. Это удивительный праздник. Иногда он длится десятилетиями, а иногда уменьшается в один день — Первое апреля.

Сегодня как раз Первое апреля. Давайте же все-все: дети, взрослые, читатели, писатели — поздравим друг друга с нашим самым продолжительным праздником и воскликнем хором: «Первое апреля — никому не верю!» Ура! Товарищи! Ура!

* * *
Бьют часы на Спасской башне,
Провожая день вчерашний.
Говорит стране Москва:
НОВЫЙ ДЕНЬ
ВСТУПИЛ
В ПРАВА!

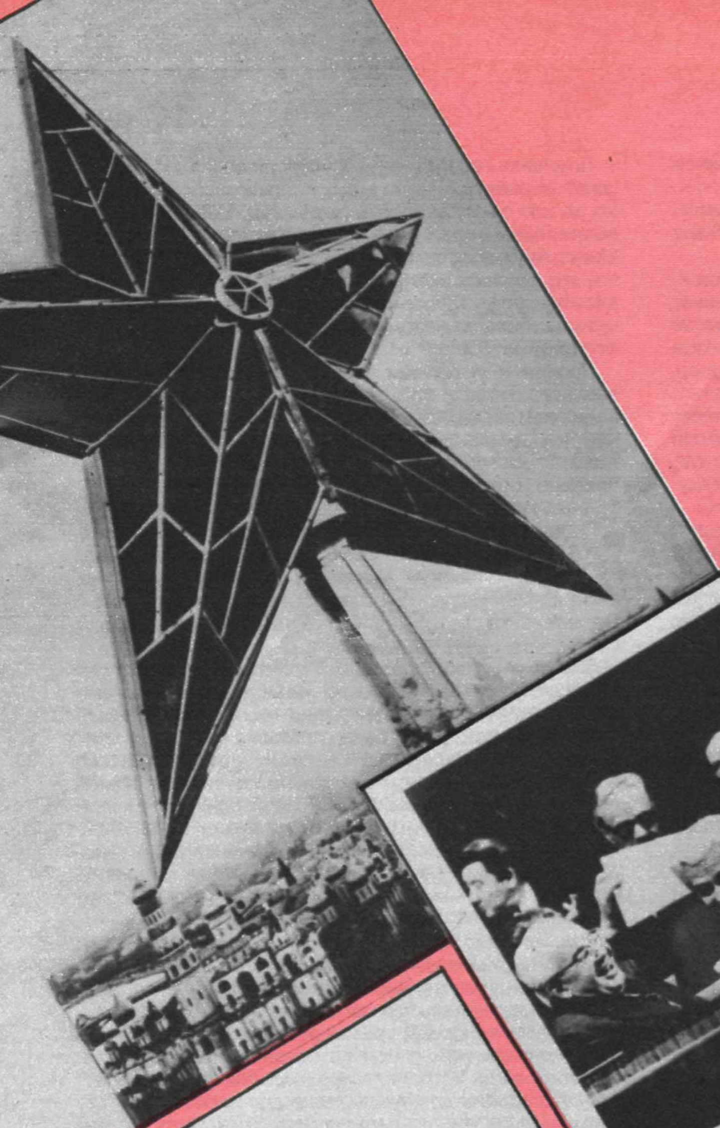
От Карпат и до Памира,
В Приамурье, на Двине,
На алмазной Трубке Мира —
Новый день по всей стране.

День открытий, день свершений,
Покорения преград,
Выполнения решений
И вручения наград.

Нелегко и неспокойно
Жить в иных чужих краях.
Сколько там людей достойных
Гибнет в тюрьмах и в боях!

Кто заботится о детях
В горемычных странах этих,
Где ни хлеба нет, ни школ
У того, кто бос и гол?

* * *

Рядом гости-иностранцы,
Партий дружеских посланцы:
Финн, поляк, француз и чех...
Перечислить трудно всех!

Вместе с ними ветераны
Грозных классовых боев
Из далеких, чужестранных,
Обездоленных краев.

С ними нас объединило
То, что цель у нас одна,
А в единстве — наша сила,
Что в борьбе закалена.

Повсеместно, ежечасно,
Там, где трудно и опасно,—
На отважных погляди!—
КОММУНИСТЫ —
ВПЕРЕДИ!

* * *

У меня перед глазами
Зал Кремлевского дворца.
Выступает перед нами
Человек с душой бойца.

Человек партийной чести,
Он не раз бывал в бою
И вошел со мною вместе
В биографию мою.

Мы следим за каждым словом,
И доклад его таков,
Что ему внимать готовы
Люди всех материков,
Люди разных поколений
Всех народов, наций, рас...

* * *

Велико же наше счастье!
Мы живем с тобой в стране,
Где народ стоит у власти,
Преграждая путь войне.

О волнениях в столицах,
Перестрелках на границах
Сообщают нам страницы
Наших утренних газет.

Петр ВАЙЛЬ,
Александр ГЕНИС

ЛИРИКА В ЭПОСЕ

А. Генис. Автору знаменитого фильма «Легко ли быть молодым?», лауреату советских и международных конкурсов, нашему старинному приятелю Юрису Подниексу обидно не повезло с американской премьерой его новой работы — пятисерийной документальной картины «Мы». Напрасно телевизионщики считали время показа — зима, все по домам сидят — удобным. История рассудила иначе. События в Прибалтике и в Ираке переместили зрителя к гораздо более актуальному зрелищу.

К сожалению, это не столько случайность, сколько закономерность.

Лента Подниекса — самая амбициозная попытка отразить на экране перестройку, беспрецедентная по охвату событий, географии, масштабу панорама страны за три горячих года: с 86-го по 89-й. И все же трехсот минут экранного времени не хватило на портрет перестройки: автор не поспел за историей. Те 18 месяцев, которые прошли после того, как Подниекс поставил точку, перевели его картину в другую категорию: теперь это не репортаж, а свидетельство о давно прошедшем времени. Фильм «Мы» попал в архив перестройки, не успев состариться.

Такова природа революционного времени, когда спектакль еще не закончился. Никто не знает, когда опустится занавес, и даже жанр остается загадкой — драма это или трагедия. И если верно последнее, то за какой трагедией мы следим: оптимистической или шекспировской, той, что оставляет на подмостках лишь гору трупов.

Впрочем, история революции, пока не знаешь ее конца, всегда тяготеет к абсурду. Всегда кажется, что она поставляет бессмысленную груду фактов, которые никак не увязываются в стройную теорию.

Историки, как и все люди, крепки задним умом. Но пока события бурлят, действительность предстает набором анекдотов, не объединенных внутренней логикой.

Надо сказать, что Подниекс, предвидя разрушительный ход времени, вставил в свой фильм предохранительное устройство. С одной стороны, он добросовестно шел за фактами. В картине есть все перестроечные сюжеты: Карабах и Латвия, Сахаров и Ельцин, Чернобыль и армянское землетрясение, ветераны Афгана и ветераны труда, демократы и «памятники».

Но, с другой стороны, снимая эпопею по-толстовски — с подробностями и деталями, с пространными монологами и диалогами, с отступлениями и рассуждениями, — автор одновременно разрушал стилевое единство своей картины прямым вторжением лирики.

Если это и эпос, то написан он стихами. Вот тут — на сломе жанровой системы — и следует искать новаторство Подниекса, его удачи.

Весь фильм построен на контрасте двух ритмов — бешеный темп реальных событий и замедленный, запинающийся, а иногда и застывающий на месте монтаж. Камера то послушно следит за бегом истории, то замирает, вглядываясь в пейзаж, в интерьер, в мизансцену.

Рваный импрессионистский ритм отрывает ленту от газеты или телевидения. Это попытка перевести документальное кино в художественное, превратить действительность в поэтическую сюиту, где рифмуются не факты, а эмоции.

На протяжении всего долгого фильма мы следим за тем, как Подниекс ищет одну главную метафору, кадр, который мог бы казаться потомкам символом перестройки.

Но коренной недостаток фильма как раз в том, что таких метафор слишком много, что автор никак не может сделать окончательный выбор. А выбирать есть из чего. Тут и излучающая радиацию икона, и обожженные трупы в Средней Азии, и пустынный, кажется, пришедший из «Земляничной поляны» город в Чернобыльской зоне, и разрушенная, оскверненная сортирным рисунком церковь, и афганский инвалид, играющий в футбол.

Но кинематографическое пространство фильма слишком обширно, чтобы зритель мог спокойно — или скорее взволнованно — смотреть экспозицию: его влекут дальше, сквозь сотни эпизодов и десятки интервью.

Отсюда и впечатление эклектики — фильм не срастается в целое, распадается на части. Это даже не коллаж, а его черновик. Или набор «Сделай сам», в котором из множества элементов зрителю предлагается собрать свой портрет перестройки.

П. Вайль. Есть такая точка зрения: тому, кто работает талантливо и добросовестно, везет во всем, даже в неудачах.

Кстати, под такой звездой до недавнего еще времени развивалась карьера Горбачева, которому шли на пользу и трагические, и фарсовые провалы (Чернобыль, полет Руста). Объяснение тому, что удача от него отвернулась, по этой схеме следует искать либо в утрате дара, либо в измене методу — кажется, имеет место и то, и другое.

Но сейчас речь о Юрисе Подниексе. Американский показ его картины был нарушен январскими новостями с восточных фронтов на севере и на юге. И оттого особый смысл приобрели кадры ленты «Мы»: и шествия прибалтийских народных фронтов, и дубинки разгоняющих их людей в форме, и исступленная затаенность мусульман, и Горбачев, шагающий по воле режиссера взад-вперед по мавзолейной трибуне.

Подниекс всегда был счастливчиком. И всегда умел обратить недостаток в преимущество. Даже когда нас с ним двадцать лет назад поймали в самоволке, он выиграл оттого, что был ниже по званию. Меня, младшего сержанта, разжаловали в рядовые, его же разжаловать было некуда, а из полученных десяти суток гауптвахты Подниекс не отсидел ни минуты: больше некому было фотографировать слет отличников боевой и политической подготовки.

Прошлым летом мы впервые за полтора десятка лет встретились в Риге и поехали к своей бывшей воинской части. Она оказалась еще более бывшей, чем мы думали: на месте столовой сколачивались дома, строевой плац порос зеленью, петух гулял по полянке, оставшейся от клуба, где в фотолаборатории мы устраивали тайные банкеты с учительницами из подшефной школы. Разлили привезенное, и я сказал: «Смотри, незатейливая символика. Съехались из разных полушарий выпить на руинах милитаризма. Замечаешь: старательно вписываемся в историю». Подниекс ответил: «Я для этого пятичасовой фильм снял».

В этой шутке — правда. Та Россия, которую мы видим в картине «Мы», не объективна, не полна и уж, конечно, не истинна. Одно несомненно — правдива. И не могла не быть таковой, как не бывает лживой лирической поэзии — это оксюморон. Россия в фильме «Мы» — это Россия по Подниексу. Такая она может не устраивать, но с ней приходится считаться — и потому, что изображена она талантливо и добросовестно, и потому, что другого полотна такого масштаба нет, не создано, и это похвала человеку, который осмелился взяться за исторический труд. Ну, пусть будет лирико-исторический.

Только кажется, что история важнее, чем книга «История». Императорский Рим первого века оказался осчастливлен великими историками, и Нерон с Калигулой сделались персонажами комиксов. Ничуть не менее интересный третий век толком не известен по одной причине: о нем не осталось свидетельств.

Нет никакой истории, книга «История» есть. В России это понимают лучше, чем где-либо. То-то эту книгу так ревностно переписывают уж который раз за несчастные семьдесят лет.

Подниекс стал одним из первых историков перестройки, занявшись этим и вообще-то непростым делом в наиболее сложной ситуации — по ходу событий. Вот здесь-то и пригодился его лирический дар, а именно — интуиция. Подниекс многое угадал: почти все акценты картины, показанной здесь через полтора года после съемок, верны и актуальны сейчас.

Временами провидческие прорывы поражают. Сюжет о Сахарове заканчивается последними словами его прерванной Горбачевым речи: «Национальные проблемы...» И после щелчка выключенного микрофона следующий эпизод на экране открывается картой Прибалтики.

Случайностей практически нет, как нет случайных слов в хорошем стихотворении, какими бы произвольными они ни казались.

Вероятно, только такая — сугубо личная — история может быть, пока она, история, живая. А о том, чтобы она не остановилась и Подниекс не превратился в архивиста, позаботилась жизнь. Как радостно была подхвачена уставшим миром идея о конце истории, понимаемой как идеологическое противостояние! Но танки снова пошли в привычном направлении, на запад, разве что не доходя до павшей стены.

Печальное свойство эпоса, особенно современного, особенно лирического,— не заканчиваться.

Ничего этого автор фильма «Мы» не предвидел и предвидеть не мог, просто метод его таков, что он заведомо остается в выигрыше. Его создание принципиально открыто, точки нет, финала быть не может. Не могут уйти со сцены и герои, по той простой причине, что главный герой тут, конечно, автор.

ЛИЦО В ТОЛПЕ

А. Генис. Главный прием в фильме Подниекса — антитеза.

Наверное, это вообще свойство революционного времени: красные и белые, богатые и бедные, дворцы и хижины. Не зря же любимый знак препинания Маяковского — разъединяющее все и вся тире.

Антитеза — сильное средство, но, к сожалению, не очень разборчивое. Как писал Кафка, антитезы «замыкаются на самих себе, их нельзя развить, они указывают отправную точку, но это всего лишь пустоты, стремительный бег на месте».

Это, по сути, и отповедь революции: мир, разделенный надвое, всегда беднее того, что окрашен в цвета радуги. Сама художественная логика вызывает эмоциональный конфликт — если есть «мы», то

есть и «они», если есть друзья, есть и враги, и не может быть белого без черного, победы без поражения, жизни без смерти.

Все, что попадает в поле, созданное антитезами, получает свой знак — плюс или минус. В пропасти между ними исчезают тонкие нюансы и уникальные подробности — тот бесценный материал, из которого вырастает высокое искусство.

Среди бесчисленных антитез Подниекса самая яркая — конфликт местоимений: «мы» и «я».

Герой его фильма — народ. Другими словами, массы. Мы видим, как история обретает форму. На наших глазах ее лепят многотысячные толпы — демонстрации армян, латышей, «экологов», «патриотов», «демократов».

Все эти возбужденные, разбуженные массы объединяются чувством протеста. Они текут по улицам и площадям, как река. В них ощущается огромная энергия природной стихии. А противостоят им порядок, организация, иерархия,— одним словом, власти.

Подниекс последовательно, но ненавязчиво демонстрирует этот контраст — свободная стихия и организованное насилие. Толпа то и дело натыкается на милицейскую цепь или армейское заграждение. Власть всегда шагает в ногу, всегда выстраивается по ранжиру: трибуна, строй, президиум. Даже тренировка частей спецназа снята как балет: смертельный танец — апофеоз казарменной дисциплины.

Однако за этой традиционной, идущей еще от Эйзенштейна кинометафорой у Подниекса прослеживается другая, более тонкая антитеза — толпа и лицо.

Показывая массы, он то и дело меняет план и ритм, чтобы вычленить из многих одного: камера застывает на человеческом лице. И эти кадры — лучшие в картине.

Пока мы следим за перипетиями политической борьбы, фильм повторяет газету, когда вглядываемся в лица, за общими темами и знакомыми сюжетами проглядывают глубина и поэзия.

В картине много раз заходит речь о разобщенном народе, который утратил объединяющие цели и идеалы. Но за этой тоской по единству, возможно, и вопреки воле автора открывается другая тема — тема отдельной личности.

Кто бы ни появился на экране — карабахский чабан или мальчишка-призывник, бабка в очереди или милиционер, Сахаров или ташкентская девушка,— все они выглядят значительно и достойно. Пока их много, не различить лиц, но когда мы различаем лица, не видно толпы.

Подниекс показывает страшных «рокеров» на ревущих мотоциклах. Но вот эти затянутые в кожу «ангелы ада» снимают шлемы и оказываются... не то чтобы другими — разными.

Камера выхватывает девушку на демонстрации, и сразу выясняется, что с такой красавицей уместнее говорить о любви, чем о политике.

Так постепенно накапливаются сомнения: о чем Подниекс снял фильм? Кто эти вынесенные в заголовок «мы»? Да и осталось ли вообще в стране это столь любимое русской культурой местоимение? У каждого своя правда. И она не в речах и лозунгах.

Толпа может только скандировать, высказаться дано лишь человеку.

П. Вайль. Сила лирического эпоса Подниекса не в метафоре, а в композиции, чем, собственно, и славен эпос. Но главную метафору он все же не только ищет, но и находит — это не случайно показанная в самом начале радиоактивная икона из Чернобыля.

Образ этот многослоен и масштабен, но я не стану заниматься расшифровкой. Более важной, чем семантика образа, мне кажется его конструкция — то есть сам факт многозначности, амбивалентности, невозможности вычленить нечто одно существенное. Короче, хаос.

Этой идее подчинена композиция фильма. Имитирует хаос автор умело, в таком безумии есть система. Увы, лишь система картины «Мы», а не той картины, которая служит оригиналом.

То, что происходит на экране, в целом соответствует тому, что творится в стране. И тут уже надо говорить не об авторской интуиции, а об авторском расчете. По-киношному — о монтаже. Подниекс монтирует вроде снова произвольно, но точно и умело воспроизводя природу и суть советских конфликтов. Впрочем, любых человеческих конфликтов, которые редко требуют немедленного ответа «да» и «нет», брошенных перчаток и телефонных трубок, сердечных признаний и капель, сожженных писем и мостов, залпов шрапнели и салюта.

Выбор — это страшно. Куда страшнее, если выбор невозможен.

Не в том смысле, что есть лишь один вариант: это легко, как в армии,— попадай в ногу. Трагичнее — положение цугцванга: любой ход ухудшает ситуацию. Но поскольку отказаться нельзя — отказ тоже ход,— положение осложняется настолько, насколько надо умножить каждый личный хаос. В данном случае — без малого на триста миллионов.

Хаотическое брожение может быть упорядочено созданием поля, разностью потенциалов, введением полюсов. Полюса в обществе — это люди.

Тут — пессимизм. Лицо в толпе, населяющей фильм,— грустное впечатление. Впрочем, конечно, мое. Мне показались и самыми кинематографически слабыми банальные многочисленные переходы от общего плана к крупному. Расчет на очеловечивание толпы не оправдался.

При этом мастером Подниекс успел себя проявить в первые же минуты картины, в своеобразном прологе — монтируя хронику, дал миниатюрные, в две-три секунды, характеристики вождей. Сталин в президиуме делает почти незаметное движение ладошками вниз, и от него мгновенно стихает зал. Хрущев в рубахе бьет кулаками по трибуне, как цирковой заяц в барабан. Беззвучно, по-рыбьи ритмично открывает рот Брежнев в шеренге соратников. Суровый Горбачев, перед которым по дуге открывается зонтик, выныривает из-за зонта лучезарно сияющим.

Но лица в самом фильме — иное дело. Даже портреты Сахарова и Ельцина — персоналии, занимающие больше других места в картине,— не дают ответа на главные вопросы, поставленные в фильме «Мы». Те полюсы, которые способны превратить хаос в направленное движение, не видны, не появляются — ни в кино, ни в жизни.

Еще безотраднее лица других персонажей. Боюсь, что их вялость и невыразительность не авторский просчет, а, безусловно, авторский отбор. Банальный прием дал банальные результаты. Но оттенил примечательнейшую оригинальную находку Подниекса: лицо толпы не менее ярко и поэтично, чем лицо человека. А ведь «в настоящей трагедии гибнет не герой — гибнет хор» (Иосиф Бродский).

Возможно, тут сказалась принадлежность режиссера к нации, возведшей в культ хоровое пение, и распад мозаики на кусочки смальты, тусклые и непонятные по отдельности, его настораживает.

Пожалуй, я не встречал более сочувственного и одухотворенного показа человеческой массы. Как раз когда камера останавливается на конкретном лице, видишь, как в пьесах классицистов: Лицемерие, Алчность, Хитрость, Жестокость, Глупость... А те же люди вместе всего лишь растерянны и нелепы. Какими и надлежит пребывать в том бытии, которое — хаос.

ЭВОЛЮЦИЯ В РЕВОЛЮЦИИ

А. Генис. Фильм Подниекса был обречен: он не мог не устареть. Но, парадоксальным образом, чем больше не похожа на нынешнюю Россию та, которая показана в картине, тем она важнее для истории. Ножницы между днем сегодняшним и вчерашним обеспечивают зрителя, в том числе и будущего зрителя, материалом для сравнения.

Подниекс снимал процесс, а не результат, которого, наверное, дождется другое поколение. Но в нашем разочаровании отражается конфликт двух моделей сознания — революционного и эволюционного.

И автор фильма, и его персонажи ощущают себя участниками революции. А революции всегда нетерпеливы. Стоя у баррикад, герои фильма с волнением ждут конца — поражения или триумфа.

Однако занавес все не опускается, перестройка, меняя по пути свои обличья, все длится: одному обществу никак не перестроиться в другое. Революция, этот катаклизм истории, рассчитана на другой ход времени — у нее короткое дыхание. То-то мы все, замирая от ужаса, ждем решающего момента, который может ведь и не прийти.

Что ж, одно из самых распространенных заблуждений — считать хаос исключением, а порядок нормой.

На самом деле история несоразмерна человеческому веку — она работает категориями, в которые не укладывается наша жизнь. Из этого несовпадения рождается, как говорил Бродский, жалкий статус «личности как жертвы истории»: раз мы не можем дождаться конца, не стоит к нему и стремиться, все равно ничего не успеешь.

Однако там, где проигрывает революция, выигрывает эволюция. Не может не выиграть, потому что ничто не проходит бесследно.

Люди, которых мы видим в фильме Подниекса, уже другие. И дети у них другие. И дети их детей.

Смена поколений — это всегда смена ценностей. Отцы и дети всегда не похожи друг на друга.

Подниекс запечатлел не столько революцию, сколько эволюцию, и главные ее итоги — в сфере не политики, а культуры. Мы видим, как идет роковая коррозия культурного кода, объединяющего страну в одно «мы». Но сейчас там рождается новый язык, на котором просто нельзя будет выразить центральные в фильме понятия.

Мучительное прорастание иного языка представляется вселенской катастрофой. Мир, который изобразил Подниекс, катится в пропасть. Жизнь кажется лабиринтом без выхода. Любое движение приводит к тупику. Каждый поступок — ошибка. Куда бы «мы» ни пошли, всюду либо Афган, либо Чернобыль.

Поэтому доминирующая эмоция фильма — отчаяние: конец света в одной, отдельно взятой стране.

Но жизнь такова лишь с точки зрения революции. Крах любого общества все-таки оставляет человеку достойный выход — личную судьбу.

Там, где погибают «мы», может выжить «я».

П. Вайль. Главное достоинство свидетеля исторических событий — беспристрастность. Но Подниекс с самого начала и не собирался быть свидетелем. Весь фильм в известной мере есть поиски самоидентификации, размышления о степени тождества «мы» и «я». Вслед за автором этим — вольно или невольно — занимается и зритель. Не может не заниматься, потому что метод Подниекса — шоковая терапия. Основной его прием — гипербола.

В фильме не жалеют боеприпасов. Здесь беспрестанно грохочут взрывы: снарядов, негодования, атомные. Революция — гипербола слова «нет», и Подниекс возражает, протестует каждым кадром, каждой сценой, преувеличивая и преувеличением любуясь. В «экологическом» эпизоде дым, вываливщийся из труб на зрителя, способен отравить все живое в обозримом пространстве. А это живое живет, работает, выходит на демонстрации против дыма.

Подниексу нужна гипербола, потому что его фильм — о революции. А в этом чреватом неожиданностями процессе неизвестно, какой именно миг — решающий. Отсюда и преувеличение каждого отдельно взятого.

Таково революционное сознание вообще, кстати, наиболее распространенное. Оттуда же столько инфарктов.

Фильм яростен и страстен. Героев перестройки сменяют ее мученики, анналы превращаются в мартирологи. Эмоция может сменить адрес, но не градус. Автор нагнетает накал до предела, до грани, до срыва. И срывы случаются: гипербола несет ответственность за сильнейшие и слабейшие моменты. Между прочим, не только в картине «Мы», но и в картине жизни любого из нас.

Однако сам факт фильма, его пространственный и временной масштабы, его многолюдность и разнообразие противоречат гиперболическим, революционным, апокалипсическим событиям, о которых фильм сделан. Живи Розанов в эпоху телевидения, он вряд ли написал бы один из своих микрошедевров:

«С лязгом, скрипом, визгом опускается над Русскою Историею железный занавес.

— Представление окончилось.

Публика встала.

— Пора надевать шубы и возвращаться домой.

Оглянулись.

Но ни шуб, ни домов не оказалось».

Сейчас стоящий в квартире ящик с энтропийной дырой ежедневно убеждает в том, что так не бывает. Что жизнь развивается не от рождения к смерти, а с утра до вечера, да и смерть приходит не с громом набата, а с тиканьем часов. И шуба вроде лоснится, и дом ухожен, а занавес опускается. Или шубу снимут, но есть куда прийти, чтоб пожалели. Или негде приткнуться, но на шубу претендует только швейцар. Вариантов масса, и все — вязкие, невнятные, не требующие и не дающие скоро ответа.

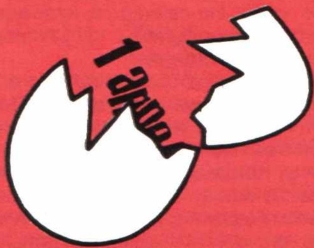
Да и от кого его ждать? Толпа не даст: она живет, но не говорит, а гудит, в лучшем случае поет. Обычно про себя. Иногда про тебя. Или над тобой.

Вряд ли ответят и те, кто выделяется из толпы: чем лучше соседа тот, на котором объектив остановился, потому что оператор закуривает.

Ответа нет, но вопросы были, есть и будут. Их задает и Подниекс: «Легко ли быть молодым?» «Мы?», «Мы ли это?», «Это вправду мы?».

Ответа, к счастью, нет. Вопросы, к счастью, множатся. Потому что пока выписывается вопрос, руки заняты. И никогда заранее не известно, что сделает человек, решивший задачку или думающий, что решил. Человеческая личность эволюции не подвержена, за столетия не прибавилось клапанов, не увеличилась мощность, не вырос кпд. А что творил и творит столетиями человек — об этом можно прочесть в книжке «История», например, в той главе, которую написал Юрис Подниекс.

Нью-Йорк

1 апр

ТАКСОФОН
ТАКСОФОН

ПРАВИЛЬНО
ПОДБИРАЙТЕ
ОЧКИ

Земля у нас одна

ФОТОКОНКУРС

ФОТО
Е. ВАСИНА
В. ЗАБОЛОТСКИХ
А. ЗАМОРКИНА
Д. ЗЮБРИЦКОГО
В. КОВАЛЕВА
Э. ЛАПОВКИ
И. ЯКОВЛЕВА

Константин БАРЫКИН,
Геннадий КОПОСОВ (фото)

...Кошмар: всего — пруд пруди.
А датчане еще
и ресторанчик учредили,
«У Яна», и этак серьезно спрашивают:
«Какое пиво
предпочитает мистер?»
А мистер о пиве —
больше понаслышке.
Слово знает,
а встречаться с пивом
в последнее время
не доводилось.
Очереди видел.
«За чем стоите?»
«За пивом, вестимо».

А у г-на Яна — двадцать четыре сорта. И все наяву.

Да что пиво! Норковые шубки, холодильник, колье, «вольво», СВЧ-печи «Мулинекс», приборчик-«модель 366» «не подходи!» (о нем я еще скажу кое-что; это один из призеров конкурса «Огонька»), телевизоры всех рангов и поколений, от совсем малюсенького, чуть больше пачки сигарет, до огромного, но плоского — на стену можно, как картину. А еще обувь такая, какой и должна быть; фотоаппараты, снимающие в сумерках, игрушки и игры (фирма «Лего» снова порадовала своей последовательностью, своим искренним желанием прийти к нашим ребятишкам, которые так ждут эти превосходные игры), мануфактура всякая, косметика и парфюмерия. Сюда бы тех, кто выстукивает стылыми каблучками очередь в «Эсте Лаудер» — магазинчик, что на Тверской, вы его легко узнаете по разбитой двери, стекла которой недавно заменили массивными, автогеном заваренными стальными листами...

А на «Консумэкспо» — впрямь кошмар.

Такое не приснилось бы Вере Павловне и в пятом сне. А тут — подходи, разглядывай. И отваливай поскорее. Не только для того, чтобы другие смогли протиснуться, взглянуть, а ты, как водится, пока еще непрозрачный. Для

КОНСУМЭКСПО: НЕДЕЛЯ КОШМАРОВ

Невеселые размышления возле обильных прилавков

твоего же блага отваливай — чтобы поберечь нервы, чтобы не случился сердечный приступ.

На этом издевательски-роскошном рынке было все, но за СКВ. За доллары, фунты, датские кроны... Они свет в окошке. Даже наши, дома выращенные купцы и менялы рублевки (тем более пятидесяти- и сторублевки!) не признавали — подавай им конвертируемое. За валюту можно было приторговать вполне приличный товарчик. Одно очень большое и почтенное ведомство выставило такие станочки, пилы и рубанки — взгляд не отвести. Но прозвали этот стенд «Нигде, кроме как в Минстанкопроме», и в этом проходном, на момент, юморе было сто десять процентов правды. Где, кто делает все это? Ни в одном магазине такого не видел.

В нервной и суетной обстановке большого смотра-торга забывались приоритеты, появились такие смещения, которые, полагаю, выправить не удастся. Я вдруг почувствовал, что наша индустрия обиходного, нужного каждому товара навострила свои лыжи за границу. Масса тому «объективных» объяснений и поводов, и все такие солидные: «надо модернизировать оборудование», «валюта пойдет на закупку сырья», «кое-что приобретем для коллектива». И так далее, и тому подобное.

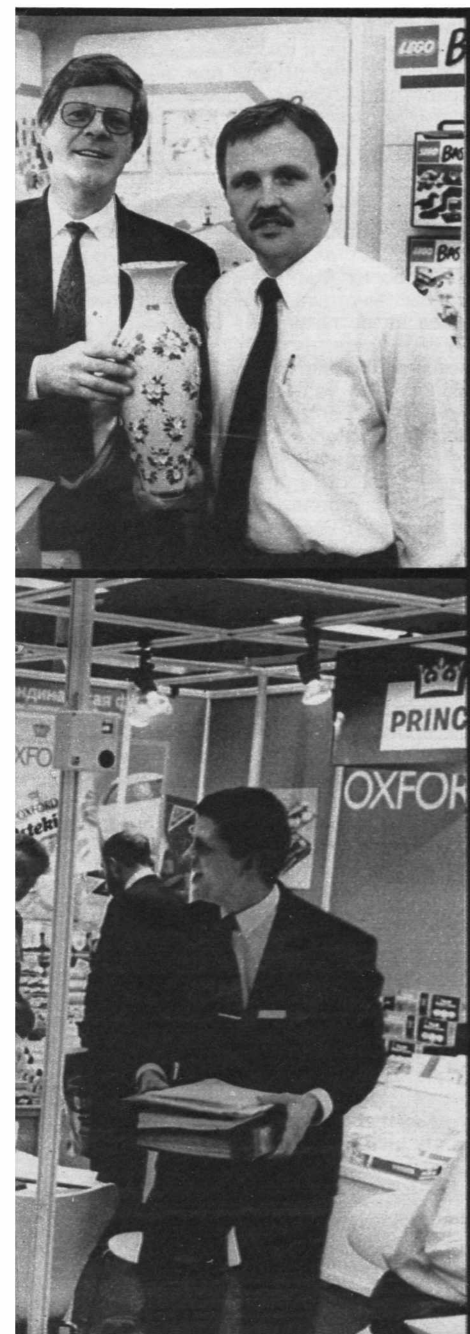
Все гладенько, аргументированно, не придерешься (да и надо ли?), но при мешанине понятий и целей никак не удается найти инструмент, который привел бы всю эту неразбериху в соответствие с нашим рынком, с нашими нуждами и возможностями. У меня такое ощущение (а я участвовал в конкурсах уже на третьей «Консумэкспо», некоторые наблюдения накопились), что мы не готовы к проведению смотров высокого ранга. Да и как в нищей стране показать изобилие? Конечно, появляются ориентиры, возможность установить коммерческие контакты и все такое прочее. Но они идут по кривой, их ломаный график формируется не логикой большой коммерции, а сиюминутными запросами. На выставке очень мало долговременных, с заглядом вперед, на будущее, контактов. Мгновенная форму-

ла: купить — продать. Отдача от нее есть, и польза есть, но как от спички: чиркнул — и выбрасывай. А вот контактов-«зажигалок» было мало. Солидные фирмы это уже усвоили. Они все более скромно представляют себя на «Консумэкспо». Совсем с нашего рынка не уходят, не хотят оставить уже отвоеванную нишу. «Кристиан Диор», как всегда, представлена соблазнительно и роскошно. «Что нового?» Одна из директоров, Клод Нузей, не только отлично говорит по-русски, она превосходно знает наш рынок. Показывает духи. «Се ля ви». В акционерном обществе Торговый дом ГУМ сразу поняли, что это сенсация. И перспектива. ГУМ ведет переговоры, ГУМ отмечает «Се ля ви» своим призом (в рамках нашего редакционного конкурса). Но дальше-то что?

Советские парфюмеры никогда (извините уж) не догонят «Кристиан Диор». Причин тому — тьма. Даже динамичный и признанный рынками мира «Дзинтарс» не может дотянуться до их уровня. «Мы тратим на научно-исследовательские работы около восьми процентов оборота фирмы»,— замечает госпожа Нузей. У нас же на парфюмерную науку (а такая есть!) остаются крохи. Французская фирма ведет исследования на микромолекулярном уровне. «И тут мы могли бы объединить знания и умения»,— предлагает Клод Нузей. Но мы так не настроены на то, чтобы подумать о завтра, мы так хотим иметь сегодня...

Пример парфюмерный приведен мной не случайно. Как ни прикидывай, духи не главный товар. Есть они — хорошо, нет — наш мир не перевернется. Только станет унылее. Но привыкать ли нам-то к серости? Переживем. Много лет обходились тройным одеколоном, который по причине высоких питьевых достоинств сейчас исчез. И не надо стараться отсчитывать версты, что отделили «Тройной» от «Се ля ви». Наивно полагать, что космическую эту дистанцию мы пройдем достойно, что сможем сократить разрыв. Еще и потому, что большие проценты мы тратим на пушки, а не на духи, не на штиблеты, не на то, чтобы люди жили красиво и в достатке. Не грозите мне пальчиком: дескать, не смыслишь в коммерции! Не говорите, что пушки, а особо ракеты — не только оборона. Их можно и продать очень даже выгодно? Но цена-то им — кровь и разрушения. И лишь потом — деньги... Которые не пахнут? В дни «Консумэкспо» мне показали перевод незатейливой статейки из «Шпигеля». Автор резонно спрашивал и резонно предлагал: «Если уж действительно разразился голод в стране, которая, несмотря на разоружение, продолжает выделять средства, чтобы ежедневно производить шесть ультрасовременных танков и одну ракету СС-21, а каждые полтора месяца — атомную подводную лодку, то у нее будет достаточно неиспользуемых резервов для активной самопомощи». У меня нет возможности проверить цифры; но даже если «Шпигель» немножечко не тот, он все же прав — в логике. В философии подхода к потребительскому товару. Попытались мы было немного перераспределить средства из группы «А» в сферу «Б», на товары. И тут же выяснилось, что пошли не тем путем. Давать легкой и пищевой промышленности больше надо, оно так, снова учат нас с трибуны, но не за счет перекидки из тяжелой промышленности. А из того, что удастся группе «А» сэкономить и сберечь. Но ведь, помнится, это мы уже делали — годы и десятилетия. За результатом можно зайти в любой магазин.

Не случайно на «Консумэкспо» особо привлекающими стали не товары высокого рейтинга, а повседневный ширпотреб. То, что могло бы быстро удовлетворить запросы. На выставку пришли представители профкомов и парламентеры трудовых коллективов тех предприятий, которые зарабатывают валюту. Или те, которые имеют товар, пользующийся спросом за границей. Одежонка, повседневная обувь («Саламандер» на этот раз вовсе не приехал, и я с тревогой отмечаю тенденцию уменьшения закупок добротной и модной обуви; уже не первый год объемы поставок уменьшаются), а одна не ведомая серьезному коммерческому миру фирма привезла изделия «все подряд». Подносики, подставочки, бензиновые зажигалки, часы-пирамидки, портмоне и африканистые серьги, карандашики, пепельницы, авторучки. Вот с ними-то и произошел конфуз. Очень уж хвалил фирмач свои перьевые ручки. И хороши, и красивы. Я попросил показать мне одну. И едва сняли колпачок, как выяснилось, что перо «под золото», что товар этот — бросовый, что рядом с «пеликаном» или даже с «паркером» такой не выложишь. Затем мы посмотрели другие образцы, и я еще раз убедился, что на «Консумэкспо» приезжают все больше напористых, находчивых, отлично знающих цены одесского Привоза и столичного Рижского рынка парней. «Успешно торгуете?» — вежливо спросил я. «Очень. Если реализуется половина договоренностей, мы уедем богатыми людьми»,— откровенно ответил представитель фирмы.

Строго говоря, «Консумэкспо» не безответственный базар, а солидная международная выставка. И поэтому пускать на нее всех подряд едва ли следует, если мы хотим держать марку московского смотра, создать ему авторитет. Тем более что есть идея повысить ее статус, это должна быть Ярмарка потребительских товаров. По типу тех, что проводятся в Мюнхене, в Париже, в Лейпциге — всюду. Выходить на новый уровень надо, но прежде следует хорошенько потрудиться. Страна не имеет в достатке специалистов, которые могут на равных участвовать в переговорах с инофирмами. Есть знатоки в Министерстве внешних экономических связей, в Торгово-промышленной палате, но их можно по пальцам пересчитать. Некоторые предприятия, которые работают на перспективу, такие гиганты, как 1-й часовой завод, или такие камерные объединения, как «Русский сувенир», поняли это и стараются обрастать своими (прошедшими профессиональную школу внешнеторговой деятельности) специалистами. Но будем помнить: это дело не одного дня. И часовые заводы, и ВАЗ, и тот же сохранивший для страны перегородчатую эмаль «Русский сувенир» — их единицы.

...Межбанковское объединение «Менатеп» учредило свой приз — за лучшее изделие оргтехники. Те самые полуфальшивые авторучки и прочий ширпотреб эксперты отмели быстро, в претендентах остались лишь фотозаписные «книжки» тайваньских фирм и электронная записная книжка делового человека. «Шарп 7200» позаботится обо всем. Сохранит телефоны, адреса, план на день, на неделю, на год... Уже сейчас он распознает шесть языков и помогает перевести с любого из них несколько десятков фраз. Я заметил представителю фирмы, что русификация такой книжки помогла бы ей попасть на наш рынок. Он согласился. Очень деликатно, но без энтузиазма. Он знает, как трудно проникнуть в наши магазины серьезному и обстоятельному товару. Такими записными книжками у нас уже обзавелись несколько замминистров, ученые, солидные кооператоры и рэкетиры — истинно деловые люди, привыкшие ценить время.

Мы охотно говорим об информатизации, полагая под этим прежде всего компьютеры. А информатизация начинается на письменном столе, с обиходного инструмента. С того же делового блокнота, с добротной перьевой авторучки, ибо физиологи предупреждают: «шариком» можно сделать короткую запись, писать им не следует — в руке накапливается мышечная усталость.

И еще одна весьма перспективная и полезная в наше криминогенное время штучка оказалась в призерах конкурса. «Огонек» и кисловодская фабрика «Феникс» наградили призом и дипломом «За актуальность» «СТ-366» — приборчик самозащиты. Такой, знаете ли, обстоятельный защитник. Если вечерним часом в безлюдном переулке или на оживленной улице (преступники наглеют) к вам будет приставать некто, в чьем «внимании» вы не нуждаетесь, достаточно нажать сбоку «366-го» кнопочку, и он завопит так, что черти проснутся. Если и этого мало — рядом другая кнопка: слепящие (буквально) всплески света, попав в глаз преступника, заставят его забыть обо всем на свете. Коли же дошло до рукопашной, достаточно антеннкой приборчика прикоснуться к «собеседнику» — и он на несколько минут откинет копыта.

— Кто-нибудь интересовался приборчиком? — спросил я представителя фирмы Мидзуки Такаяму.

— Ваше МВД. Майор.

Оно, конечно, гуманно, если омоновцы вместо автомата вооружатся моделью-366, но отчего не подумать и о других?

— Ими могут воспользоваться преступники! — возражают мне. Так они и сейчас всем пользуются: ножами, газовыми баллончиками, кастетами... Юристы все же настаивали: «Противозаконно!» Но тут же один из них не вытерпел: «Где бы купить такой?»

Когда мы говорим о средствах самозащиты, то исключаем из перечня возможных обладателей всех нас. Вот МВД — пожалуйста, наверное, кое-что есть в КГБ; все есть у рэкетиров и кооператоров (они не ведут интеллигентских разговоров на тему «можно — нельзя», просто покупают). А кто (или что) защитит молоденькую провизоршу, идущую поздним часом с работы? Или учительницу музыки, дающую вечерние уроки?

В общем и целом, как говорится, «Консумэкспо» показала, на какой уровень может выйти потребительский, товарный рынок, если он не зажат псевдоэкономическим мифотворчеством. Если не вписан в рамки идеологии и не подчинен интересам высокой администрации.

— У бизнеса должна быть более чем одна степень свободы,— заметил один из видных западных менеджеров. Еще более рамки несвободы рынка раздвинул Джон М. Кейнс, он сказал: «Бизнес, если его подчинить религии вместо того, чтобы он развивался на своем собственном основании,— крайне неэффективен».

Но в том-то и беда, что наш рынок пока еще не вырвался из пут идеологии, а уже попадает в идеалистические сети. Вот, дескать, соединим административный режим с вольным рынком, «и мы пойдем своим путем». Никого не насторожило то обстоятельство, что по всем швам трещит (о ней уже и не говорят в приличном обществе) «Комплексная программа развития производства товаров...». Та самая, что принималась под патронажем ЦК КПСС. И ни одна партийная головушка не полетела после того, как развалилась программа.

Теперь придумали еще один рецептик: «Делай, как они!» И зачастили за границу (в том ряду и составители Комплексной программы?) изучать опыт. Но нельзя в бедном обществе (даже богатой страны) копировать богатую жизнь. К тому же мы делаем все наоборот даже там, где аналогии допустимы и возможны. В США, например, очень эффективно министерство рынка — в нем тысячи специалистов. У нас же — небольшое и бесправное Министерство торговли, которое только на моей памяти много раз грозились расформировать: дескать, нужны новации. Пугают до сих пор: создадим новые структуры. Кто из уважающих себя будет работать в такой обстановке? Немало профессионалов махнули рукой на чехарду и ушли из министерства. Один бывший крупный руководитель стал консультантом процветающего торгового дома, второй пошел в журналистику...

Понимаю организаторов «Консумэкспо» — они живут в нашей системе координат и мыслят по-нашенски. И у «Консумэкспо» те же беды, что и у страны в целом. Не бывает же так, что на нашем рынке мы работаем вот так, плоховато, а на внешнем, совсем наоборот, очень даже хорошо. Обидевшиеся на то, что лишены теперь монополии, минвнешторговцы не проявляют особой активности, не удосужились толком проанализировать «Консумэкспо». В этом году, например, появился и заявил о себе превосходными товарами рынок изделий, помогающих экономному ведению домашнего хозяйства. Специально сконструированный инструмент, который даже в руках дилетанта делает чудеса; ресурсосберегающая кухонная техника; продукты быстрого приготовления. Как бы нам не пройти мимо появившихся тенденций! Ведь показанные тем же Минстанкопромом домашние станочки весьма энергоемки.

...Нажимаю кнопку быстрого телефона. Он уже оповещен, что мой абонент может находиться в одном из трех мест. И «опрашивает» все три телефонных аппарата. Они молчат. Тогда я кладу в карман небольшую коробочку. Я знаю: как только в одном из трех кабинетов появится тот, кого я ищу, мой карманный «телефонист» известит меня. И пока я изучаю проспект фирмы «Сименс», которая привезла очень экономный водонагреватель, пока удивляюсь видеофотокамере фирмы «Хитачи» (это тоже призеры Орловского часового завода и фирмы ГУМ), пока узнаю, что за пять лет американский холодильник заметно поубавил «аппетит» и сейчас потребляет 1000 киловатт-часов за год, а не 1500, как было недавно (норматив 1993 года — 700 киловатт), я слышу сигнал.

И вскоре мы беседуем, договариваемся о встрече на «Консумэкспо»-четыре, в 1992 году.

Доживем?

Светская хроника

ИЗ ЖИЗНИ МОРЖЕЙ

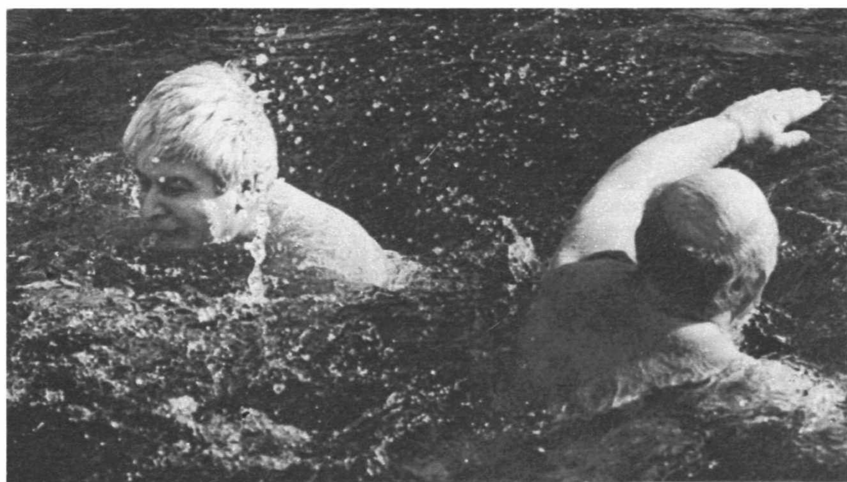
Хорошо относятся к моржам многие. Непосредственно относятся к моржам 6 тысяч москвичей. Именно столько зарегистрировано в 22 районах столицы членов секции по закаливанию и зимнему плаванию.

А клуб «Серебряный бор» отметил свой тридцатилетний юбилей. На празднике по этому поводу не было места скептикам — были только собственно любители плавания в холодной воде, примкнувшие к ним и сочувствующие. Жаль только, молодежи маловато — видимо, понимание прелести подобного хобби приходит с возрастом, хотя встречаются и счастливые исключения. Удивляет другое — в таком, казалось бы, сугубо мужском деле, как моржевание, наравне с мужчинами участвуют и женщины.

Центром событий стал пруд Бездонный, где была вырублена 25-метровая майна — именно так, а не полыньей называют настоящие моржи окошко воды в толще льда. Выглядело все это не страшно, было не холодно, да и солнышко пригревало.

Программа праздника была довольно насыщенной. Особенно впечатлило выступление «йога на льду» Максимова... Кульминацией явилось появление на празднике Г. Х. Попова и Ю. М. Лужкова. Видимо, одной из причин их появления на празднике была солидарность с коллегой по Моссовету, председателем клуба «Серебряный бор» Львом Александровичем Кадуковым. Гавриил Харитонович приехал задолго до начала праздника и скромно гулял по заледенелым дорожкам бора. Никто до самого конца не верил, что мэр тоже полезет в прорубь. Но Гавриил Харитонович с Юрием Михайловичем посрамили скептиков и маловеров и храбро нырнули в ледяную воду. Надеемся, что им это будет на пользу. Некоторый запас здоровья и выносливости членам демократического Моссовета явно не повредит.

P. S. Как сообщили нам позже, Ю. М. Лужков в восторге от купания и собирается заняться моржеванием всерьез.

— У МЕНЯ ЕСТЬ ВСЕ! —

заявил корреспонденту нью-йоркской газеты Иосиф Кобзон в интервью, данном по дороге из Атлантик-Сити в Москву. Согласитесь, приятно в наше время встретить человека, не жалующегося на жизнь. Иосиф Давыдович, по его словам, все делает с удовольствием. С удовольствием занимается политикой, с удовольствием руководит кафедрой в Институте имени Гнесиных, с удовольствием возглавляет концертно-зрелищную дирекцию «Москва»... В данное время по роду деятельности (вернее, одного из ее разнообразных видов) большую часть жизни ему приходится проводить в США, чем Иосиф Давыдович также вполне доволен. Но больше всего удовольствия народному депутату СССР доставляет его песенное творчество, о котором он тоже старается не забывать за своими разнообразными занятиями. Как и прежде, двери фирмы «Мелодия» всегда открыты для известного певца, и сейчас он работает одновременно над четырьмя пластинками.

«Певец застоя», как окрестили Кобзона некоторые сердитые музыканты, вовсе не тоскует по периоду застоя, «хотя и в нем было много прекрасных моментов в жизни нашего общества». Он не жаловался на жизнь в те времена, не жалуется и в эти и с завидным оптимизмом смотрит в будущее. Шести с половиной тысяч долларов ежемесячно вполне хватает семье на скромное, но безбедное существование. Грех жаловаться, считает Иосиф Давыдович. Конечно, средний американец получает больше, но зато Михаил Сергеевич Горбачев — гораздо меньше. И ведь не жалуется! Во всяком случае, и Президенту, и Кобзону зарплаты вполне хватает на то, чтобы обеспеченно жить. И хотя Иосиф Давыдович очень полюбил Америку и американцев, уезжать из России он не собирается, поскольку не мыслит себя без родной страны. Правда, и нет особых причин уезжать. «У меня, без ложной скромности, настолько широкие возможности в моей стране, в Москве, что у моих детей есть все для самой полнокровной жизни. У меня в Переделкине гектар — дачный участок, на котором три дома, моих больших дома. Дети обеспечены. У меня в центре Москвы на Смоленской площади квартира пятикомнатная. У меня есть машины...»

Хорошо, когда есть машины!

Сын Иосифа Кобзона трудится рядом с отцом, играет в его оркестре на ударных, дочь Наталья пристроена в неплохую частную школу в Сан-Франциско, супруга готова за мужем хоть на край Нового Света — словом, можно только порадоваться, что хоть у кого-то в этой стране все нормально!

ИХ СТИЛЬ —

это по-настоящему светский образ жизни. Ежедневные посещения музеев, выставок, театров и концертов, приемы — до самого высшего уровня, поездки на отдых за границу, круизы по Союзу и, конечно, просто общение с друзьями...

Что нужно, чтобы так жить? Немного — надо быть женой иностранного дипломата.

Маргарет Робертс, жена второго секретаря посольства Австралии в СССР, — активный член международного женского клуба, основанного женами дипломатов, работающих в нашей стране. Любая из этих женщин знает об истории и культуре нашей страны гораздо больше, чем мы с вами, и немудрено — на самосовершенствование уходит все «рабочее» время. А отдыхает Маргарет, как и многие жены дипломатов, на кухне (и это при наличии домработницы). Очень удается ей, в частности, морковный кекс. Как сказала сама Маргарет, проблем в ее советских буднях практически не существует. Продукты? Дипломатический гастроном. Туалеты? Часто ездит в гости к родным в Великобританию и Австралию — все оттуда. Выйти замуж за русского, говорит Маргарет Робертс, она могла бы... чисто теоретически — таких случаев на ее памяти не было.

В конце чаепития с корреспондентом «Светской хроники» Маргарет Робертс сообщила, что уезжает на три дня на Байкал, а через три дня должна быть в Москве, поскольку ее ожидает важное мероприятие. И Маргарет показала приглашение, в котором значилось: «Раиса Максимовна Горбачева приглашает Маргарет Робертс на торжественный ужин, который состоится в Доме приемов по адресу...»

ГЕББЕЛЬС И МЮЛЛЕР...

Нет, это не призрак Третьего рейха и не «Семнадцать мгновений весны». В конце февраля в помещении ленинградского ВТО выступили лидеры одной из самых знаменитых музыкальных групп, объединяемых движением «Рок ин оппозишн»,— Хайнер Геббельс и Хайнер Мюллер, последний, кстати, также поэт-драматург, уже известный в России.

Инф. агентство «Гуманитарный Фонд»

В ЛУЧШИХ ТРАДИЦИЯХ

Союз потомков российского дворянства, о котором так много и охотно писали газеты, в последнее время избегает контактов с прессой.

— Не будет преувеличением сказать, что почти с каждой появившейся в газете статьей у нас возникают какие-нибудь сложности, — говорит Вадим Олегович Лопухин, вице-председатель Комитета экспертов Совета Союза.— Даже издания, имеющие репутацию серьезных, ограничиваются, так сказать, зоологической информацией. Зоологической — потому, что все происходит, как в зоопарке. Приходит корреспондент и смотрит на нас как на нечто экзотическое, интересуясь в основном только фамилиями и бывшими титулами. А как только мы пытаемся рассказать о наших планах, перспективах, конкретных акциях — выясняется, что это никому не интересно.

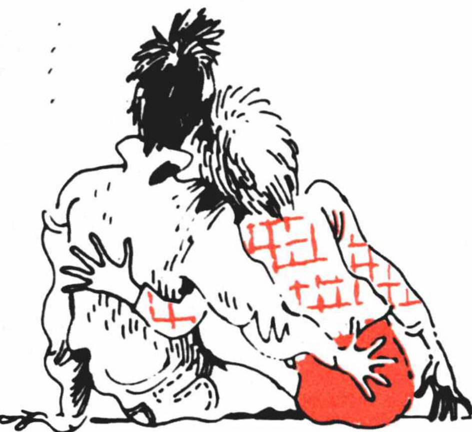

У членов Союза серьезные претензии к прессе, особенно провинциальной, где о них «какие только небылицы не публикуют». Особенно обижает Союз утверждение, что бывшие владельцы дворянских усадеб намерены потребовать свою собственность обратно, обездолив больницы и детские сады. «С одной стороны, подобные заявления смешны, но, когда это становится систематическим, то приводит к созданию искаженного общественного мнения». Потомки дворян, по уверению Лопухина, вовсе не собираются начинать борьбу и брать власть в свои руки. «Мы не дружим с «Памятью» и не боремся за установление монархии!» — утверждает Вадим Олегович. Хотя лично он считает, что это был бы «оптимальный вариант».

«ЛУЧШЕЕ СРЕДСТВО КОНТРАЦЕПЦИИ — ГОЛОВА»

— Голова вообще вещь полезная, но мало кто использует ее по назначению в интимной жизни, — считает главный гинеколог Калининского района Москвы С. Н. Лабурь. Семь лет он читает просветительские лекции на интересующую всех тему, но толку, как ему кажется, от этого немного. Один только учебный институт на территории района — к примеру, МЭИ — дает местному роддому такое количество абортов, искусственных родов на поздних сроках и отказов от детей, что в пору схватиться за голову. И Сергей Николаевич схватился за голову — и написал сценарий первого советского мультфильма о сексуальной жизни. Может быть, хотя бы в мультупаковке молодежь заглотнет нужные сведения. В каждом институте есть видеотека — студенты придут отдохнуть, а там сочетание приятного с полезным. Правда, серий получается побольше, чем в «Ну, погоди!» — в пять часов экранного времени войдут два часа рисованных мультфильмов, кинокадры и даже графики с диаграммами. Зрелище, обещает Сергей Николаевич, будет захватывающее!

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ В УЗКОМ КРУГУ

О днях рождения Сергея Пенкина, певца, работающего в самых престижных ресторанах, обладающего голосом необыкновенного диапазона, любимца артистических кругов Москвы, давно ходят легенды. Особенно среди тех, кого не пригласили... Легенды легендами, но если бы вы приехали к нему в гости на следующий день после того, как Сергей отпраздновал свое тридцатилетие (а выглядит гораздо моложе!), вы бы по меньшей мере удивились. Последний пролет пахнущей кошками лестницы, ведущей к квартире Сергея, был завален грудами цветов, сама лестница украшена гирляндами и воздушными шариками. На специальном столике, стоящем на лестничной площадке, лежала стопка бумаги и ручка, чтобы каждый мог написать Сереже пожелание. А пожелания-то какие — половина не по-русски!

О том, как проходил последний день рождения, Сережа поведал в двух словах: ну, как обычно,— банкет человек на пятьсот, шампанское рекой, маленькое музыкальное шоу для друзей: «Я пел им вместе с Ларисой Долиной и Володей Мазенковым...» О прошлом дне рождения, который, как говорили, был отпразднован на стадионе, снятом для Пенкина известным кинорежиссером, Сергей распространяться не стал, только показал фотографии, сделанные на дне рождения: «Вот я с Петренко — ну, помните, Гришку Распутина играл, вот я с Никитой Михалковым...» Зато охотно рассказал, за что его любят,— «за мягкость и добрый нрав», и что любит он «все красивое: цветы, одежду, хорошие одеколоны, в особенности «Джорджио»... И еще одна страсть — котлетки по-киевски с картофельным пюре.

«Светская хроника» пусть с небольшим опозданием, но все же пользуется возможностью поздравить Михаила Михайловича Жванецкого с рождением сына. Михаил Михайлович еще не знает, кем будет его сын, и даже не решается загадывать, но уверен, что сын будет счастливей его. Ребенка назвали Максимом — как сказал Жванецкий, в честь отца. Правда, отца Михаила Михайловича, судя по всему, зовут немного не так, но это не имеет значения. Максим родился достаточно упитанным — 3 килограмма 900 граммов.

На вопрос, какой это у него по счету ребенок, Михаил Михайлович ответил, что... примерно шестой. Но долгожданный и заранее любимый.

Ну что же, товарищи,— чем больше на свете Жванецких, тем веселее жить.

С БАНАНАМИ ПЕРЕБОИ

В единственном московском гастрономе совместного советско-швейцарского предприятия, как в Греции (или в Швейцарии — без разницы), все есть. Магазин доступен всем советским гражданам — имеющим, естественно, свободно конвертируемую валюту.

Какие у вас возникли ассоциации? «Мерседесы», лысеющие мафиози, обнимающие шикарных женщин в норковых шубах, спортивные мальчики из охраны? Увы, все гораздо прозаичнее...

Очередь. Как и в любой московский магазин, где хоть что-то «дают». Внутри, среди разных там швейцарских колбас и шоколадов, радует глаз «сахар рафинированный (быстрорастворимый)» Краснопресненского сахарорафинадного завода имени Мантулина (что-то около трех инвалютных рублей за пачку), а также «крупа манная», «рис дробленый», «молоко сгущенное» и, конечно же, гордость советской промышленности водка «Столичная» — 21 инвалютный рубль.

Среди покупателей изредка слышится иностранный говор. Но больше нашего, советского. Вот стайка ребятишек младшего школьного возраста и явно пролетарского происхождения набирает в неограниченных количествах жвачку. Подойдя к кассе, каждый из них вытаскивает та-кие купюры, что просто захватывает дух. Вот старушка в суконных бурках и сереньком потертом пальто набрала столько, что еле тащит корзинку, бедная. Вот мужчина в одежде и с лицом простого советского инженера выбирает марочные вина. А вот, отоварившись, выходит супружеская пара. Жена, как ей и подобает, ворчливо замечает мужу: «Ну ты посмотри чё! Опять бананов нет...»

Бананов там действительно не было который день. Тяжела жизнь простого советского человека! Даже со свободно конвертируемой...

НАДЕЖДА И ИОСИФ

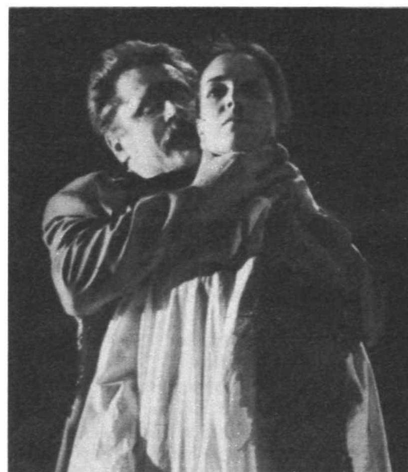
Это в общем-то обычные семейные страсти, семейные качели: притяжение, отталкивание, падение, игра, усталость, время. Это — жизнь супругов.

«Надежда и Иосиф» — пьеса Ольги Кучкиной, московский театр «Кольцо Мёбиуса».

Это были бы в общем-то семейные страсти, если б не били за окнами домашнего уюта кремлевские часы, ограничивая пространство, если б фамилии супругов были не Сталин и Аллилуева, если б объятия, споры, души их не отбрасывали на брачное ложе столь огромных теней. Это вечная история женщины, которая пытается вылепить, создать своего суженого наперекор его собственным творениям, которые корежат и творца. Это история невзошедшего, проигравшего, несбывшегося человеческого. Надежда была общей надеждой, живым лицом рядом с маской. Она ушла вместе с теми, кто в нее верил. И ее сменяют надежды других времен.

Наша надежда в том, что когда-нибудь эта пьеса станет просто литературной простой схемой: он и она, самодержец и жена, власть и любовь — и перестанет шевелиться земля над закопанным заживо временем, как только мы понимаем, что за муж и жена вышли на сцену, к нам.

Екатерина ФИЛАТОВА

АРХИСВЕТ

В Доме архитектора звучал саксофон и прогуливались породистые собаки, преимущественно доги, страшные, но безобидные. Это клуб любителей собак «Дог» пришел поздравить архитекторов, отмечающих создание своего нового клуба «Арс». Тут же, в фойе, шел прием в члены клуба. Членский билет стоил десять рублей, но архитекторы денег не жалели, и билеты вскоре кончились. И публика, и развлечения были вполне изысканные. Господин Майер, хозяин казино в гостинице «Ленинградская» и одновременно спонсор клуба, на этот вечер открыл в Доме архитектора филиал игорного дома — в двух залах вовсю шла игра в рулетку и «блэк джек». А сам Майер поторопился сказать, что, конечно же, это пока только эксперимент, а вырученные деньги пойдут детскому дому... Его же стараниями была организована бесплатная лотерея с роскошными призами (женщинам вручали французские духи, а мужчинам — предметы в красивой обертке, по форме напоминающие бутылки). В буфете и ресторане в изобилии были спиртные напитки. Но то ли из-за высокого уровня сознательности, то ли от непривычки к изобилию пьяных не было и — более того — интерес к буфету быстро угас.

От великосветского раута мероприятие в Доме архитектора отличалось отсутствием титулованных особ, наличием нескольких милиционеров с рацией и тем, что курящих настоятельно просили выйти на запасную лестницу.

Рисунки Евгении ДВОСКИНОЙ.
Фото Марка ШТЕЙНБОКА и Юрия ФЕКЛИСТОВА.

Выпуск подготовили Светлана Бавыкина и Юлия Сударенко. Им помогали Илья Воронов, Евгений Андросов, Инна Вальковская, Александр Чернушкин, Вероника Боде. Будем благодарны вам за информацию о сенсациях, интересных фактах и событиях. Ее можно сообщить по телефону 212-23-07.

СВЕТСКАЯ ХРОНИКА

БИБЛИОТЕКА ЗАРУБЕЖНОГО ДЕТЕКТИВА

БЕСЫ В ПАРИЖЕ

Дерек КАРТУН

РОМАН

Рисунок Вячеслава ЛОСЕВА.

Около полуночи президент республики позвонил домой префекту полиции. Не такое у него было расположение духа, чтобы соблюдать протокол,— он действовал через голову премьер-министра и Ги Маллара.

— Новости слыхали? — спросил он, не тратя времени на приветствия.

Префект весь вечер провел с женой, выполняя светские обязанности, по поводу которых у нее было множество амбиций, и вернулся только что. Дежурный из префектуры весь вечер безуспешно звонил ему и собирался набрать номер еще раз, но тут к префекту дозвонился президент.

— Какие новости вы имеете в виду, господин президент?

— В телецентре взрыв, Аристид Лаборд убит, а вы спрашиваете, какие новости!

— О Господи! Меня не было дома, я как раз...

— Не имеет значения.— Президент его не дослушал.— Немедленно приезжайте сюда, в Елисейский дворец. Жду от вас объяснений, почему мы не можем защитить парижан от этих маньяков.

— Еду.

Префект обернулся к жене:

— Это президент. Снова взрывы — чертовы эти обезьяны вышли на военную тропу.

Он позвонил дежурному, выслушал краткий отчет о происшествиях и спустился к своей машине.

Тем временем президент вызвал премьер-министра, который, явившись, застал его в отвратительном настроении. Он был убежден в полной, мягко выражаясь, некомпетентности министра внутренних дел и префекта полиции и решил возложить ответственность за случившееся на них. Для официальной версии это вполне сойдет и поможет объяснить обществу, почему столь слабо ведется борьба с террористами, которые держат в страхе и напряжении всю страну.

Те, кто нападал, будто задумали разрушить истеблишмент — бомбы взрывались в конторах предпринимателей, в банках, престижных ночных клубах, телевизионных центрах, в полицейских участках и даже однажды в дорогом парикмахерском салоне, услугами которого пользовалась жена президента. Правда, нынешнее убийство известного коммунистического деятеля вроде бы смазывало картину, но общая тенденция, без сомнения, прослеживалась. Похоже, что левые экстремисты с их презрением ко всему, что исходит от властей, вернулись к политике физического уничтожения, столь любимой их итальянскими и западногерманскими единомышленниками. Больше всего беспокоило президента не то, что разрозненные группы юнцов, чьи головы напичканы дурацкой идеологией, добьются успеха, а то, что их действия могут спровоцировать классическую реакцию: откат вправо, ужесточение власти, стремление любой ценой добиться порядка, усиление полиции, церкви — все эти силы только того и ждут.

Сам президент был истинным республиканцем — как всякий политик, он не был свободен от амбиций, от стремления блюсти собственную выгоду, но при этом всегда оставался республиканцем и французским патриотом. Он доказал это еще в молодости, во время нацистской оккупации. И он не отдаст страну во власть маньяков — будь то правые или левые. Сохранит нынешний — пусть шаткий, пусть нескладный, но все-таки разумный и цивилизованный центристский режим. Но пока против террористов не предпринято ничего, абсолютно ничего.

Когда префект полиции вошел в приемную Вэллата, там уже собрались министр внутренних дел, мэр Парижа и министр связи и информации. Все молчали, чувствуя себя нашкодившими юнцами, которым сейчас предстоит взбучка от учителя.

— Пройдите к президенту, господа.— Вэллат проводил их в соседнюю комнату. Президент уже сидел за столом. Он не поднимал глаз, будто ему неловко было находиться здесь. На чьей он все-таки стороне? Ветхая конституция Франции постоянно требовала ответа на этот вопрос.

— Полагаю, нет смысла спрашивать префекта полиции относительно сегодняшних событий,— начал президент недовольным голосом.— Он ничего не знал, пока я ему сам не рассказал по телефону.

Это было несправедливо, но префект счел за лучшее промолчать.

— Может, вы, Маллар, в курсе? Все-таки вы министр внутренних дел.

Ги Маллар был не просто в курсе: он прочел сводки о вечерних событиях, весь вечер пытался дозвониться префекту, разыскивал по телефону директора радио и телевидения и решил отложить все до утра. Звонок президента застал его за шахматной партией с приятелем. Он полагал, что префект уже занялся всем этим делом. И ошибся, выходит.

— Я не в курсе,— признался он.— Был занят весь вечер.

— Я тоже,— язвительно сказал президент.— Но все же сообщу вам, господа, то, что должен был бы услышать от вас.

Перед ним уже лежали сведения из префектуры, пожарного управления Парижа и из отдела новостей телевидения, которые собрал по телефону неутомимый Вэллат.

— В телецентре двое убитых, четверо раненых. Через десять минут после этого взрыва возле своего дома застрелен Аристид Лаборд, убийцы скрылись. В двух кварталах от его дома обнаружена брошенная машина,— возможно, они приехали на ней. Больше никаких следов. Эти сведения я получил из вашего ведомства, господин префект, хотя можно и усомниться в их достоверности. Мне кажется очевидным, что эти события связаны между собой. Согласитесь, устроить взрыв за десять минут до тщательно спланированного убийства — неплохой способ отвлечь внимание полиции и предоставить убийцам шанс благополучно скрыться.

Он обвел глазами сидящих за столом. Наступило долгое молчание.

— Не собираюсь сейчас обсуждать то, что случилось в других местах,— я убежден, что все события носят политический характер, что это изощренная и хорошо продуманная кампания. Заняться этим должно все правительство. В данный момент мы говорим только о Париже — тут жить стало опасно, положение невыносимо, господа!

Президент грохнул по столу тяжелым кулаком и обвел присутствующих тем тяжелым взглядом, который, благодаря телевидению, был знаком не только членам правительства, но и всей стране.

— Полиция показала свою полную беспомощность,— продолжал он.— Министерство внутренних дел тоже. Правительству придется принять самые серьезные меры.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 11—13.

При слове «правительство» премьер-министр почувствовал, что пора ему что-то сказать. Свой пост он получил не без помощи президента республики, подразумевалось, что он станет его правой рукой, не претендуя при этом на самостоятельный образ мыслей, потому теперь он спешил поддержать президента. Но одновременно ему хотелось сохранить видимость порядка и согласия в кабинете. Это было отнюдь не просто и не особенно удавалось раньше. Он с нетерпением ждал окончания срока своих полномочий, оставалось всего три месяца. Но жизнь продолжалась...

— Дорогие коллеги, невозможно не согласиться с оценкой событий, данной господином президентом,— вступил он.— Если бы я сегодня вечером не был на приеме у президента Габона, я счел бы своим долгом заняться этим делом сам. И однако...

Никто не перебивал его, президент не высказал никакого интереса к тому, что у премьер-министра имеется алиби... Он умолк.

— Я не идиот, чтобы предполагать, будто подобная встреча может чему-либо способствовать, да еще ночью, без надлежащей информации и подготовки. Но премьер-министр и я — мы созвали вас сейчас, чтобы провести утром, в девять, совещание, куда, я рассчитываю, вы придете с четкими, продуманными предложениями относительно того, как оживить борьбу с террористами, которая до сих пор велась кое-как. Разве не так, господин префект?

— Я бы этого не сказал, господин президент.— Вид у префекта был чрезвычайно расстроенный.

— Значит, меня неправильно информировали,— сказал президент.— И многих удалось арестовать?

— Нескольких. Но, правда, это ни к чему не привело.

— Вот я и говорю — кое-как.

Префект пожал плечами:

— Утром я представлю полный отчет.

— Я бы хотел получить также сведения о моральном состоянии общества в связи с происходящим.

Это относилось к министру информации и мэру. Премьер-министр сделал вид, будто записывает что-то на случай, если ему вдруг изменит память. Министр внутренних дел не присоединился ни к кому, как бы не желая петь с ними в унисон. Ни к чему поднимать волну. Грязь прилипчива, чуть двинулся — и испачкался.

— И следует принять незамедлительные меры для охраны наиболее уязвимых объектов, хотя, признаться, никогда бы не подумал, что в группе риска окажется Аристид Лаборд.

Остальные снова молча согласились, президент встал и вышел, оставив премьер-министра на растерзание.

— Итак, до завтра, господа,— произнес Вэллат.

ГЛАВА VI

В девять утра министры собрались снова. А Баум в это время уже сидел в кабинете своего шефа. Президент все еще пребывал в настроении, опасном для окружающих, душевное состояние Жоржа Вавра было не лучше: его терзали недоверие к эксцентрическим методам Баума и мрачные предчувствия относительно их последствий. Зато сам Альфред Баум, устроившись с папкой бумаг на кончике одного из неудобных стульев в начальственном кабинете, являл собой воплощенную самонадеянность и прекрасное расположение духа.

— Так сложно, так рискованно, не люблю я эти выкрутасы,— тянул Вавр.— Ты же знаешь, Альфред, что простые методы расследования дают результаты быстрее всего. Самое надежное — поднять архивы да допросить кого надо...

— Совершенно согласен,— отозвался Баум.— Но раз уж мы отказались от мысли допрашивать членов Комитета обороны — и правильно сделали, я уверен,— то тем самым мы отказались и от надежды на простое решение. Значит, единственное, что нам осталось,— это мистификация. Я понимаю, что вам подобные методы не по вкусу.— Он усмехнулся и покачал головой, как бы говоря, что пугливое отношение Вавра к обходным маневрам несколько смешно.

— Ну так как поступим, Альфред?

— Конверт вместе со всеми вещами молодого человека уже в палате,— объяснил Баум.— У нас есть отличные снимки женщины, которая приходила к нему, назвалась его сестрой и оставила фальшивый адрес. Вчера мои люди ее упустили, но сегодня она от нас не скроется. Неудача пошла даже на пользу: мы приготовились как следует?

— А если все-таки она ускользнет?

Отвечать Баум не стал. Он составил план действий и на случай провала, но не хотел пока раскрывать свои карты. Если затеваешь дело, которое пугает твоего начальника, да, по правде сказать, и самому страшновато, то лучше уж посвящать его во все планы постепенно. Последовательно, одну за другой снимать оболочки, вроде как лук чистишь; на сегодня сказано достаточно.

— Не беспокойтесь, шеф,— сказал он.— Сеть сплетена прочная, девчонка не проскочит.

Вавр нехотя согласился, спросил:

— Что еще?

— Есть сообщение от одного из моих людей, которых я посылал на площадь Мобер. Прошлой ночью он там разыскал человека, который все видел и утверждает, будто фургон сбил мотоциклиста нарочно. Но официально подтвердить не соглашается. Говорит, на суде бы не поклялся. Поищем доказательств этого странного факта, а я пока откладываю его на потом.

При его сходстве с хомяком легко можно было представить факты, спрятанные у него за щекой, будто орехи.

— Мне звонил Вэллат,— вспомнил Вавр.— По поручению президента. Спрашивал, как движется дело. Я сказал, что движется. Ну и что он может доложить президенту? Пока докладывать нечего. Так когда же мы сможем доложить о ходе расследования? Скоро,— так я ему ответил. Я прямо-таки почувствовал, как он позеленел от злости на том конце провода, он копирует президента — его нетерпение и раздражительность. Альфред, надо спешить!

— Я знаю, знаю! Сегодня же начинаем действовать.

Совещание у президента закончилось быстро и не дало ничего путного. Префект полиции доложил о двадцати семи инцидентах, случившихся в столице за последнее время, и высказал убеждение, что по всем признакам это дело рук левых экстремистов вроде группы Баадер — Майнхоф. Ответственность за некоторые из них взяли на себя какие-то подпольные организации, причем ни одна из них не была ранее известна. К сожалению, пока никаких версий. Конечно, это печально, однако он рассчитывает на спецподразделение по борьбе со взрывами; персонал его удвоен за счет опытных инспекторов и сотрудников юридического отдела в полном составе.

На вопрос о взрывных устройствах он ответил, что, судя по осколкам, они изготовлены вручную, скорее всего в какой-нибудь маленькой мастерской. По всей вероятности, во Франции, хотя не исключено, что и за границей. Известно, что террористов снабжают оборудованием в Голландии, Швейцарии, не говоря уж о средневосточных странах. Там хоть и за большие деньги, зато без хлопот можно приобрести взрывчатку и огнестрельное оружие. Если, конечно, все это не украдено. Хотя последнее время сигналов о кражах со складов или из магазинов, торгующих оружием, не поступало. Странно также, по его мнению, что ни одно из последних крупных ограблений не совершалось с помощью бомбы. Обычно волну взрывов террористы начинают с ограбления банка, чтобы добыть таким образом деньги на покупку оружия и содержание банды в тот период, пока она действует. Но в данном случае все иначе. Видимо, у террористов имеются другие источники.

— Где могут находиться эти источники?

— Ливия, Сирия...— Ответ прозвучал неопределенно.

— Вы хотите сказать, что поскольку опасность пришла из-за рубежа, то делом надлежит заняться контрразведке?

Префект, всегда ревниво отстаивавший прерогативы собственного ведомства, заметил свою ошибку.

— Нет, нет, господин президент. Я просто строил догадки. Можете быть уверены — я обращусь к Жоржу Вавру, если появится необходимость.

Президент не возразил, лишь записал что-то в блокнот, лежавший на столе.

— Еще одна особенность нынешней кампании,— продолжал префект,— необычно высокий технический уровень исполнения. Во время подобных акций в других странах, например, в Италии и Западной Германии, попытки иной раз не достигали цели: бомбы не взрывались или взрывались слишком рано. А во Франции все срабатывает безукоризненно. Видимо, действуют первоклассные специалисты, и у них железная дисциплина. Похоже, они проходили подготовку в Ираке или в Ливии.

Префект продолжал излагать все, что знал, о самых тревожных точках, связанных с международным терроризмом. Его рассуждения перебил министр внутренних дел:

— А не причастны ли к этому анархисты? Как вы думаете?

Префект пожал плечами.

— Во время последнего рейда мы задержали двоих, но пришлось отпустить: прямых улик не обнаружено. В политическом аспекте, я полагаю, тут вполне могут быть замешаны анархисты или маоисты. Если судить по выбору мишеней. После каждого полицейского рейда наступает затишье недели на две. Более того, за последние три месяца человек пятнадцать левых экстремистов, из числа самых известных, куда-то скрылись.

— Так, может, они скрылись, потому что полиция за ними охотится?

— Не исключено, но я бы объяснил это более существенными и тревожащими причинами.

— Меня все эти ваши тонкости не интересуют.— Президент был раздражен до крайности.— Я хотел бы услышать об арестах, для которых имеются основания. А префектура, похоже, специализируется на арестах лиц, виновных предположительно. Какие шаги вы намерены предпринять немедленно?

Префект принялся излагать свой план. Он состоял в том, чтобы включить в поиск больше сотрудников. Он уже дал распоряжение. Он уверен, что скоро полиция добьется решительного перелома. Необходимо призвать парижан быть начеку и сообщать обо всем, что вызывает хоть малейшее подозрение. Сегодня это прозвучит по радио и по телевидению. К концу недели будут готовы соответствующие плакаты. Во всех общественных зданиях принимаются меры предосторожности.

— Подобный прилив энергии,— ядовито заметил президент,— был бы весьма кстати месяца три назад, а теперь он только лишний раз доказывает, что префектура действует вяло и нерешительно.

Снова это было не совсем справедливо, но и тут префект не стал возражать.

План префекта одобрили, обсудили, какими мерами можно успокоить население. Это было остро необходимо: пресса безумствовала, ее подстрекали крайние правые, которые использовали взрывы как дубинку против левых и центра. Шумели заодно и коммунисты, стремясь отмежеваться в общественном сознании от собственных, причинявших много хлопот левых, которых они величали отщепенцами и фиглярами. Мотивы же убийства Аристида Лаборда — генерального секретаря коммунистической партии — оставались совершенно непонятными.

В то же утро состоялось заседание политбюро компартии и был утвержден текст прощального слова над гробом павшего товарища, немедленно переданный в газеты. В надгробной речи дана была политическая оценка этого убийства: провокация реакционных сил, которые стремятся расколоть парламентское большинство и ослабить партию трудящихся. Но ни намека не было, о ком, собственно, идет речь — о крайних правых или крайних левых, поскольку составители текста понятия не имели, на каком конце политического спектра прозвучала автоматная очередь. «Объективно,— сказал по этому поводу один из членов политбюро,— это не имеет значения, поскольку и те, и другие льют воду на мельницу империалистов».

На заседании было решено через неделю созвать центральный комитет партии и выбрать нового генерального секретаря.

К обеду собравшиеся уже согласились, кого избрать.

За последние двадцать четыре часа Альфред Баум проявил чудеса ловкости, чтобы сколотить солидную команду, состоящую из сорока пяти мужчин и женщин — сотрудников контрразведки и полиции, да еще полудюжины машин в придачу. Операцию развертывали с такой тщательностью и с таким дотошным вниманием к деталям, что Леон сказал со смехом среди своих: надо бы еще боевой вертолет включить, шефу подсказать, что ли...

Командный пост поместился в фургоне почтово-телеграфного ведомства, припаркованном возле больницы и оборудованном радиосвязью со всеми участниками слежки. Двое в этой машине должны были прослушивать все донесения, один из них — сам Баум. Если девица снова сядет на обратном пути в автобус, то важно, чтобы кто-то из преследователей оказался там заранее. Конечно, она может уехать и семьдесят третьим, и сто девяносто вторым, причем в любом направлении. Значит, на предыдущих остановках должны дежурить полицейские и с той минуты, как она выйдет из клиники, ждать распоряжений по радио, будучи готовыми сесть в автобус.

На сей раз, впрочем, она может приехать и на машине, и, хотя преследовать ее на улицах будет чрезвычайно трудно, Баум был уверен, что его люди с этим справятся. У них достаточно машин, чтобы правильно расставить их поблизости от больницы. Всем участникам операции были розданы фотографии, сделанные накануне. В середине дня Баум еще раз кратко проинструктировал их и убедился, что все готово.

— Не допустите же вы, ребята, чтобы одна девчонка провела сорок пять оперативников из спецслужб, у которых есть самая современная радиоаппаратура и столько машин,— заключил он свой инструктаж. Баум и сам в это верил.

В половине второго он подъехал к клинике на служебном автомобиле и пересел в почтовый фургончик, который стоял там с самого утра. Остальные тоже были на своих местах.

— Все в порядке? — спросил он у тех, что дежурили в фургоне.

— Да, шеф!

Они проверяли связь с другими машинами, две из

которых расположились возле автобусных остановок и могли бы известить агентов, стоящих на этих остановках, что им надлежит сесть в автобус. Фургон поменьше занял позицию у входа в клинику, чтобы сделать еще снимки. Леон снова облачился в серый форменный халат и занял свое место в качестве временного сотрудника стола справок. Баум через больничного администратора передал все необходимые распоряжения персоналу. Пациент так и не пришел в себя. Он пребывал в отдельной палате и был подключен к системе жизнеобеспечения. Его вещи находились в тумбочке рядом с кроватью, в кожаном ранце благополучно лежал конверт.

В двадцать минут третьего ко входу подкатил красный «рено» пятой модели, за рулем сидел молодой человек в темных очках. Из машины вышла блондинка, одетая точно так же, как накануне. «Рено» проехал еще несколько метров, туда, где полицейские именно на этот случай предусмотрительно оставили место для стоянки. Номер его был записан.

Блондинка взбежала по ступенькам и толкнула дверь. В справочном окне она осведомилась о Гвидо Ферри.

— Мне велели прийти сегодня,— напомнила она молодому человеку — тому самому, который был очарован ею накануне.— Я его сестра.

— Все в порядке, мадемуазель, поднимитесь на четвертый этаж, в реанимационное отделение.— Он улыбнулся ей, но она не ответила на улыбку. «Красотка, но злючка»,— решил он про себя.

На четвертом этаже она отыскала нужную палату.

— Я сестра Гвидо Ферри, могу я его повидать?

— Добрый день, мадемуазель Ферри,— приветствовала ее дежурная медсестра.— К сожалению, вчера мы не могли вас пропустить. И сегодня ваш брат без сознания. Тяжелая черепная травма. Он вас наверняка не узнает.

— Понимаю,— отозвалась посетительница.— Я ненадолго. Где он?

Медсестре показалось, что она вовсе не выглядит обеспокоенной. Правда, некоторые умеют скрывать свои чувства... Пока они шли по коридору, она сказала:

— Доктор знает, что вы пришли. Он зайдет, чтобы поговорить с вами.

— Хорошо.

Сестра пропустила девушку в палату и заботливо прикрыла дверь. Пациент лежал на спине, весь опутанный трубками, подключенными к приборам. По экрану дисплея бежали ритмичные волны — удары сердца. Посетительница посмотрела на его лицо и перевела взгляд на сложную аппаратуру. Подошла к тумбочке — это была единственная мебель в комнате, помимо кровати и стула. Перетряхнув пожитки парня, она без труда нашла то, что искала, и быстро переложила конверт к себе в сумку. Тут отворилась дверь и вошел доктор.

— Я проверяю вещи.— Она нисколько не смутилась.

— Травма чрезвычайно серьезна, сердце может отказать в любую минуту.— В голосе врача слышалось сочувствие. Она может справляться о здоровье брата по телефону — пусть звонит когда угодно. Пока нельзя обещать, что он вообще придет в сознание, а если выживет, то неизвестно, вернется ли к нему разум. Доктор ожидал взрыва отчаяния, слез,— каменное спокойствие посетительницы поразило его. Впрочем, может быть, она потрясена горем, в шоке...

— Можно мне еще побыть здесь?

— Понимаю,— отозвался доктор,— я вас оставлю. Только не трогайте ничего.

Дверь за ним закрылась. Посетительница достала из сумки целлофановый пакет и, подойдя к кровати, закрыла им рот и нос лежащего, перекрыв трубку. Сверху положила еще полотенце, лежавшее возле тазика. Потом отошла и встала так, чтобы видеть дисплей. Меньше чем через полминуты зеленые линии навеки прекратили бег...

Она положила полотенце на место, сунула в сумку целлофановый пакет и вышла. Проходя мимо дежурной сестры, не попрощалась, не поблагодарила. Медсестра, сидевшая у приборной доски в аппаратной, как раз пила кофе с приятельницей и обратила внимание на экран угловой палаты только спустя две-три минуты. Она выскочила в коридор, зовя дежурную. А блондинка тем временем уже спускалась в лифте, прижимая локтем сумку и глядя прямо перед собой.

Как только она появилась в холле, рука Леона дернулась, коснулась уха, и какой-то человек, с виду рабочий, вышел на улицу. При его появлении два автомобиля, стоявших поблизости, включили двигатели.

— Выходит из клиники, сейчас выйдет,— сказал Баум в нагрудный микрофон. Все машины были настроены на волну грузовика.— Машина, на которой она приехала, стоит, водитель на месте. Внимание, вот она!

При появлении на лестнице блондинки с сумкой через плечо заработала фотокамера.

— Спускается, поворачивает направо, к машине — увидела ее в десяти метрах от себя...

Девушка быстро дошла до машины, водитель, наклонившись, открыл дверь, она села, и они мгновенно отъехали.

— Едут по улице Дютен,— сообщил Баум,— в конце улицы им придется повернуть направо — там одностороннее движение, но Леопард пусть будет настороже: они, если что заметят, могут и налево повернуть, что им правила? Бобр, езжай за ними, только не приближайся особо.

Бобр — на Контроль. Вас понял. Конец связи.

Контроль — Зебре. Сейчас проедут мимо вас. Пропустите на полсотни метров — и следом.

Зебра — на Контроль. Вот они! Еду.

В этот момент красный «рено» повернул с улицы Дютен направо, как и положено. Бауму теперь его было не видно. По радио зазвучала торопливая речь:

— Зебра — на Контроль. Они опять повернули направо, на магистраль. Тут большое движение, мы их пока видим, но Лиса пусть подстрахует.

Контроль — Лисе. Мимо вас проезжает красный «рено», за рулем мужчина, рядом с ним женщина. Двигайтесь за ними, не теряйте из виду. Вперед!

Лиса — на Контроль. Вижу их в зеркале. «Рено» идет быстро. Еду за ними, машин тут чертова пропасть. Они впереди, между нами две машины. Направляемся к югу. Предупредите тех, кто впереди, в одиночку мы их упустим.

Контроль — Бизону. Красный «рено», водитель мужчина, рядом женщина. За ними — Лиса. Включайтесь в погоню.

И тут произошло то, чего никто не ждал. «Рено» сбавил скорость, пристроился в хвост семьдесят третьему автобусу и, как только этот автобус подкатил к остановке, затормозил. Пассажирка выскочила и оказалась в автобусе в тот момент, когда автоматические двери уже почти закрылись.

Лиса — на Контроль. Женщина пересела в семьдесят третий, который идет в южном направлении. За кем ехать — за ней или за «рено»?

Контроль — Лисе. Черт побери! За автобусом!

То же самое Баум приказал Бизону и трем другим машинам, стоявшим вдоль трассы. Держать под наблюдением «рено», который, нарушив правила, повернул влево и скрылся на большой скорости в боковой улице, было бессмысленно. Девица вроде бы избрала вчерашний маршрут, хотя могла выйти и на другой остановке. Ясно было одно — от преследования уходить она обучена. И никого нет в автобусе рядом с ней.

Баум проклинал себя, но тут же у него возникла идея.

Контроль — Бобру. Прекратите преследование и отправляйтесь на Восточный вокзал. Морис пусть стоит в метро там, где ее вчера потеряли: на переходе. Она может выбрать именно этот маршрут, предполагая, что уж этого от нее не ждут.

Бобр — на Контроль. Выполняем.

Девица наверняка чувствует, что за автобусом следят. Но если ребята сработают хорошо, то она успокоится: не позволят они ей ничего заметить. Все, что она делала до сих пор,— это меры предосторожности. Или, может, у него просто воображение разыгралось? Что она может знать о содержимом конверта? Как ей догадаться, что это фальшивка, подкинутая ОТО? С ее точки зрения, если бы уж полиция следила за ней, то ее арестовали бы прямо в клинике на том основании, что она оставила фальшивый адрес. И потом ее бы спросили насчет фальшивого удостоверения ее братца. Нет, по всей вероятности, девчонка, принимая меры предосторожности, просто следует правилам. А преследователи имеют четкую инструкцию: если видите, что она может скрыться, хватайте ее!

Да нет, вряд ли она догадалась, что за ней следят. Об этом редко кто догадывается. Даже агенты КГБ, уж на что тренированы, то и дело теряют бдительность. Потому только и попадаются. А эта просто тупо повторяет все, что делала вчера.

Бобр — на Контроль. Автобус остановился напротив станции Луи Блан. Мы в потоке машин чуть позади. Вот она. Вышла, перебегает дорогу, скрылась в метро...

Контроль — всем, кто недалеко от станции Луи Блан. Действуйте по плану, внимание!

Двое — из машин Лиса и Бобр — успели в метро секунд через двадцать. Им было известно, что преследуемая скорее всего поедет в сторону Порт Итали, но на тот случай, если она изменит маршрут, один из двоих побежал на противоположную платформу.

Тот, что направился в сторону Порт Итали, сложением напоминал Леона: грузный, и ходок никудышный. Как бы он ни спешил, но преодолеть бегом три марша вверх по ступенькам он был не в силах. Как ни старался, но на платформе ему мигнули хвостовые огни поезда, девчонки нигде не было. Агенту мгновенно представилось понижение в должности, перевод из ОТО в обычную полицию. Господи, опять ходить в форме, участвовать во всяких там облавах и драках, да еще где-нибудь в провинции! Он чуть не разрыдался. Он не знал, что Баум предусмотрительно послал человека на Восточный вокзал, и был убежден, что девчонка смылась — всех перехитрила, чертова сука! Он просто опомниться не мог, его даже затошнило...

Он крикнул напарнику, стоявшему на противоположной платформе, чтобы тот шел к машине и передал новость. А он следующим поездом уедет на Восточный вокзал. Зачем — он и сам не знал. Никакой надежды не было, но вдруг... Все бывает. Каким-нибудь чудом он ее засечет и реабилитируется, спасется от мундира, от провинции...

Тем временем Ингрид ехала в первом вагоне предыдущего поезда, проехала Шато Ландон и сошла на Восточном вокзале, точно так, как накануне. Перескакивая через ступеньки, она быстро взбежала по лестнице и свернула в левый туннель, к платформе, откуда можно попасть на ее линию. Туннель был пуст: немногие пассажиры вышли из вагона и направились к выходу в город. У поворота она оглянулась: сзади никого! Неплохо. Все оказалось так просто — она же говорила! Никому другому нельзя было доверить такое задание. Все сошло гладко — это поддержит моральный дух остальных. Так надо — трудные задания выполняй сам. Постоянно доказывай им, что ты лучше, смелее, не им чета. Так ее учили в тренировочном лагере в горах Гарца. Множество раз повторяли — служи примером. Веди за собой, будь всегда впереди. Да, лучшие иногда падают, но каждому на смену придет полдюжины новых, закаленных и несгибаемых. Политически — и даже статистически — это логично. Так ее учили. Эта теория правильна, в этом Ингрид уверена. В туннеле за поворотом она увидела человека — он стоял, прислонясь к стене, будто ждал кого-то. Прямо в том месте, откуда расходятся в разные стороны две лестницы. Выглядит подозрительно. Похож на шпика. Дешевый темный костюм — в этакую-то духоту, тяжелые ботинки, стрижка немодная. Главное — лицо, как у полицейского. Внезапно вспомнила: вчера она как раз здесь стряхнула хвост. Вполне подходящее место, чтобы избавиться от преследования: за поворотом никто ничего не увидит. А на развилке взбежать по одной из лестниц и смешаться с толпой...

А может, он вовсе и не ее дожидается? Даже если он и шпик... Впрочем, ей-то что до этого? Ведь у него может быть инструкция арестовать ее тут же, а не следить за ней... Не дойдя метров пятнадцать до поворота, где стоял незнакомец, она решилась. Сняла сумку с плеча и на ходу стала что-то искать в ней. Подойдя, обратилась прямо к нему:

— Прикурить не дадите?

Агент — это был Морис — сунул руку в карман пиджака и уже протягивал ей зажигалку, когда рука девушки выскользнула из сумки, держа маленький пистолет с глушителем. Туннель все еще был пуст. Она поднесла оружие к голове собеседника, будто это было самое что ни на есть обычное дело, и дважды выстрелила в упор, целясь между глаз. Выстрелы были почти не слышны — на станции стоял обычный шум.

На лице Мориса проступило изумление, из отверстий между глаз хлынула темная кровь, колени подогнулись, и он стал медленно сползать по стене на грязный пол. К тому моменту, когда тело вытянулось неподвижно, убийцы рядом уже не было: она взбежала по лестнице, и толпа поглотила ее.

Грузный человек, прибывший следующим поездом, оказался на месте убийства, когда вокруг тела уже собралась кучка людей.

— Пропустите, полиция! — крикнул он. Узнав убитого, он испытал острое чувство горя и бессилия, почувствовал спазм в желудке и не заметил своих слез, неудержимо бегущих по лицу.

А Ингрид снова благополучно добралась до Фобур Сен-Дени, свернула в пассаж и быстро вошла в мастерскую.

— Ну как? — спросил хозяин.

— Нормально. А Серж вернулся?

— Только что.

— Избавился он от машины?

Хозяин кивнул.

— Отлично. Я переоденусь и пойду в штаб доложить. Оружие оставлю здесь, а ночью от него избавлюсь. Как ты думаешь, правильно?

— Ну раз ты так считаешь...

Она прошла в заднюю комнату, где ее ждал Серж.

— Я же говорила — никаких проблем,— похвасталась она.— Только пришлось застрелить чертова шпика. Просто на всякий случай. Он скорее всего и не за мной охотился, но так спокойнее. Мне нужен новый револьвер. Поищи, ладно? Ты знаешь, что мне нравится.

Через боковую дверь она вышла в грязную вонючую уборную, и тут ее несколько раз вырвало.

Перевела с английского Элла НИКОЛЬСКАЯ.

Продолжение следует.

Картинки
Ильи
НАРИЖНОГО

Вот дождь прошел, и солнце вышло,
Собою местность осветив,
Природы повернулось дышло,
И, светлых полон перспектив,
Надежд, проектов, вожделений,

Я лиру верную беру...

Слова
Игоря
ИРТЕНЬЕВА

Нет, никогда я не умру
В сердцах грядущих поколений
Семи-восьми...

У каждого предмета в этом мире существует свое назначение. Вот это стул, на нем сидят, вот это стол, за ним едят. И только так, раз и навсегда. Скучно, конечно, но ничего не попишешь. Население воспринимает этот порядок вещей с пониманием, что в общем-то правильно. А чего возникать? Поэтому в чопорных наших широтах дерзкая попытка какого-нибудь сумасброда напиться, скажем, ситро из газетного автомата не найдет поддержки у окружающих.

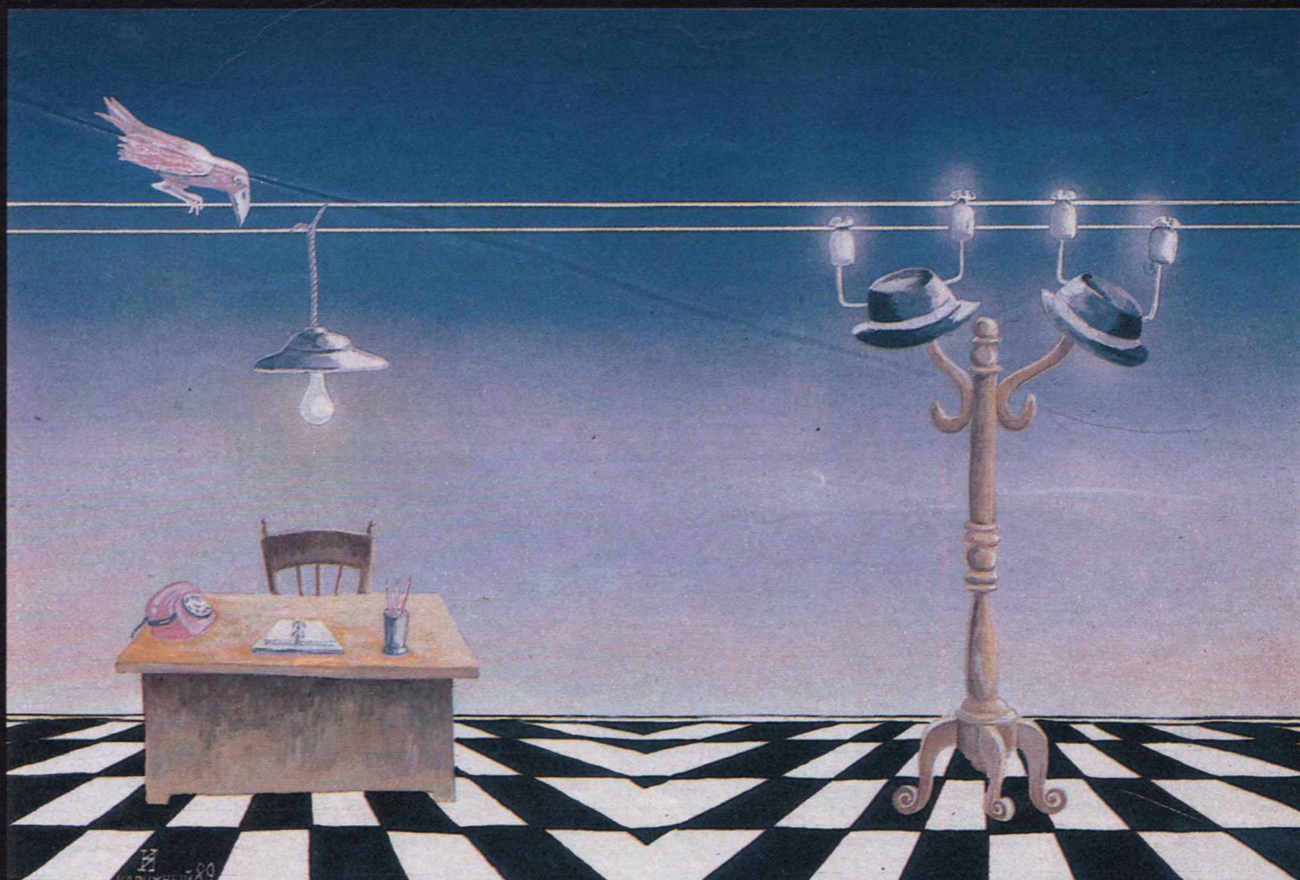
В повседневной жизни Илья Нарижный не отличается особой экстравагантностью. На правах давнего приятеля могу подтвердить, что суп он ест ложкой, а рыбу, как все нормальные советские люди, вилкой и ножом. Но вот в творчестве его, к сожалению, нередко заносит. Илья Нарижный с упорством, достойным лучшего применения, пытается убедить нас, что функция предмета несказанно шире, чем это предусмотрено прилагаемой к нему инструкцией завода-изготовителя. Точно так же, как и по отношению к живой твари. Божий замысел не исчерпывается линейной формулой «рожденный ползать летать не может». Нарижный занят поисками новой функциональности. Или, попросту говоря, исправлением ошибок природы в процессе эволюции и человеческого разума на пути прогресса. Успехов тебе, дружок!

Игорь ИРТЕНЬЕВ

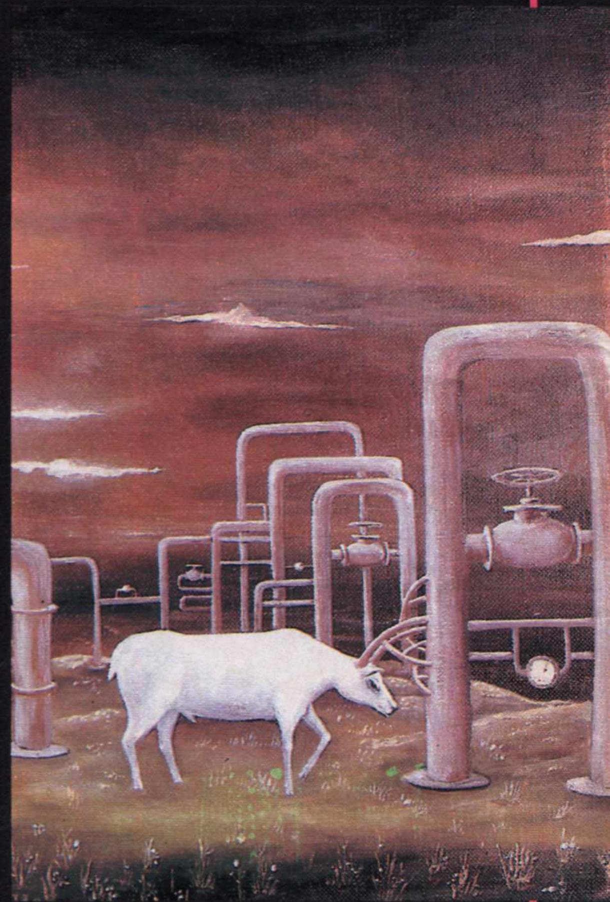
* * *

Меня зовут Иван Иваныч,
Мне девяносто восемь лет.
Я не снимаю брюки на ночь
И не гашу в уборной свет.

Я по натуре мирный житель,
Но, если грянет вдруг война,
Надену я защитный китель,
К груди пришпилю ордена

И в нижнем ящике буфета,
Где у меня военный склад,
Возьму крылатую ракету.
Ужо, проклятый супостат!

Ее от пыли отряхну,
Стабилизатор подогну,
Взложу на тетиву тугую,
Послушный лук согну в дугу,
А там пошлю наудалую.
И горе нашему врагу!

* * *

Подайте, граждане, поэту,
Ему на гордость наплевать.
Гоните, граждане, монету —
Поэтам нужно подавать.

Остановись на миг, прохожий,
И очи долу опусти:
Перед тобой посланник Божий,
Поиздержавшийся в пути.

Отброшен силой центробежной
За социальную черту,

ПОХВАЛА ДВИЖЕНИЮ

По небу летят дирижабли,
По рельсам бегут поезда,
По синему морю корабли
Плывут неизвестно куда.

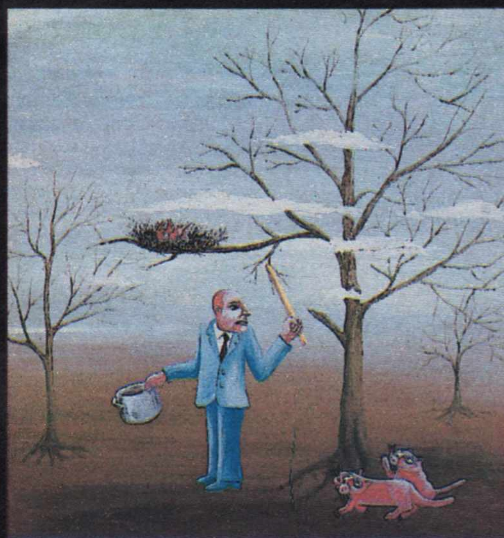
Движенье в природе играет
Большое значенье, друзья.
Поскольку оно составляет
Основу всего бытия.

А если в процессе движенья
Пройдешь ты, товарищ, по мне,
То это свое положенье
Приму я достойно вполне.

И, чувствуя вдавленной грудью
Тепло твоего каблука,
Я крикну: «Да здравствуют люди!
Да будет их поступь легка!»

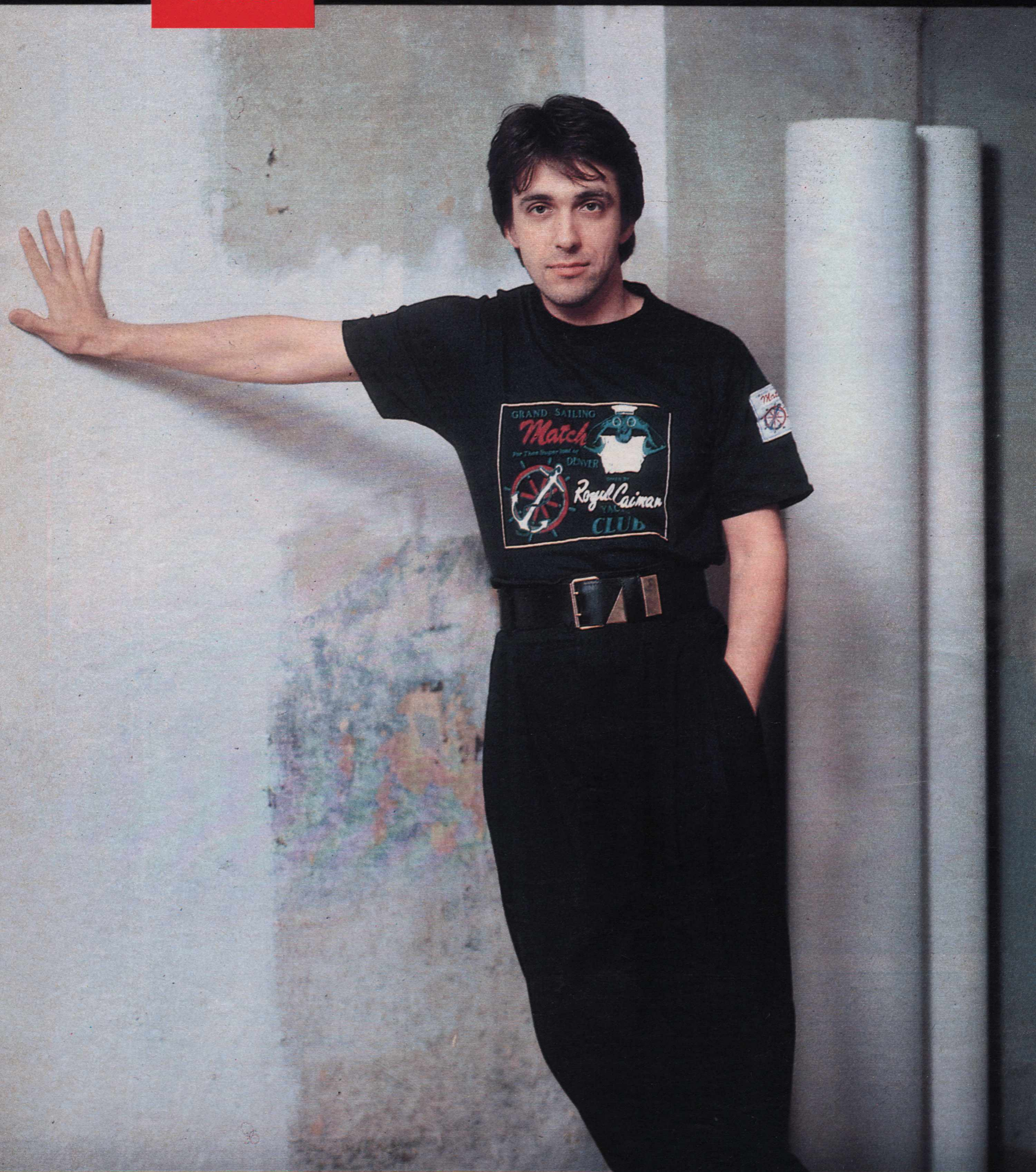

Сидит он в позе безмятежной
На трудовом своем посту.

Под ним струя, но не лазури,
Над ним амбре —
ну нету сил.
Он, все отдав литературе,
Сполна плодов ее вкусил.

Гони, мужик,
пятиалтынный
И без нужды не раздражай.
Свободы сеятель пустынный
Сбирает скудный урожай.

ОГОНЁК

$$V=n_0\left(\frac{m}{\ldots}\right)^{3/2}\times\iint^{\infty} e^{-m(v_y^2+v_z)/(2kT)}\,dv_y\,dv_z\times\int^{\infty} e^{-mv_x^2/(2kT)}\,v_x\,dv_x$$

ПОПУЛЯРНАЯ МЕХАНИКА

УЧЕНЫЕ БЕСЕДЫ С СЕРГЕЕМ КУРЕХИНЫМ

К ИСТОРИИ ВОПРОСА

Что же это происходило со мной и несколькими моими приятелями, устроившими лет десять назад в стенах одного солидного учреждения некую экологическую нишу, в которой мы и предавались весьма странной игре? Вовсе не от избытка творческой энергии, которую якобы не успевали истратить на рабочих местах, как полагали некоторые наблюдатели, вовсе нет. Чтобы не подохнуть в безвоздушном окружающем пространстве. Мы жили как бы в пузырьке кислорода, веселящее действие которого начинало сказываться на надышавшихся уже само по себе. Здесь мы, как джинны, выбравшиеся из горлышка бутылки, возносили и рушили дворцы и замки, в химерических сплетениях которых зарождались великие прожекты, полные маленьких хитростей и утешений, здесь пелись баллады и принимались постановления. Ситуация всеобщего отупения, помню, настоятельно потребовала новых организационных решений, в результате которых возникло Всероссийское общество тупых, замечательная организация, вскормившая многих. Совет тупейших работал над созданием гимна, ритуалов посвящения в тупые, две симпатичные тупышки изготовляли флаг и прочую атрибутику. Цель общества была высока и благородна: борьба за независимость маленького, но гордого народа пермяков. К сожалению, средства на осуществление цели, регулярно собираемые, столь же регулярно растрачивались, что и помешало осуществлению цели. Полагаю, что отсутствие действий помешало и государственным органам обнаружить новое общество и сгромоздить из него чудное дельце.

Теперь-то я знаю, что это такое с нами было. С нами происходила поп-механика. Те, кто сегодня играет в такие игры, научились сочинять музыку, ее играть, петь, плясать, дрессировать животных и весь этот винегрет разом вываливать на головы очумевших зрителей. Не таясь, у всех на виду, на подмостках и площадях.

Впрочем, мы уже рассказывали о поп-механике в материале «Пикник на лужайке» кандидата искусствоведения Сергея Шолохова (№ 29, июль, 1988): «Поп-механика» — музыкальный театр, возникший под началом композитора Сергея Курехина... Музыка у Курехина всегда носит импровизационный характер, импровизацию он сделал основой и своей режиссуры... Курехин называет свои концерты то «праздничной народной галлюцинацией», то «пикником на лужайке»... Прелесть «Поп-механики» в том, что она рождается сейчас, на ваших глазах совершает безумства, взрослеет и умирает, не вызывая жалости, а сообщая чувство интенсивно прожитой жизни...»

Им, конечно, повезло: расширилась кислородная зона. Но плюс к тому они постигли и теорию этих игр. Вот и преуспели.

Предлагаемые сегодня читателям Ученые беседы — лишь одна из игр их ума. Мой приятель, в прошлом член Общества тупых, ныне известный писатель, прочитав кусочек бесед, сказал одобрительно, смахивая непрошеную слезу: «До чего умный парень, этот Курехин. Как дурака валяет, а?!».

Но он вовсе не валяет дурака. Это мы его валяли. Он — нет.

Владимир ЧЕРНОВ

К БИОГРАФИЧЕСКОЙ СПРАВКЕ

Сергей Курехин широко известен в стране и за рубежом как композитор, актер, шоумен. На самом же деле он, по собственному внутреннему убеждению, ученый и политический обозреватель. На Западе у него вышло более двадцати пластинок, а москвичи и ленинградцы до сих пор ностальгически вспоминают грандиозные шоу «Популярной механики», которые сегодня, к сожалению, как многое в нашей стране, перекочевывают за кордон. «Поп-механика» когда-то скрашивала нашу убогую действительность, помогая расслабиться, поскольку воспринималась, как глоток свежего воздуха. Сегодня поклонники Сергея Курехина рванули в кинотеатры — это последняя возможность послушать его музыку, написанную к фильмам «Господин оформитель», «Посвященные», «Трагедия в стиле рок», «Оно», «Переход товарища Чкалова через Северный полюс» и многим другим. Самому Сергею это уже неинтересно. Он решил сам посниматься в кино и тут же сыграл главную роль в картине «Лох — победитель воды». Это советский Джеймс Бонд. Курехина иногда уговаривает выступить по телевизору его приятель Сергей Шолохов, и тогда в передаче «Пятое колесо» он знакомит зрителей со своими «научными и политическими открытиями», а также успехами на пути поисков новых форм существования. Последнее выступление Сергея Курехина по телевидению — о новых его «открытиях» в жизни и биографии В. И. Ленина — произвело на слушателей неизгладимое впечатление... Пересказать его невозможно. Ошеломляло, как из различных высказываний, воспоминаний очевидцев, предположений, неожиданных деталей биографии, фотографий, схем и диаграмм, через ряд силлогизмов и умозаключений неопровержимо рождался вывод, что Ленин, по всей очевидности,— это... гриб. И в то же время — управляемая из Мексики радиоволна. Кто-то воспринял это как пародию на засушенные научные трактаты, кто-то — как иронию по поводу логики «единственного в мире» учения, которое всесильно, потому что оно верно и поэтому готово раз и навсегда растолковать все и вся. Кому-то увиденное и услышанное показалось сатирой типа оруэлловской. А кто-то все принял всерьез до буквы и был шокирован и потрясен... Пока Курехин еще не успел никуда уехать или увлечься чем-то таким, что исключило бы возможность общения, я обратилась к нему с рядом вопросов.

Анастасия НИТОЧКИНА

— Сергей, почему вы перестали выступать с концертами у нас в стране?

— Все очень просто. «Поп-механика» — это довольно большой... оркестр, который составляют множество приглашаемых отдельных групп, как музыкальных, так и немузыкальных. Основной принцип построения программы заключается в том, что каждая группа абсолютно не представляет, что происходило на сцене до ее появления, что будет происходить во время выступления и, естественно, после ухода ее со сцены. Поэтому некоторые уверены, что выступают на классическом концерте. Другие думают, что участвуют в концерте рок-музыки. Третьи считают, что это конкурс красоты или военный парад, и т. д. Представление построено по логическому принципу, разработанному мной много лет назад, и отчасти напоминает сумасшедший дом. Тихий или буйный. Как пойдет. Поскольку я постоянно увеличивал масштаб представления, то выходило, что в идеале полем моей деятельности неизбежно должна была стать вся страна. Что, собственно, наконец, и случилось. Я добился того, чего хотел. Поэтому необходимость таких концертов у нас в стране для меня полностью отпала. Видите ли, в последнее время меня интересуют различные научные изыскания.

— Вы решили заняться научной деятельностью? Это ведь не очень распространенное явление среди деятелей искусства!

— Современное искусство переживает очередной серьезный кризис. Оно сможет развиваться только по направлению смыкания с наукой. Я имею в виду любые отрасли науки — биологию, палеонтологию, астрономию, геологию, филологию, медицину и т. д. Сегодня любые исследования кишечных заболеваний могут дать искусству гораздо больше, чем изучение творчества Толстого или рассмотрение феномена свинга в джазе.

— Теперь я понимаю, почему вы решились вынести на суд телезрителей свои многолетние исследования о жизни и деятельности Владимира Ильича Ленина. Были ли какие-нибудь цензурные вмешательства в эту программу?

— Практически нет. Правда, редакцию «Пятого колеса» смутила фраза: «Коран разрешает евреям есть грибы по субботам». Они сочли эту фразу абсурдной. Я же исходил из того, что Коран не может ничего запретить евреям. А то, что не запрещено, разрешено. Простейший силлогизм! И еще я очень жалею, что мы не успели заснять интервью с Генрихом Боровиком. Это было бы очень к месту. Я даже представил себе хитрющую физиономию Сергея Шолохова, который говорит: «Был ли Ленин грибом? Давайте узнаем, что думает по этому поводу Боровик!».

(ОТ ПУБЛИКАТОРОВ: Те из зрителей передачи, кто воспринял ее на полном серьезе, позже, поостыв, посчитали, что над ними здорово поиздевались, и пришли в бешенство. Откровенно говоря, их можно понять...)

— Собираетесь ли вы продолжить исследования в этой области?

— Мне кажется, что тема уже исчерпана. Меня интересуют сейчас абсолютно другие вопросы. Вместе с фольклористом Сергеем Бугаевым и еще с некоторыми учеными мы организовали группу «Новые генетики», которая занимается исследованием пограничной области между растениями и животными. Нас подтолкнула к этому статья в ленинградской газете «Смена» от 6 февраля 1991 года, в которой, в частности, говорится, что Ленин не может быть грибом, потому что млекопитающее не может быть растением.

Мы сделали несколько очень важных открытий. Например, мы обратили вни-

Фото Валерия ПЛОТНИКОВА

мание на загадочное исчезновение из оптовой и розничной продажи в Ленинграде кур. Затем последовали гигантские закупки куриных лапок в США и ряде европейских стран. Все это сначала не вызвало никаких подозрений, хотя интерес Ленсовета к курам был несколько необычным. Зачем депутатам Ленсовета понадобилось такое огромное количество куриных лапок?

Давайте обратимся к данным науки. Всем хорошо известно, что куриные лапки являются важнейшим компонентом кровавого ритуала вуду, приверженцами которого были некоторые племена пигмеев Центральной Африки, Гаити и некоторых других регионов. У нас небезосновательно возникло подозрение, что некоторые депутаты Ленсовета имеют к этому ритуалу прямое отношение. Если в ближайшее время в Ленинграде произойдет закупка за рубежом козлиных голов, также являющихся компонентом этого ритуала, то наша версия о принадлежности части депутатов к племени африканских пигмеев полностью подтвердится. Думаю, что пролить свет на эту проблему мог бы депутат Болтянский, но он почему-то предпочитает отмалчиваться. Кстати, генерал Калугин, раскрывая множество тайн КГБ, тоже обходит молчанием эту насущную тему. Создается впечатление, что созревает какой-то заговор. Мне еще не совсем понятна роль Невзорова в этой истории.

— Кстати, о Невзорове. Как вы к нему относитесь?

— Я думаю, у Невзорова ярко выраженный комплекс Клары Цеткин. А вообще-то я считаю его Менделеевым современной журналистики, хотя он, конечно же, *гандон.*

— Бог с вами! Что вы имеете в виду?

— Дело в том (и на это многие обратили внимание), что он хочет казаться крупнее и вместить в себя больше, чем может на самом деле. Отсюда его любовь к лошадям. Если рассмотреть Невзорова в поперечном сечении, то мы ясно увидим структуру, которую можно выразить формулой $N\searrow...x\int_0^{\infty}e - mv_x^2/(2kT)...$

Собственно, поэтому разговор о нем продолжать бессмысленно.

— Так что же с кровавым ритуалом вуду?..

— А вот давайте перенесемся в Германию накануне второй мировой войны. Всем хорошо известно, что Гитлер прошел мощную изотерическую и мистическую подготовку. В частности, утверждается, что через Розенберга он осуществлял связь с Тибетом и получал указания непосредственно от тибетских махатм. Однако исследования нашей группы «Новые генетики» полностью опровергли эту лжетеорию. Мы беремся утверждать, что он получал указания не из Тибета, а из Центральной Африки. И не через Розенберга, а через Риббентропа. А пресловутый «тибетский батальон», который защищал бункер в конце войны, состоял не из тибетских лам, а из обесцвеченных негров. Мы имеем также данные о том, что Сталин знал об этом еще в 1940 году. Его предупреждал об этом Рихард Зорге из Туниса. Но, к сожалению, Сталин не придал этому значения, иначе судьбы мира сложились бы иначе. Нас натолкнуло на эту мысль сделанное нами открытие — поразительное сходство свастики и растопыренной куриной лапки. Растопыренная куриная лапка является у вудуистов космологическим символом власти. Похожий знак мы можем наблюдать на гробнице фараона Тутанхамона. А если еще принять во внимание, что Тутанхамон был сыном Эхнатона, то многое становится понятным. Кстати, тема «Тутанхамон — ОМОН» еще ждет своего исследования. Ведь тайна египетских мумий до сих пор еще не раскрыта, хотя недавно найденная забальзамированная мумия пингвина дает нам основания предполагать, что между Древним Египтом и Антарктикой существовали торговые отношения.

— Действительно, поразительное открытие. Но я хотела бы вернуться к началу нашего разговора. Правда ли, что вы противник демонтажа памятников Ленину?

— Я не скрываю того, что Ленин — моя слабость. Некоторые коллекционируют марки, значки, собирают гербарии. Мое увлечение — Ленин, и, конечно же, я категорический противник уничтожения памятников Ленину. Я берусь утверждать, что их было не слишком много, а слишком мало. Просто их устанавливали не там, где нужно.

— Это увлечение — главное в вашей жизни?

— Нет. Самое главное — эволюция. Именно эволюцию я сделал основным принципом своей жизни. Она необходима как гарант постоянного развития. Например, я принимаю что-то на веру. И сегодня верю в это «что-то» совершенно искренне и с энтузиазмом, но изначально знаю, что завтра я от этой веры откажусь.

Любое позитивное высказывание верно только на сегодняшний момент. Завтра оно будет лишено малейшего смысла. Многие люди останавливаются в своем интеллектуальном развитии на разных этапах своей жизни. Создается впечатление, что подсознательно многие до сих пор считают «Незнайку на Луне» или «Приключения Буратино» вершинами мировой литературы. Поговорив с человеком о художественном творчестве, можно сразу понять, в каком возрасте прекратилось его развитие. Эти люди, как правило, называют остановку в своем развитии убеждениями или верой. Обычно остановка происходит к тридцатым — сороковым годам, реже — к пятидесятым. Человеку начинает казаться, что он уже все познал, все изучил, все знает и прикладывает усвоенные им псевдоистины ко всем жизненным ситуациям. Я же считаю, что процесс эволюции может остановить только смерть.

— Насколько я понимаю, занятие политической деятельностью для вас — это следствие того, что вы находитесь в процессе эволюции?

— Конечно. Но не только. Наша страна тоже все время развивается, но совершенно особо — в ней не действует ни один из существующих законов развития человеческого общества. Наша жизнь напоминает карикатуру на естественный процесс развития. Не сознавая этого, мы стараемся жить так, как живут люди во всем мире. Если на Западе происходят забастовки как средство экономического урегулирования, то у нас тоже стали проводить забастовки, только без какого-либо эффекта. Ни одна из наших экономических реформ не дает никакого результата. Более того, результат всегда обратный. Надо что-то делать.

— Что же?

— Я пришел к убеждению, что самое важное сегодня — это умение из определенных посылок вывести совершенно иное заключение, нежели то, что напрашивается. Например, сегодня, слушая выступления того или иного политического лидера, мы наперед знаем, что именно он нам скажет.

Все существующие лидеры — от Горбачева до Ельцина, и прочие правые, левые, экстремисты, центристы, сионисты и проч. — говорят банальности. Они не понимают, что народ сегодня с большей готовностью примет на веру любые глупости, любой бред, нежели будет слушать то, что давно всем осточертело и стало общим местом. Поэтому лидеры и перестали быть лидерами. Народ хочет увидеть наконец человека неожиданного. Только неожиданный человек способен стать сегодня действительным лидером.

Я убежден, что если бы Горбачев или Ельцин внимательно изучили структуры моих выступлений и приняли бы их во внимание, у них был бы шанс выступить с речью, которая потрясла бы мир и вернула утраченный престиж. Главное — потрясти слушателей. Если однажды Горбачев вместо слов: «Ельцин не прав в своих суждениях по поводу Союзного договора» — скажет, например: «Ельцин — млекопитающее!» — эффект будет потрясающим.

— Поделитесь, каким образом вы строите свою систему доказательств?

— Довольно сложно объяснять все это на пальцах. Я думаю, было бы правильнее, если бы наши политические деятели серьезно занялись изучением новой логики и ознакомились с работами группы «Новые генетики». Это, бесспорно, даст позитивный толчок в развитии политической жизни нашей страны. По силе он будет приблизительно равняться результату денежной реформы, горячим приверженцем которой я, кстати, являюсь.

— ?

— Да. Да. Мне нравятся голландские деньги. Во всех странах на этих важных бумажках изображают сумрачные лица великих людей. А в Голландии — зайчики, кошечки, собачки. И цвет у голландских денег — желтенький, розовый, голубенький. Деньги словно игрушечные. Если бы по всей стране наши деньги с Лениным обменяли на голландские с собачками и зайчиками или в крайнем случае изобразили на наших деньгах, например, трех поросят, то отношение к деньгам сразу бы изменилось. У нас деньги олицетворяют силу, а должны олицетворять жизнь. Это формирует психологию народа, иной принцип мышления.

— Может, не стоит все же подвергать такому испытанию, как денежная реформа, всю страну. Может, все же легче вас одного отправить в Голландию?

— Ни в коем случае. Мне здесь гораздо интереснее. Во-первых, какая-никакая, а все-таки Родина. Во-вторых, сейчас вся история делается у нас. А потом в жизни очень важно чередовать порядок и хаос. Жизнь у нас в стране приобретает ярко выраженный фрагментарный характер — что-то все время происходит, все хочется увидеть, всюду успеть. На Западе же долго и серьезно делаешь одну работу. Потом отдыхаешь. Потом так же долго и упорно делаешь другую работу. От этой размеренности я очень устаю. Мне хочется вернуться обратно домой, в хаос, в родной дурдом. Я чувствую себя здесь как рыба в воде. Но иногда, конечно же, этот хаос нужно структурировать, чтобы не сойти с ума. Тогда я еду на Запад и работаю.

— Сергей, странно, что в списке профессий, которыми вы владеете, нет слова «поэт». Вы никогда не писали стихи?

— Писал. Один раз. Шесть лет назад для одной из программ моего оркестра «Популярная механика» понадобились стихи. Что было делать? Я уговорил Виктора Цоя, тогда постоянного участника «Поп-механики», и мы вместе с ним написали длинный текст. Цой сдерживал мои особо циничные шуточки. Слова песни вы прочтете в этом же номере.

За кулисами «Поп-механики». Акт слияния русского и американского авангарда. Исполняет Джон Кейдж — величайший композитор США. Ассистируют Сергей Бугаев (Африка) и Сергей Курехин.

Сергей Курехин учит Виктора Цоя, как петь про французского боцмана.
Фото Анатолия СЯГИНА.

■

Итак, свершилось! Реформа цен. Наконец-то... Правительство и Президент дадут возможность отсмеяться и похохмить в первоапрельский понедельник, а со второго... А со второго — в целях стабилизации потребительского рынка, наращивания производства товаров народного потребления, борьбы со спекуляцией, во исполнение решений, во имя, во спасение и т.д. и т.п. Словом, как и все предыдущие 73 года, — все для человека, все во имя человека.

Поживем — увидим, хотя я видела и войну, и разруху, и голод. Однако надоело ВЫЖИВАТЬ и постоянно БОРОТЬСЯ. Тридцать лет я учительствовала. Чтобы заработать побольше пенсию, брала классное руководство, лишние часы, подрабатывала в вечерней школе. И вот на старости лет — снова ВЫЖИВАТЬ, ибо и представить не могу, как можно нормально жить на мою пенсию и дарованную Кабинетом министров 65-рублевую компенсацию. Если продукты и товары первой необходимости дорожают в 2—3 раза (а не первой — подорожали в ноябре), то, значит, в очередной раз дурят нашего брата, доказывая, что моя жизнь не ухудшится. Одно из двух: то ли нас за дураков держат, то ли отпетыми двоечниками были нынешние власть имущие, если они не знают разницы, когда результат увеличивается НА столько-то или ВО столько-то раз...

Помню реакцию народных депутатов, когда на союзной сессии Верховного Совета Н. Рыжков высказался в своей экономической программе за повышение цен и тоже с частичной компенсацией. Какой был шум, мол, все на переход к рынку правительство сваливает. А теперь? Разве, выдерживая нас на голодном пайке, новое правительство сознательно не готовило почву для реформы? Хотя бы психологически. И мы, изголодавшиеся и униженные, без носков и штанов, радуемся: наконец-то, свершилось, пусть втридорога, но будет.

И никто меня не переубедит в том, что Президент и Кабинет министров прикрывают свою беспомощность, неумение наладить хозяйственные связи, поднять экономику самым простым решением — повышением цен. Кто имел, тот и будет иметь, а вот нищих станет больше. Впрочем, нищими легче управлять, легче неимущих держать в повиновении.

Т. И. ПЕТРОВА
Ленинград

P. S. *Хорошо, что на «Огонек» подписалась на весь год, видно, в будущем году нам придется попрощаться, а жаль...*

■

Не так давно мы отметили 120 лет со дня рождения замечательного русского писателя, ставшего первым русским лауреатом Нобелевской премии, Ивана Алексеевича Бунина. Бунинской Россией называл наш елецкий край К. Г. Паустовский. Но если вы спросите, есть ли в городе Ельце памятник писателю, то вам ответят: «Нет, у нас другие памятники». И покажут бронзовый бюст в скверике возле табачной фабрики. Явно не пользующийся популярностью у горожан, памятник партаппаратчику, поставленный при полном его здравии, стоит до сих пор в центре города. Хотя для Ельца он ничего практически не сделал. Краткая энциклопедическая справка: «Соломенцев Михаил Сергеевич, родился 25.10 (7.11.) 1913 г., в с. Ериловка (ныне Елецкого р-на)...» (БСЭ). Зачем же его к нам, в Елец? Если жители с. Ериловка считают нужным, то пусть установят бюст Михаила Сергеевича у себя. В Ельце же давно необходимо увековечить несправедливо обойденных историей сограждан, о которых говорит мир.

Е. И. ЕЛЬНИКОВ
Елец Липецкой области

■

Лет 10 — 15 назад в США был проведен прелюбопытнейший эксперимент: группа американцев воспроизвела на куске картона одно из положений Декларации независимости США, подписанной «отцами-основателями» 4 июля 1776 г., и, выставив его на улице, предприняла попытку сбора подписей. Каких только оскорблений не пришлось выслушивать от возмущенных соотечественников — их называли коммунистами, красными, бунтовщиками, обещали разделаться с ними.

Вот текст этого положения: «Мы считаем самоочевидными истины: что все люди созданы равными и наделены Творцом определенными неотъемлемыми правами, к числу которых относится право на жизнь, на свободу и на стремление к счастью; что для обеспечения этих прав люди создают правительства, справедливая власть которых основывается на согласии управляемых; что если какой-либо государственный строй нарушает эти права, то народ вправе изменить его или упразднить и установить новый строй...»

Было бы не менее любопытным провести подобный эксперимент и у нас. В качестве экспериментального текста можно было бы предложить следующий: «Если какая бы то ни было нация удерживается в границах данного государства насилием, если ей вопреки выраженному с ее стороны желанию — все равно, выражено ли это желание в печати, в народных собраниях, в решениях партий или возмущениях и восстаниях против национального гнета, — не предоставляется права свободным голосованием, при полном выводе войска присоединяющей или вообще более сильной нации, решить без малейшего принуждения вопрос о формах государственного существования этой нации, то присоединение ее является аннексией, т. е. захватом и насилием».

Могу себе представить реакцию довольно большого числа своих соотечественников на предложение подписать этот текст. О выражениях, которые придется выслушивать при этом, говорить не приходится. А ведь это цитата из ленинского Декрета о мире (В. И. Ленин, Полное собр. соч., т. 35, стр. 14).

Э. А. ИВАНЯН,
доктор исторических наук, профессор
Москва

■

Пишет вам персональный пенсионер местного значения. Не тот, что пользуется спецбольницами, спецсанаториями, спецмагазинами, госдачами, кому дают бесплатные путевки и т. д.

Я тот, за спиной которого скрываются настоящие персональные пенсионеры. С 1942 г. (мне было 14 лет) работал. Честно и тяжело. Простая биография: ремесленное училище, монтер, солдат, мл. офицер, вуз, инженер. С 1973 года начальник отдела министерства. Выдвинули, уверен, по деловым признакам.

В 1956 г. вступил в КПСС. Командиры говорили: «Вступай, иначе больше взвода не видать!» Конечно, я мечтал «о маршальском жезле», но быстро понял: маршалов все-таки делают. А из меня делать было некому!

Без ложной скромности скажу: работал без оглядки на зарплату. Надо так надо. Как и многие.

В 1986 г. по возрасту ушел на пенсию в 120 рублей. Персональную, местного значения. Рублей на 10 набегало и льгот. Сюда входил и бесплатный проезд раз в год на поезде. Прошло 5 лет. Пошел я в Киевский горсобес за новой книжечкой на билеты. От меня потребовали партийный билет! А так как я в 1989 г. вышел из партии (состарился, стал болеть, да и к религии стал более внимателен), в горсобесе мне отказали в льготах.

Хотелось бы узнать: за что я получаю свою персональную пенсию? За многолетнюю хорошую работу, когда руководил вверенной мне службой республиканского масштаба? Или за простое членство в КПСС?

Не знаю, у кого спросить, из какого кармана давались мне льготы, какая взаимосвязь между органами соцобеспечения и КПСС, в которой я состоял 32 года?

Ю. Д. БАНКОВСКИЙ
Киев

■

Привожу текст телеграммы, адресованной начальникам политорганов, заместителям командиров по политчасти.

«Довожу до вас идеологическую ориентировку по событиям в Прибалтике. Социально-политическая обстановка в Литве, других прибалтийских республиках остается напряженной. Ландсбергу (именно так в тексте) и его сторонникам не удалось в полной мере использовать трагические события в Вильнюсе для достижения своих политических целей, пытаясь дестабилизировать ситуацию. В настоящее время они консолидируют силы и выжидают удобный момент для восстановления в Литве буржуазного строя, направляют все силы для срыва объявленного Указом Президента на 17 марта референдума по сохранению Союза ССР. При этом лидеры «Саюдиса» убеждают общественность в опасности надвигающейся диктатуры и возможности военного переворота. Созданный ими кризис выдают за межгосударственный конфликт. Усиливается тенденциозность в информировании населения. Происходят встречи с различными общественными группами, чтобы заручиться их поддержкой и втянуть в конфликт другие районы страны. В этой ситуации представляет опасность позиция демократических лидеров России, которые разыгрывают прибалтийскую карту в своих целях. Об этом свидетельствует выступление Ельцина Б. Н. на сессии Верховного Совета РСФСР 21 января. Его замечания в адрес центра вызвали резкие оценки у значительной части общественности и в то же время дали новый импульс деструктивным силам. Правительства Прибалтики продолжают создавать национальные армии, не предусмотренные законодательством СССР. Как показывает развитие событий, центр конфронтации смещается в Латвию, Эстонию. Экстремисты готовы спровоцировать новое вооруженное столкновение и взывать к помощи Запада. В средствах массовой информации нарастает антисоветская, антисоциалистическая пропаганда. Предлагаю данный материал использовать в агитационно-пропагандистской работе, при информировании боевых расчетов».

Что мне делать, если «идеологическая ориентировка» воспринимается мной, офицером Советской Армии, как ложь? Доложить рапортом по команде? Кому? Закрыть глаза и не открывать рта, ожидая законной пенсии (до 20 лет еще 2 года), как советуют жена и родители? Демократия, как показывает история, должна быть выстрадана, завоевана, и не время сейчас, находясь в унылой социальной тоске, строить «личное бомбоубежище». И я решил дать ответную телеграмму. Вот текст.

«Ночью с 12 на 13 января в Вильнюсе произошла трагедия. Военнослужащие Советских Вооруженных Сил стреляли в литовский народ, давили людей танками. Демократия в Литве была растоптана нашими сапогами в 1940 г. после предварительного сговора двух палачей. Лучшие люди нации стали жертвами сталинских лагерей. Но нельзя победить народ. Парламент и правительство, избранные на последних демократических выборах, провозгласили независимость этой страны. Много непоправимых ошибок совершил этот парламент, антисоветская деятельность переросла в антирусскую, и советских военных назвали оккупантами. Но нельзя забывать об ошибках центра. Прояви он политическую дальнозоркость, откажись от имперских притязаний, признай независимость республики, договорись о статусе Советской Армии на территории Литвы — все было бы иначе. Экономическая блокада, диктат на переговорах, активизация деятельности КПЛ от КПСС, разжигание межнациональной розни, дезинформация общественности — с одной стороны, и разнузданная антиармейская деятельность, поощрение парламентом националистических проявлений, активное навешивание ярлыков в духе худших большевистских традиций — с другой. Все это привело к рождению плана возвращения Литвы в Союз. Появился Комитет спасения, анонимный, претендующий на власть, которому подчинилась армия. Пролилась кровь. Горе это не только литовское — наше общее горе.

Обращаюсь к военнослужащим. Армия должна быть политически нейтральна. Нельзя выходить на улицу с оружием и смотреть на людей через прицельную планку. Нельзя быть пешками в политической борьбе власть имущих. Честь офицера в служении народу. Возродим демократический дух русского офицерства!»

Капитан АБАТУРОВ А. В.,
секретарь городской организации Дем. партии России
Усть-Илимск

■

Большинство советских людей привыкло к постоянным идеологическим клише: народы нашей страны — братья, республики — сестры, а мы все — единая семья народов...

РЕФОРМА ЦЕН: НЕ ДО СМЕХА, БЫТЬ БЫ ЖИВУ... ●
ПО СЧЕТУ СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ ●
ЛИТВА — СЕРДЦЕ БОЛИТ ПО-РАЗНОМУ... ●

Но вот А. И. Лукьянов на сессии Верховного Совета СССР 21 марта при обсуждении результатов недавнего всесоюзного референдума внес в эту затертую палитру новую краску, причем, как юрист, он выбрал максимально точный образ. Если какая-нибудь республика захочет выйти из Союза, сказал Анатолий Иванович, начнется долгий, непростой бракоразводный процесс, который затянется лет на пять.

Мне хотелось бы развить эту мысль. Действительно, в какой-то момент два свободных государства заключают между собой как бы супружеский договор и начинают новую совместную жизнь. Если брак, так сказать, полигамный, совместная жизнь оказывается сложнее, но образ, данный Лукьяновым, все равно остается понятным. И, по-моему, весьма доходчиво раскрывает суть Союза. Суверенные государства, считай их мужем или женой, вступают ли они в брак по любви или по расчету,— равноправные супруги в семье. Но в семье есть старший — Союз. Увы, этот старший для наших супругов не мать родная или отец, а свекор или теща. И они заслуживают законного уважения, им должны быть благодарны за помощь и заботу, но, как это чаще всего бывает в жизни, горячо любят их редко.

По-моему, об этом нужно помнить сторонникам любого, в том числе и обновленного, Союза. Но и противникам тоже не забывать и мириться по-семейному.

А. КУЗНЕЦОВ
Ярославль

■

В последние годы «Огонек» резко изменился. Вместо жизни на его страницы пришла смерть. Чего стоят предостережения обозревателя А. Головкова, разгневанного принятыми мерами против разгула фашизма в Литве, когда, войдя в экстаз, он восклицает: «Прости нас, Литва!»

Литовское руководство лишило наших соотечественников, проживающих в Литве, прав человека, возможности покупать продукты, отключило воду и электричество. Его молодчики забрасывают камнями и бутылками с горючей жидкостью жилища некоренного населения, обстреливают автобусы с детьми, направляющимися в школу, распространяют по телевидению и радио беспардонную ложь против Советского Союза, вводят в органы власти бывших карателей, состоявших на службе у гитлеровцев, грозятся убить каждого русского...

Неужели не понятно, что литовские «саюдисты», латвийские и эстонские народнофронтовцы и другие «демократы» ведут борьбу за власть, чтобы разрушить Советский Союз, обнажить его северные границы, подорвать оборону и безопасность российского государства?

Но ведь «демократы» Российской Федерации и не скрывают, что их целью является свержение советской власти и передача России в «безвозмездное пользование» США и «родной мафии», реставрация капитализма и установление частной собственности, что означает лишение рабочих и крестьян завоеванного в длительной борьбе права на труд, отдых, образование, жилище и бесплатную медицинскую помощь.

Почему же, зная о тяжелых последствиях развала СССР для рабочих и крестьян, «демократы» продолжают бороться против Союза на сессиях Верховного Совета России, на митингах, в печати? Потому что в буржуазном государстве, к которому рвутся, они будут жить богаче. Одни из них станут губернаторами, другие — мэрами или земскими начальниками. Найдутся и такие «демократы», которые и полицмейстерами захотят быть. Все они обзаведутся поместьями. В конюшнях будут орловских рысаков держать. На «кадиллаках» в гости ездить. Французское шампанское пить.

«Демократы» всюду кричат: «В магазинах пустые полки!» Вместо того чтобы трудиться в сельском хозяйстве, они бегут, вытаращив глаза, к микрофонам, чтобы выплеснуть в адрес коммунистов злобный призыв: «Покайся!»

Это в чем же я, коммунист, должен каяться? В том, что, защищая Родину, остался жив, а брат погиб при обороне Ленинграда? Что погибли на войне и оба зятя? В том, что получил ранения и на всю жизнь стал инвалидом? Вот мое житие: русский, учитель, образование высшее, трудовой стаж 56 лет, офицер, инвалид войны, член КПСС с 1948 года, отец четверых сыновей. Построил дом, посадил и выходил сто плодовых деревьев. Пусть толпа назовет деяния, за которые я должен покаяться, и назовет того, перед кем я обязан покаяться!

При нынешнем «жанре» «Огонек» вряд ли долго просуществует. Трудно поверить, что талантливые и умные люди, В. Коротич и А. Головков, не очнутся от гипноза и не произнесут с горечью: «Прости нас, мама, что мы, увидев кровь литовцев, забыли о крови и страданиях русских людей, проживающих в Литве, и даже не вспомнили, что от американских ракет гибнут тысячи матерей и детей Ирака, а в экстазе крикнули: «Прости нас, Литва!»

Н. И. ГОЛУБЯТНИКОВ,
офицер запаса,
ветеран войны и труда
с. Татарка Ставропольского края

■

В «Аргументах и фактах» (№ 6 за этот год) приводится выдержка из доклада Нины Андреевой на 3-й конференции Всесоюзного общества «Единство — за ленинизм и коммунистические идеалы»: «В наши дни не надо никому доказывать, что перестройка готовилась заранее антикоммунистами всех мастей с благословения и при поддержке их зарубежными покровителями...

Активизируется и пехота контрреволюционного переворота. («Пехота» — это проститутки, наркоманы, бездельники.— **М. Б.**) Политически, идеологически, организационно мы должны готовить себя к грядущим социальным битвам. В своей решительности и бескомпромиссности в борьбе за социализм, фигурально говоря, надо встать вровень с нашими легендарными дедами-буденновцами, которые в стремительных сабельных атаках рассекали до седла поручиков голицыных и корнетов оболенских...»

Кто бы мог подумать, что слова довольно безобидной песенки, которую пропоют да и забудут, вызовут прилив такой злобы и ненависти?! А мы-то по простоте душевной думали, что гражданская война давно закончилась. И согласно теории, которую развивает Н. Андреева, в нашей отдельно взятой стране давным-давно построен социализм, развитой и зрелый. Так кого и зачем разрубать «до седла»?

Верно, Буденный и его товарищи победили в гражданской. Но в Великую Отечественную под командованием Буденного и Ворошилова войскам пришлось отступать до Москвы. А гнать от нее супостатов довелось Советской Армии под водительством бывших поручиков и старших офицеров, таких, как Маршалы Советского Союза Шапошников, Жуков, Василевский, Рокоссовский...

Может, обо всем этом не стоило бы говорить, прочитав путаную выдержку из доклада известной преподавательницы, а пожалеть студентов, которые у нее учатся. Пробежать глазами и, как говорится, наплевать и забыть, если бы не вспомнилась другая статья — уже в «Правде» от 8 января этого года. Под рубрикой «Острый взгляд» она названа так: «Раздайте патроны, поручик Голицын...». В ней автор, колхозный механик Олег Гусаревич, говоря о травле русского народа, армии, КГБ и КПСС, пишет: «...Включите телевизор, вы увидите известного певца и услышите: «Раздайте патроны, поручик Голицын, корнет Оболенский, надеть ордена!» И делает вывод, что «на смену революционной романтике приходит белогвардейская романтика бывших земельных собственников». Ни больше ни меньше. И далее: «Наша литература за два года стала эмигрантской, и неэмигрантам уже вроде бы и нет места в наших журналах». Можно подумать, что автор даже не листал этих журналов! И совсем не видел, скажем, «Роман-газеты». Там находится место и для Виктора Астафьева, и для Петра Проскурина, и для Валентина Пикуля и других советских писателей. А что напечатали Солженицына, так писал-то он здесь. И вообще разве можно считать его эмигрантом? Его выслали. Без суда.

Запрещали Есенина и Булгакова, Высоцкого и Солженицына и еще многих других. Но теперь иные времена. И неужели мы так одичали, что видим в песнях и романах одни призывы к свержению существующего строя? Вот я спустился во двор, а там веселая компания грохнула: «Есаул, есаул, что ты бросил коня...» Ну и что? Да они эту песню завтра забудут. Так неужели надо разжевывать, что в песне нельзя понимать все буквально. Что песня о Ермаке — вовсе не об уставе караульной службы, о Стеньке Разине — не призыв к обучению девушек плаванию стилем «баттерфляй», что не хотел обидеть чеченцев Лермонтов в своей казачьей колыбельной. А Хазбулат удалой имеет слабое отношение к хранению холодного оружия. То же можно сказать и о песнях, которые поет А. Малинин.

М. М. БРАГИН
Москва

■

Здравствуй, «Огонек»! Скоро мне будет 18 лет, с 11 лет я инвалид I группы. Благодаря усилиям врачей и моей мамы я живу, закончил школу, учусь в медицинском училище. Моя мама — пример другим матерям инвалидов, она сделала и делает все возможное и невозможное для меня. У меня много друзей по несчастью за рубежом — инвалидов из Канады, ФРГ, США и других стран. Но кому-то наша переписка очень интересна: не только вскрывают конверты, но даже изымают журналы, очень нужные мне, которые помогают мне адаптироваться в жизни и не быть обузой другим.

«Огонек» в нашем доме — любимый журнал с того времени, как в № 7 в 1984 г. в нем была напечатана статья «Такая у нас работа» — о реанимационном отделении института имени Склифосовского, где меня спасли. Там даже была фотография, сделанная И. Гавриловым, под которой написано: «Теперь пациент здоров. Счастья тебе, Кирюша!» Я и есть тот самый Кирюша. Спасибо врачам, спасибо «Огоньку»! Вот только выписывать мы его не можем, новая цена — не для инвалидов, моя пенсия всего 70 рублей.

Кирилл ЛЫХИН
Пермь

ОТ РЕДАКЦИИ. Напомним, о чем писали мы семь лет назад. Выходя из автобуса, одиннадцатилетний мальчик попал под машину. В отделение реанимации его привезли из городской детской больницы, где оперировали по поводу тяжелой черепно-мозговой травмы. Началась инфекция, потом пневмония. Через несколько дней стало ясно, что мальчик не выживет.

Только одна мама не верила, что Кирюша умрет. Уверяла, что он слышит ее, отвечает на рукопожатие, хотя никаких проблесков сознания у ребенка не было. Три месяца без сознания, никакая реанимация не имела смысла. Кирюшу перевели в детскую больницу, и мать была рядом с ним. Спустя две недели звонит в реанимацию: «Сынок-то разговаривает»... Врачи, материнская вера и любовь спасли мальчика.

Спасибо тебе, Кирилл, что жив, учишься и помнишь о нас! Прости, что за редакционной суетой забыли о тебе, виноваты, и ты, конечно же, прав, когда пишешь в своем письме, что «к сожалению, выживание и жизнь больного человека очень часто просто сенсация, интересный случай из медицинской практики или удачная статья в прессе». Думаем, что твое письмо прочтут и Татьяна Быстрова и Андрей Калинин, лечившие тебя в институте Склифосовского, и врачи девятой московской больницы. А мы обещаем, что «Огонек» ты получать будешь. Труднее только с Министерством связи, много жалоб получаем от читателей: не доставляют газеты, посылки, письма, вскрывают их, особенно если, как у тебя, из-за рубежа приходят... А потому мы обращаемся к работникам связи: Кирилл Лыхин проживает по адресу: 614010, ПЕРМЬ, УЛИЦА ГЕРОЕВ ХАСАНА, ДОМ 4, КВ. 3. Помните, что ему не для интересного чтения нужны журналы, они нужны, чтобы жить...

Будем, Кирилл, надеяться на лучшее, ты уже сам убедился, что мир не без добрых людей...

З. ЗОЛОТОВА,
корреспондент
отдела
морали и писем

Генрих САПГИР

ИЗ КАТУЛЛА

С яблоком голубем розою ждал я вчера
Афродиту
с водкой Наташкой и чехом пьяная Нинка
пришла

Елена БОННЭР:

любимый анекдот академика Сахарова.

Идет экскурсия туристов по раю. Видят: сидит старая еврейка, вяжет носки. Они с наивозможнейшим почтением говорят ей:

— Вы такая знаменитая! Вы самая великая женщина в истории! Вы родили такого сына! Вы понимаете, для нас Иисус Христос...

— Да-да. Но если бы вы знали, как мы с мужем хотели девочку.

Прежде и я держала этот анекдот за самый любимый. Но теперь у меня другой.

— Что такое коммунизм?

— Коммунизм — это есть Советская власть + эмиграция всей страны.

Эдуард УСПЕНСКИЙ

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ИДИЛЛИЯ

Представляете — июнь!
Благодать, куда ни плюнь.

Светло-розовый лужок,
Желтенькая речка...
Вылезли на бережок
Два желтых человечка.

Синий дождичек пошел.
Синим все покрасил.
Выпал сладкий порошок,
Лужицы заквасил.

Я стою в дурманчике,
Очень, очень рад.
Предо мной в туманчике
Летний детский сад.

Дети все нарядные
И в комбинезонах.
В них работать можно
В запрещенных зонах.

Няни детям раздадут
Всем противогазы.
И они гулять пойдут,
Не боясь заразы.

Вот собачка бегает
И трясет рогами,
Пробежала курочка
С четырьмя ногами.

Капли свежей ртути, тишь...
Благодать в июне.
Целый день себе стоишь
И пускаешь слюни.

Булат ОКУДЖАВА

ПЕРЕД АФИШЕЙ ЗАПАДНОГО ПЕВЦА

Вечера французской песни
нынче в моде и в цене.
А своих-то нет, хоть тресни.
Где же наши шансонье?

Пой, француз, тебе и карты,
ты — француз, ты вдалеке.
Дело в том, что наши барды
проживают в бардаке.

В том, в котором нет пророка,
чуть явись — затопчут след.
Пой, француз, ведь ты далеко
и к тебе претензий нет.

Чем начальству ты приятен?
Тем, что текст твой непонятен.
Если ж нужен перевод,
переводчик — наш молодчик —
как прикажут — переврет.

Ты поешь и ты танцуешь,
ты смакуешь каждый стих,
если даже критикуешь —
ведь не наших, а своих.

Пой, француз, с тебя нет спроса,
ты ведь гость, чего грешить...
Остальное — наша проза,
не тебе ее решить.

1966 г.

Лев НОВОЖЕНОВ

АННОТАЦИЯ

Муж и жена. Абсолютно чужие друг другу люди. Прожили вместе десять лет, пока он в припадке какой-то безрассудной откровенности не рассказал ей, что работает стукачом. Оказалось, что и она тоже. Нашли много общих знакомых. Зажили душа в душу. А ведь собирались разводиться. Действие происходит в другой стране.

Игорь ИРТЕНЬЕВ

* * *

Поймали арабы еврея
И стали жестоко пытать:
— А ну, говори нам скорее,
Как звать тебя, мать-перемать!

Коль скажешь — дадим тебе злата,
Оденем в шелка и парчу,
Подарим портрет Арафата.
Короче, гуляй не хочу!

Не скажешь — живым не надейся
Тюремный покинуть подвал...
Но имя герой иудейский
Сиона врагам не назвал.

Молчал до последнего вздоха,
Как те ни пытали его...
Он «р» выговаривал плохо
И очень стеснялся того.

Александр ТАРАСУЛЬ, Эдуард КАМЕНЕЦКИЙ

СКАЗ ПРО ТО, КАК В ДЕРЕВНЕ ЗЮЗИНО КАПИТАЛИЗМ ВВОДИЛИ

«Если социализм существует, значит, это кому-нибудь нужно!»
(Кабинет министров)

На следующее утро после введения в Зюзине капитализма впервые за последние семьдесят лет коров покормили. А еще через день колхозный сторож Никодим совершенно неожиданно перестал бить жену, доярку Клавдию, причем не из гуманных соображений, а потому что у нее при этом падает производительность труда.

Дальше — больше! Местное сельпо решили переименовать в супермаркет, потому что его продавщица Фрося прямо-таки ворвалась в Книгу рекордов Гиннесса. Оказалось, что только за прошлый год она 1457 своих клиентов видала в гробу. Сельчане приходили сюда по вечерам, как в кино. Нет, не для того, чтобы что-то купить, а просто чтобы убедиться, что такие товары в принципе существуют. Сторожу Никодиму особенно полюбился в супермаркете импортный баночный самогон. Он пил его с содой вместо содовой.

Скоро в Зюзине вырос и первый небоскреб. Единственное, что в нем напоминало о старой жизни,— это был Слава КПСС, который живет на крыше.

В канун первых свободных выборов Председатель Презюзиума решил возглавить блок без коммунистов и без партийных. В ответ на это секретарь парткома вышел на улицу с плакатом: «Кто носит майку «Адидас», тот завтра Родину продаст!» После этого он объявил политическую голодовку, похудел на восемьдесят килограммов и стал весить семьдесят.

Глядя на это, в зюзинских яслях малышей начали пугать «призраком коммунизма». В общем, впервые за семьдесят лет народ в Зюзине бросил пить и начал есть! Со стороны было видно, что зюзинцы стали сильно загнивать, но запах почему-то шел из соседних районов.

Зюзинская молодежь потянулась к церкви, правда, за опиумом... для народа... Кстати, и исповедоваться можно было у попа, а не только у представителя Комитета государственной безопасности. И вообще все местное отделение КГБ перешло в ЦРУ.

В тот же день над сельсоветом взвился красно-полосатый флаг с 52 маленькими серпами и молотами. Но

Виктор ЦОЙ,
Сергей КУРЕХИН

ОДНАЖДЫ...

Однажды ночью, в городе Одесса,
В шалмане Мойши возле Молдаванки,
Сидел известный всем налетчик Жора.
И там была его подруга Лара.
Тут мимо проходил французский боцман,
Увидев Лару, он упал с каштана.
А Жора, вмиг достав перо с кармана,
Сказал, что что-то стало слишком душно.

А в это время в славном Ленинграде
Грузины отмечали День Победы.
И среди них была одна особа,
Участница войны против японцев.
Тут мимо проходил французский боцман.
Ее увидев, он пошел на Зимний.
А в это время выстрелом Авроры
До основанья был разрушен Медный всадник.

А в это время молча по этапу
Шли декабристы в ссылку из Ирана.
И среди них шел гордый князь Волконский,
Продукт религиозного экстаза.
Тут мимо проходил французский боцман.
Увидев князя, он упал с жандарма.
А Пушкин шел за ним, ломая руки,
Держа в руках кровавый символ мести.

А в это время в Рио-де-Жанейро
Кишел пираньями залив Лос-Панчос.
Не зная об этом, юная креолка
Пошла купаться. Звали ее Флора.

Тут мимо проходил французский боцман.
Увидев Флору, он упал с лианы.
При перестрелке был убит Фернандо,
Хозяин местной мафии китайцев.

А в это время в Африке далекой
Пигмеи двух слонов загнали в яму.
И среди них красивая туземка,
Которая была женой шамана.
Тут мимо проходил французский боцман.
Ее увидев, он свалился с пальмы.
Шаман решил, что это Дух Кокоса,
Культурный атташе из Гондураса.

А в это время в праздничном Мадриде
Два гранда развлекались кастаньедой.
И среди них был гордый кабальеро,
Известный всей Севилье слабоумьем.
Тут мимо проходил французский боцман.
Увидев грандов, он упал с дуэньи,
Которая несла ему записку
О том, что встреча будет среди мулов.

А в это время в знойных Каракумах
Вели киргизы караван верблюдов.
И среди них одна авангардистка,
Обмотанная полиэтиленом.
Тут мимо проходил французский боцман.
Ее увидев, он упал с варана.
Варан плодился посреди жасмина
И весь пропах вонючими цветами.

А в это время где-то на Чукотке
Охотились все чукчи на тюленей.
И среди них была одна чукотка,
Которую все чукчи звали просто чука.
Тут мимо проходил французский боцман,
Увидев чуку, он упал с оленя.
И чукчи все попадали на землю
По древнему обычаю туземцев.

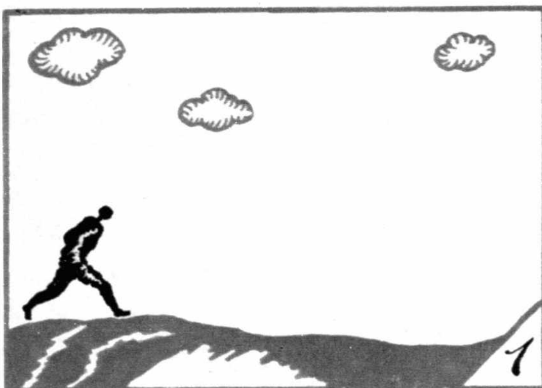
А в это время в лагере апачей
Индейцы пили огненную водку.
К столбу была привязана красотка,
Обвешанная скальпами бельгийцев.
Тут мимо проходил французский боцман.
Увидев скальпы, он упал с вигвама.
Индейцы закурили трубку мира,
Набитую картинами Гогена.

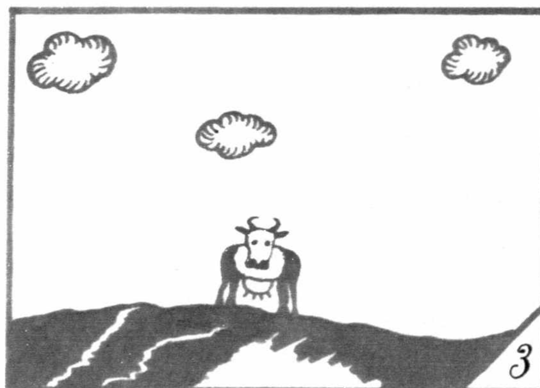
А в это время в городе Стамбуле
Вся армия турецких янычаров
Сидела рядом на блатной малине,
Разрушенной Тунгусским метеором.
Тут мимо проходил французский боцман,
Увидев турок, он решил сдаваться.
Но тут пришли связные от тунгусов,
Прося вернуть им метеор обратно.

А в это время в Тихом океане
Пираты захватили остров Пасхи.
Там находилась русская шпионка,
Пропитанная нитроглицерином.
Тут мимо проходил французский боцман.
Ее увидев, он упал с коралла
И проявил завидную сноровку,
Добытую при чтении Корана.

А в это время в Северной Пальмире
Две шайки озверевших демократов
Пытались изнасиловать корову,
Прибывшую на Игры доброй воли.
Тут мимо проходил французский боцман.
Увидев вымя, он покрылся потом,
Все детские и юношеские грезы
Слились в едином образе коровьем.

И т. д., и т. д., и т. д.

особое оживление возникло на зюзинском базарчике, когда была введена свободно конвертируемая валюта с денежной единицей — 1 зюзь, равный 100 зюзикам.

Но окончательно зюзинцы поверили в то, что у них будет все хорошо, когда к ним в Зюзино потянулись евреи.

Японцы начали выпускать видеомагнитофоны фирмы «Паназюзик». В течение дня был раскуплен миллионный тираж еженедельника «Зюзя-моден».

А доярка Клавдия разошлась до того, что разрешила снять себя в разных позах для журнала «Плейзюзь». Раньше бюст доярки Клавдии был виден с любого конца села, как и положено бюсту дважды героя. А теперь к бюсту приделали руку, поднятую вверх, и назвали это статуей Свободы.

Большие перемены произошли и в интимной жизни зюзичан. Впервые за свои последние семьдесят лет сторож Никодим нашел в себе силы и отнесся к своей жене, доярке Клавдии, не как к герою труда, а просто как к женщине. Утром на вопрос Клавдии: «Что это было?..» — Никодим ответил: «Это, наверное, и есть их проклятый секс!» Он густо покраснел и впервые почувствовал себя диссидентом.

С недавних пор сторожу Никодиму не давало покоя то обстоятельство, что он уже третий месяц мучается на задрипанной «зюйоте», а его сосед третий «зюзярожец» на «мерсезюзь» меняет.

Оказалось, что и у дружка Никодима, истопника Никифора, тоже давно кипит возмущенный разум.

По вечерам в подполье у Никифора начали собираться конюх Пантелей, золотарь Мефодий, сторож Никодим и другие представители зюзинского пролетариата. Они ели блины с икрой, расстегайчики под винным соусом и слушали отъевшегося на пособие по безработице секретаря парткома, рассказывающего о том, как зюзинский капитализм жиреет на народной крови. Секретарь звал их на смертный бой за светлое будущее, в котором всех этих недобитков поставят к стенке.

И вот дождливой ноябрьской ночью Никодим с друзьями овладели почтой, телеграфом и дояркой Клавдией.

Вот тогда все и поняли, что зюзинский эксперимент провалился.

До следующего эксперимента по введению в Зюзине капитализма оставалось семьдесят два года.

Владимир ВИШНЕВСКИЙ

* * *

...Да, столы не протёрты.
Тут у нас все на нервах!..
Пересохло в озерах.
И — урчание в недрах.
Ни подносов, ни тары.
Да и вилочки ржавые.
Несварение кадров.
И людей недержание.
И светила тут гаснут.
И сыреет тут наволочка,
Потому что у нас тут
Не частная лавочка!..

* * *

Верю в лучшую погоду,
Верю в силу конституций
Там, где поезд с теплоходом
Могут запросто столкнуться.

* * *

... опять же
с вашей демократизацией
как трудно приживаются новинки:
сержант ударил демонстранта
рацией
и доложил об этом по дубинке.

ОБРАЩЕНИЕ
ЦК КПСС, Верховного Совета СССР, Президиума ВЦСПС,
ЦК ВЛКСМ, Президента СССР
к советскому народу

Дорогие товарищи! Нам нечего вам сказать.

Марьян БЕЛЕНЬКИЙ, Киев

Игорь ИРТЕНЬЕВ

НА СМЕРТЬ ГЕРОЯ

За что убили Чаушеску?
Ведь он ни в чем не виноват.
С ним поступили слишком резко,
В живот направив автомат.

Невинной жертвы образ чистый
Навек впечатался в сердца,
Как подобает коммунисту,
Он им остался до конца.

Ряды героев поредели
В теченье считанных недель,
Друзья, мне страшно за Фиделя!
Скажи, ты жив еще, Фидель?

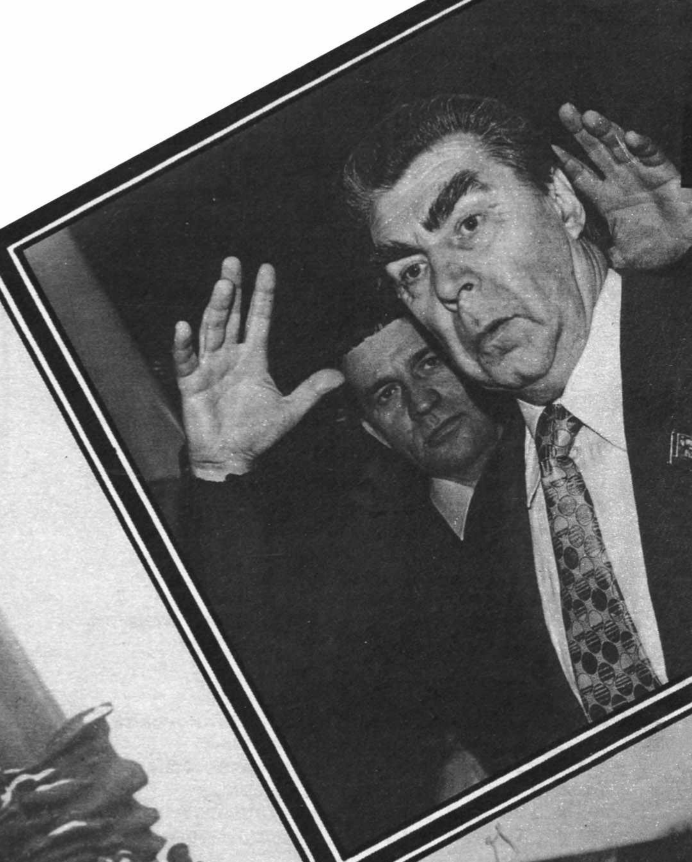
Я не могу без седуксена
В тревожной мгле сомкнуть очей,
Все представляю Ким Ир Сена
В кровавых лапах палачей.

Герои смерть не выбирают,
А я поэт, считай, герой,
Поэты тоже умирают
Не так, как хочется, порой.

Но если мой черед настанет,
То я бы так вопрос решил —
Уж если умирать — как Сталин,
А жить — как Чаушеску жил.

Собирал все смешное
Игорь ДВИНСКИЙ,
разукрасил
Витя КОВАЛЬ

1 апреля

«Каждый человек уникален и неповторим»,— внушали нам идеалисты-гуманитарии, гипнотизируя грустными умными глазами. «Незаменимых людей нет!» — опускали на землю начальнички, прихлопывая пухлой ладошкой по столу.

Кому верить?

С одной стороны, генный набор, который вырастит уши и нос на заданную величину и одарит неповторимыми отпечатками пальцев. С другой стороны, «Вчера видела в трамвае Карла Маркса...», «Стояла за кефиром с Брежневым, разговорились — оказалось, Матвеев...» Да что говорить, сами знаете! Нет, есть вульгарные объяснения. Вспомним притчу.

«Ехал герцог через какую-то деревушку, увидел крестьянина с точно таким же лицом, как у него. «Скажи-ка, любезный,— ухмыльнулся герцог,— должно быть, когда-то тут проезжал мой отец?» «Нет, товарищ герцог,— ответил крестьянин.— Когда-то тут проезжала ваша мать».

Ну а как быть с вещами вовсе необъяснимыми? Когда «Ленину» срезают премию за невыход на субботник. Когда соседка — «Раиса Максимовна» — ходит десятый сезон в одних и тех же бриллиантах, а «Михаил Сергеевич» копит деньги на 6 соток приусадебного участка. Мистика! Кто-то там шутит на небесах...

Мы шутим осторожнее. Мой друг, художник и поэт Витя Коваль, вчера сказал: «Сочинил тут эпиграмму на Петрова, который просто вылитый Павлов». «Ну?» «К моей груди приставил ножик мешок, подстриженный под «ежик».

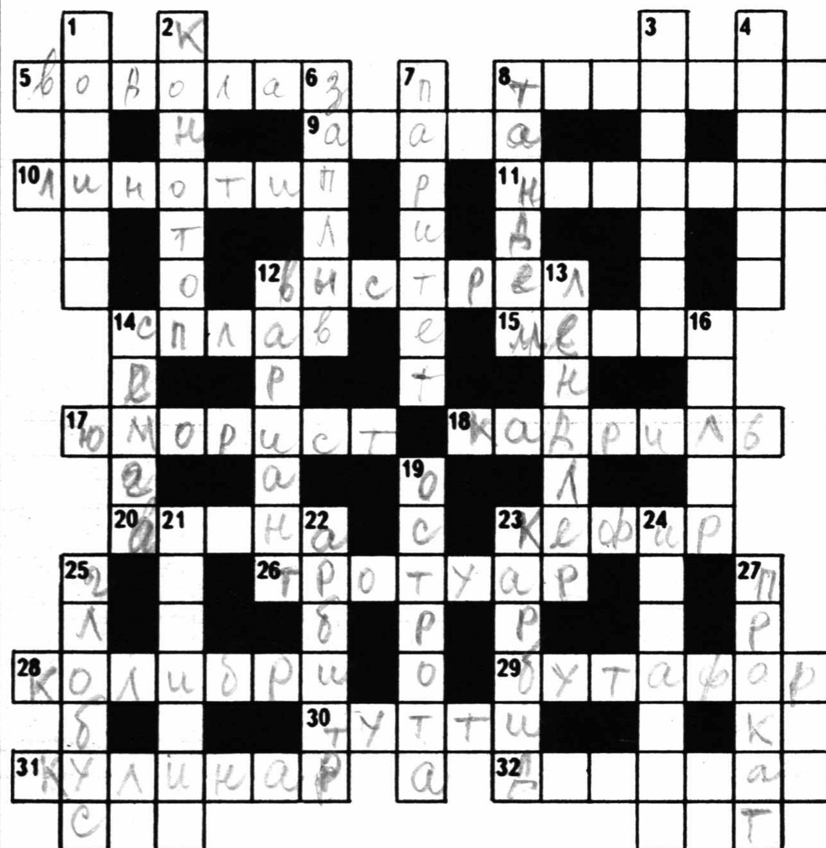
«Смешно! А почему сразу не на Павлова?» «Все-таки у Павлова наши сберкнижки и танки... Лучше на Петрова — все равно он просто двойник Павлова».

Давайте и мы посмотрим на Ивановых, Петровых и Сидоровых и посмеемся над Владимировыми, Михайловыми и Борисовыми...

ДВОЙНИКИ

Игорь ДВИНСКИЙ

Фото Александра ЕФИМОВА

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Порода хорошо плавающих собак. 8. Северная птица, гнездящаяся колониями. 9. Залив Красного моря. 10. Наборная печатная машина. 11. Рассказ А. П. Чехова. 12. Одна из «Повестей Белкина» А. С. Пушкина. 14. Вещество из нескольких металлов. 15. Река на западе Великобритании. 17. Автор смешных произведений. 18. Бальный и народный танец. 20. Город на юге Турции. 23. Кисломолочный напиток. 26. Пешеходная дорожка по сторонам улицы. 28. Самая мелкая птица. 29. Театральный работник, оформитель сцены. 30. Исполнение музыки всем составом оркестра. 31. Мастер по искусному приготовлению пищи. 32. Помещение для водных процедур.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Действующее лицо в опере Н. А. Римского-Корсакова «Ночь перед Рождеством». 2. Город в Сумской области. 3. Северное созвездие. 4. Русский художник-передвижник. 6. Состязание на скорость в водном спорте. 7. Равенство, равноправие сторон. 8. Двухместный велосипед. 12. Видоизменение, разновидность. 13. Народный австро-немецкий танец. 14. Лососевая рыба. 16. Приток Дуная. 19. Удачное, смешное выражение. 21. Летчик, участник перелета через Северный полюс в экипаже М. М. Громова. 22. Спортивный судья. 23. Химическое соединение углерода с металлом. 24. Восточная фантазия для фортепьяно М. А. Балакирева. 25. Модель земного шара. 27. Металлические изделия определенного профиля.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 13

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Бассейн. 6. Глазков. 8. «Жаворонок». 10. Амман. 11. Шасси. 12. Крыло. 14. Тундра. 15. Нептун. 16. Интеллигент. 19. Овьедо. 21. Ефанов. 22. Номер. 23. Атака. 25. Бисер. 26. Актинидия. 27. Горлица. 28. Трюфель.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Каламбур. 2. Пекан. 3. Самош. 4. Полоскун. 7. Иртыш. 8. Жардиньерка. 9. Карпентария. 12. Камерон. 13. Онеггер. 17. Светофор. 18. Водевиль. 20. Смена. 24. Актив. 25. «Бирюк».

1 руб. Индекс 70663

Импортные компьютеры
за рубли без предоплаты

ОБЪЕДИНЕНИЕ «МММ» ПРЕДЛАГАЕТ ТОЛЬКО

ЗА РУБЛИ ПО ЦЕНАМ НИЖЕ РЫНОЧНЫХ С ОПЛАТОЙ ПО ФАКТУ

широкий выбор импортных (Западная Европа, США, Южная Корея и Япония) компьютеров, совместимых с IBM PC AT/XT с любой периферией (лазерные принтеры, плоттеры, сканнеры и стриммеры), и оргтехники (автоответчики, ксероксы и телефаксы).
В течение 10 дней вам поставят продукцию известных торговых марок: Canon, Newlett-Packard, Mita u Hyndai.

Адрес для заявок: Москва, ул. Газгольдерная, 10.
Тел. 171-03-97, 173-44-15, 171-13-81, 171-06-90.
Объединение «МММ»